

МАЙКЛ СЛЭЙД

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ОХОТНИК
ЗА ГОЛОВАМИ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Майкл Слэйд

ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ

Львов
СИГМА
1996

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 44

Michael Slade

HEADHUNTER

Майкл Слэйд

ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ : роман

Copyright © by Michael Slade

ISBN 0-352-31518-0

ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ

ПРОКЛАМАЦИЯ

*Виктория, Милостью Божией Королева Соединенного Королевства
Великобритании и Ирландии, защитница веры и прочая, и прочая*

всем, кого касается нижеследующее,

ОБЪЯВЛЯЕТ:

Поскольку 29 октября тысяча восемьсот девяносто пятого года в сорока милях к юго-востоку от Принс-Альберт на Северо-Западных территориях индейцем по имени Жан-Батист, известным также под именем Глас Всемогущего, был убит Кэмпбелл Колбрук, сержант Северо-Западной конной полиции;

и поскольку для мира и спокойствия наших подданных крайне важно, чтобы это преступление не осталось безнаказанным, но чтобы виновные в нем были найдены и преданы суду;

мы объявляем награду в пятьсот долларов тому или тем, кто представит любые сведения о местонахождении указанного лица.

В доказательство подлинности приложена Большая печать Канады в присутствии

нашего кузена и советника distinguished сэра Джона Кэмпбелла Гамильтона-Гордона, графа Абердина, барона Хэддо, Метлика, Тарвеса и Келли в Шотландии; виконта Гордона в Абердине в Англии; баронета Новой Шотландии; кавалера Большого креста нашего ордена Св. Михаила и пр.; генерал-губернатора Канады.

Дано в Доме правительства, в нашем городе Оттава, в двадцатый день апреля, в год Господа нашего тысяча восемьсот девяносто шестой, в пятьдесят девятый год нашего царствования

за подписью

*Чарльза Татнера,
государственного секретаря.*

Приметы вышеуказанного индейца Жана-Батиста, йли Гласа Всемогущего:

Около двадцати двух лет, рост пять футов десять дюймов, вес одиннадцать стонов, худощавый, с маленькими руками и ногами, черные волосы до плеч, большие темные глаза, широкий лоб, орлиный нос, шрам на левой щеке от рта до уха.

Часть первая

Семя

*«Человек способен на все, потому что
в душе его вмещается все, прошлое
и будущее».*

Джозеф Конрад

Кошмар

ШАМАНСКОЕ ОЗЕРО, АЛЬБЕРТА, 1897

Тело свисало с потолка вниз головой, прибитое гвоздями за ноги. Голова отсутствовала — на ее месте торчал белый позвонок, окруженный красным сплетением жил. То, что осталось от человека, еще было одето в алую куртку Северо-Западной конной полиции. Руки в рукавах, украшенных золотым галуном, бессильно свешивались вниз, к луже застывшей крови, такой же красной, как куртка. Кровь еще капала с кончиков пальцев мертвеца, но звук, с которым каждая капля разбивалась о поверхность кровавой лужи, заглушался несмолкающим, монотонным боем барабанов где-то наверху, доносящимся из чердачной двери.

Бум... бум... бум... бум...

Он внезапно проснулся.

Его мускулы ныли.

Его нервы были натянуты, как струна.

Под одеялом, которое Блейк подложил под голову, его рука потянулась к спусковому крючку старого «энфилда». Щелкнул затвор, но этот звук был приглушен складками грубой ткани. Блейк медленно вытянул руку с револьвером из теплого укрытия в холодную темноту и стал ждать. Молча. Прислушиваясь.

Бум... бум... бум...

Ночь была безлунной. На севере над скованным холодом пейзажем трепетало полярное сияние, посылая на землю свой зыбкий свет, который индейцы называли «танцем мертвых духов». Над головой Блейка черное, как чернила, небо, пронзали иглы бесчисленных звезд; на востоке робкими розовыми бликами играли первые лучи рассвета. Было шесть часов утра.

Пока Блейк спал, арктический ветер засыпал долину еще одним слоем свежего снега. Снегопад уже кончился, и теперь все вокруг застыло в сонном оцепенении, зажатое в ледяные тиски мороза.

Бум... бум... бум... бум... бум...

Блейк находился в четырехстах пятидесяти футах к западу от Шаманского озера. Там, укрывшись под кронами нескольких сосен, он напряженно вслушивался в тишину. Воздух и замерзшая земля — все молчало, но чутье Блейка подсказывало ему, что поблизости кто-то есть.

Медленно, сжимая в руке «энфилд», он поднялся с земли.

Уилфред Блейк был высоким человеком с суровыми немигающими глазами. Одет он был, согласно правилам, в черную теплую куртку из кожи бизона. Хотя ему было уже под шестьдесят, годы битв и лишений, казалось, не ослабили его силы, заметной во всем — в плечах, в груди, в прямой, как ружейный ствол, спине.

Уилфред Блейк не был безрассудным. Он выжил во всех колониальных войнах Англии за свою двадцатилетнюю службу только благодаря осторожности, которую подсказывал ему инстинкт.

В 1857 году он служил в Индии в Шотландском полку и во время Сипайского мятежа оказался в Канпуре¹. Там ему пришлось засыпать под крики солдат, с которых заживо сдирали кожу; он видел колодец возле Бибигара, заполненный расчлененными трупами британских жен-

¹ Сипайский мятеж — восстание против англичан в Индии в 1857-59 гг. В начале его, в городе Канпур повстанцами были зверски убиты захваченные в плен англичане, их жены и дети.

щин и детей. Память об этом наполняла его во время взятия Лакхнау, где он, с ног до головы забрызганный кровью, без устали орудовал штыком и не брал пленных.

Пятнадцать лет спустя он был с Черной стражей в Африке; сам виконт Гарнет Уолсли направил его в Ашанти. В 1825 г. африканцы убили сэра Чарльза Макарти, опрометчиво проникшего в Ашанти, и с тех пор каждый год проносили его череп по улицам Кумаси¹. В 1872 г. Лондон приказал Уолсли покончить с этим. Только благодаря инстинкту Блейк выжил в битве при Армоафо, когда на его взвод волна за волной накатывались атакующие африканцы и он кричал своим «цельтесь ниже», по мере того, как перед ними нагромождались груды трупов ашантийских воинов. После этого он нашел череп Макарти и получил крест Виктории.

Так, за долгие годы, он усвоил главный солдатский урок: только смекалка в сочетании с инстинктом позволяют тебе выжить.

Инстинкт управлял им и сейчас.

Блейк прислушался. Над снежными пиками на востоке вставал рассвет. «Энфилд» покрылся инеем; руки, державшие его, начали коченеть.

Бум... бум...

Серые воды озера бились о кромку льда, отделявшую их от берега.

Бум... бум...

Где-то вдалеке заухала сова.

Бум... бум...

Временами по кронам сосен пробегал порыв ветра, заставляя их заговорщически шептаться.

И больше не звука.

Бум... бум...

Блейк слышал только биение пульса в висках.

¹ Кумаси — столица государства Ашанти в нынешней Гане, завоеванного англичанами после ряда кровопролитных войн в 1873-96 гг., в которых отличилась Черная стража — части, сформированные из африканцев.

Он проснулся от того же кошмара, что преследовал его уже давно, и именно от этого так сильно стучал сейчас его пульс. Теперь, сидя на корточках и вслушиваясь в тишину, он пытался понять, что в этом кошмаре беспокоило его больше всего.

Бум... бум... бум... бум...

Нет, это не монотонный бой барабанов. Это были пулевые и ножевые следы на стенах той комнаты, что снилась ему вот уже почти тридцать лет. Стены без окон; дверь, закрытая на засов; бревна вдоль стен с корой, все еще свисающей с них, как полосы кожи, — все это оставалось неизменным.

Он знал, что это зима 1870 года.

Комната, где Компания¹ вела торговлю с индейцами.

Слева от него громоздились мешки с провизией, а справа у стены стояли друг на друге деревянные ящики. Верхний был открыт, и в нем при свете огарка тоскливо отсвечивала ружейная сталь. По двадцать карабинов в каждом ящике, всего...

Нападение было неожиданным.

Ветер, как это бывает в горах, внезапно изменил направление и донес с запада слабый запах кожи и дыма. Две собаки из своры, лежащей у саней в пятнадцати футах от Блейка, вскинули головы и беспокойно приняхались.

«Почему собаки? — подумал Блейк на какую-то долю секунды. — Их же не было во сне». Потом он понял, что это не сон. Охота закончена.

Он повернулся — как раз вовремя, чтобы встретить врага.

Кри² было не больше восемнадцати. Он был одет в обычный зимний костюм своего племени — кожаную куртку до колен, схваченную в талии узким ремешком, и высокие гамаши. На голове у него была шапка, украшен-

¹ Компания Гудзонова залива вела меновую торговлю с индейцами и фактически владела до 1870 г. большей частью территории Канады.

² Кри — индейское племя в Канаде.

ная перьями и рогами бизона. В правой руке он сжимал старый винчестер, который теперь занес над головой, как дубину.

«Железный Мальчик, — подумал Блейк. — Вот я и нашел его».

Он почувствовал в крови приток адреналина, как всегда в минуту опасности, когда он только и жил полной жизнью.

Он поднял пистолет и нажал спуск.

Но «энфилд» не выстрелил — должно быть, замерз.

Заледеневший воздух, зазвенев, разбился от военного клича. Железный Мальчик прятался в роще футах в сорока к западу и теперь бежал к Блейку, утопая в снегу.

Блейк с проклятием сорвал с руки перчатку, сжал револьвер и снова попытался выстрелить. Курок обжег его пальцы льдом.

Железный Мальчик сбросил с себя куртку и был теперь обнажен до пояса. Спотыкаясь и выдыхая клубы белого дыма, он бежал по сугробам к Блейку, до которого ему оставалось не больше десяти футов. Увидев нацеленный на него револьвер, он резко присел.

Из ствола «энфилда» полыхнуло желтое пламя. Пуля пролетела в двух футах над головой кри и ударила в замок винчестера. Один из брызнувших осколков попал Железному Мальчику в висок, заставив его пошатнуться. Винчестер, выбитый из его рук, полетел в сугроб.

Следом рухнул и сам индеец.

Бум... бум... бум... бум...

Когда Железный Мальчик очнулся, прямо на него смотрело дуло револьвера.

— Ну, парень, — тихо сказал Блейк по-английски, — вижу, ты жив. Как, больно?

Блейк стоял перед индейцем, загораживая от него восходящее солнце. Нижняя часть его лица была закрыта черным вязаным шарфом. Он потирал рукой висок и почему-то улыбался. Кожа его загрубела и обветрилась под действием сил природы, но глаза под густыми седыми

бровями смотрели внимательно и строго. Правой рукой, окоченевшей от холода, он сжимал пистолет.

— Кто-то сражается, надеясь выиграть, но куда славнее тот, кто сражается без надежды. Это Сирано де Бержерак, парень. Вижу, ты с ним согласен.

Железный Мальчик не понимал, что говорит этот белый, но чувствовал, что безопаснее промолчать. Блейк приспустил на шею свой черный шарф и опустился на корточки. Ствол «энфилда» был теперь в четырех футах от головы кри.

— Не понимаешь по-английски? Или еще не очухался? Ничего, парень, у нас еще будет время поговорить.

Одна из ездовых лаек прибежала на запах крови, текущей по лицу Железного Мальчика. Солнце начало понемногу согревать горный воздух. Блейк потрянул головой и еще раз потер висок, потом окончательно размотал шарф. Теперь индеец мог разглядеть под его курткой красный мундир и одну блестящую пуговицу.

— Видишь ли, парень, я давно уже гоняюсь за тобой и очень хочу, чтобы ты и твой приятель Глас Всемогущего получили по заслугам. Конечно, я понимаю, что кри не хотят жить на шестнадцать квадратных милях, когда раньше у них были тысячи миль прерий. И понимаю, что они не хотят голодать из-за того, что не осталось бизонов. Но это та цена, которую они заплатили за поддержку Риль¹. Да и как запретить людям селиться здесь? Вы думали, что Глас Всемогущего сможет прогнать белых и вернуть старые времена? Нет, парень, теперь это наша земля, и советую тебе это запомнить.

Тело Железного Мальчика начало дрожать. Обломки кости ноги, сломанной о ледяной наст при падении, терлись друг о друга, причиняя ужасную боль. Он стиснул зубы, думая только о том, чтобы поскорее умереть и предстать перед Мостом духов. От боли и потери крови

¹ Луи Риль — вождь восстаний индейцев и метисов против английского правления в Канаде в 1869-70 и 1885 гг. После второго восстания повешен, а кри, принявшие активное участие в восстании, выселены в резервации.

он начал терять силы, а непонятная речь белого завороживала его раскатистым шотландским «р».

— Конечно, парень, я не скажу, что сержант Колбрук был лучшим из полицейских. Он часто работал спусня рукава, но в тот день он не выстрелил первым, когда на него напал Глас Всемогущего. Здесь не Додж-сити, парень, а Конная полиция — не американские варвары. Так скажи мне, почему твой приятель прострелил сержанту Колбруку шею из двустволки?

Блейк какое-то время помолчал, будто ожидая ответа.

— Да, для нас это горе, парень. Но еще большим горем это будет для вас. Никому — ни белому, ни индейцу, — не уйти от расплаты, если он убьет одного из наших.

Внезапно Блейк замолчал и, как загипнотизированный, уставился на россыпь кровавых капель на снегу. *Кап... кап... кап...* Этот звук эхом отдавался у него в голове. Он снова потер висок, и, когда заговорил, его голос показался ему невероятно далеким.

— Думаешь, я болтаю просто так, парень? Что ж, тогда я скажу тебе кое-что. Двадцать пять лет назад, на войне с ашанти, я переболел малярией, и она до сих пор сидит во мне.

Без предупреждения Блейк резко выбросил вперед руку и сбил с головы Железного Мальчика шапку с бизоньими рогами. При этом он испачкал ладонь кровью и долго смотрел на красную жидкость. Потом начал слизывать ее с руки языком.

— Не удалось тебе снять с меня скальп? Да, мой седой скальп прославил бы тебя в твоем племени.

Блейк замолчал и снова потер висок. Улыбаясь, он облизнул с усов последние капельки крови.

— Вы ошиблись, парни. Не потому, что убили Колбрука и других, а потому, что вынудили Херчмера пустить по вашему следу меня.

Внезапно он ударил рукояткой «энфилда» индейца по лицу. Передние зубы Железного Мальчика с леденящим

душу треском рассыпались дождем белых кусочков. Крик боли эхом отразился от Скалистых гор. Потом Блейк схватил кри за волосы и пригнул к земле.

Пока Железный Мальчик, давась, выплевывал обломки зубов, полицейский продолжал говорить:

— Херчмер считает, что я много о себе думаю, но на самом деле я больше нужен Конной полиции, чем она мне. Кого они зовут каждый раз, когда им нужно напасть на след? И если они не отошлют меня назад, как после того дела в Манитобе, я выловлю им Гласа Всемогущего так же, как выловил тебя. Поверь мне, парень, обо мне уже рассказывают легенды. Мое имя навсегда останется в истории полиции.

Он отпустил волосы индейца, и голова того ударилась о землю. Железный мальчик услышал лязг затвора и, подняв голову, увидел, что Блейк, опять трет висок. Солнце играло на стволе «энфилда».

— Им все равно, жив я или мертв. Но мне, парень, это не все равно.

Уилфред Блейк нажал на курок, и пуля угодила Железному Мальчику между глаз.

Блейк прислушался к раскатистому эху выстрела и сделал глубокий вдох. Пороховой дым заполнил его легкие.

Бум... бум... бум... кап-кап...

Несколько минут спустя он отвернулся от тела индейца и пошел к саням. Порывшись в поклаже, он достал чайник, наполнил его снегом и развел костер.

Пока собаки ели вяленую лосятину, он перекусил галетами и пеммиканом¹. Потом он заварил крепкого чаю и набил трубку. Глубоко вдыхая дым, он ждал, пока прекратится биение в его висках.

Бум... бум... бум...

¹ Паста из высушенного на солнце и истолченного оленьего мяса, перемешанного с жиром и ягодами.

Оно не исчезало.

Его беспокоило, что каждый раз после страшного сна биение продолжалось все дольше. И сон снился ему все чаще. Это случалось всегда, когда он был один. И когда он был на охоте.

На этот раз биение могло стоить ему жизни — оно отвлекало его, когда требовалась максимальная собранность. Четверть века Блейк жил с периодическими приступами малярии — но это было другое. Это было куда хуже. Сперва кошмар, всегда один и тот же, потом это биение. Потом его эхо, от которого путались мысли.

Но даже это лучше этого проклятого барабанного боя.

Бум... бум... бум...

Нужно ждать, пока он пройдет.

Но удары становились все сильнее, наполняя всю его голову багровыми разрядами боли. С каждым толчком сердца боль острыми ногтями впивалась в его виски. «*О Господи, — подумал он, — пусть скорее придет эхо.*»

Бум... бум... кап... кап...

Блейк спрятал лицо в ладони... *бум...* ударил себя ладонью по виску... *кап...* откинул назад голову и протяжно застонал.

Бум... бум... бум... кап...

Внезапно он вскочил на ноги. Почему-то ему показалось, что нужно срочно ехать. Он затоптал огонь, разбрасывая по снегу угли и тлеющие ветки, потом свистом подозвал собак. Они сбежались со всех сторон, отряхивая снег, и сразу начали возиться и запутывать привязь в узлы. Как всегда, Спанкер и Прыжок Оленя сцепились за место во главе упряжки.

Блейк не мешал им. Пусть поиграют, пока опасность не так близко. Уложив в сани свое нехитрое имущество, он подошел к лежавшему в снегу лицом вниз Железному Мальчику.

Выходное отверстие пули было размером с апельсин, и вокруг головы кри растеклась кровь, напоминая нимб святого.

Блейк за волосы подтащил труп к саням и крепко привязал его кожаными ремнями. Потом уселся сам и хлестнул собак.

Низко нагнув голову, Прыжок Оленя пошел вперед. За ним последовали другие собаки, и сани тронулись с места.

Долгие часы лайки везли тяжелые сани, временами хватая пастью мягкий снег. К полудню тучи разошлись, открыв верхушки гор, окружавших теперь Блейка с обеих сторон. Блейк остановил сани и слез.

Он достиг места, которое индейцы называли «Мостом Богов». Места, где Скалистые горы сменяются простирающейся на тысячи миль равниной.

Проводя собак по узкой тропинке, где любой неверный шаг мог означать падение в заваленную снегом пропасть, инспектор оглянулся. Сзади на него незрячими глазами смотрел Железный Мальчик. Из его разбитого черепа свисали кровавые лоскутья; за санями тянулся след красных капель.

Кап... кап... кап...

Блейк помотал головой, отгоняя наваждение.

Кап... бум... бум... бум бум...

Его беспокоил не бой барабанов. И не темнота. Его беспокоили отметины от пуль и ножей на стенах.

Он знал, что это фактория Компании Гудзонова залива на реке Саскачеван.

Знал, что стоит зима 1870-го.

Комната, где Компания вела торговлю с индейцами.

Вокруг него — мешки с провизией и ящики с инструментами. Вдоль бревенчатых стен, в той части помещения, которое освещал зыбкий свет свечи, стопками, до самого потолка, лежали меха. Бизон и выдра. Медведь и норка. Бобры, лисы, куницы. Рядом были сложены вещи, которые давали в обмен на это богатство, — одеяла, пестрые ткани, бусы. С потолка свисала туша оленя с рогами, торчащими, как пальцы скелета.

Уилфред Блейк сидел за столом возле двери, положив голову на руки, и смотрел, как растопленный воск медленно капает со свечи.

Его пугало то, что пряталось за кругом света, в темных углах комнаты.

Бой барабанов снаружи становился все громче, соединяясь с другим звуком, доносящимся из самой комнаты.

Внезапно откуда-то раздался громкий крик боли. Вскочив, Блейк отодвинул засов и распахнул дверь. Зрелище, представшее его глазам, так поразило его, что он охнул и отвернулся.

Форт, окруженный двадцатифутовой бревенчатой стеной с четырьмя угловыми башнями, стоял на высоком берегу, в ста футах над рекой. Через раскрытые ворота Блейк видел внизу шесты вигвамов, одиноко пасущуюся лошадь и посеревшие от сырости деревянные кресты над могилами.

Шел снег.

Большие мокрые хлопья падали на землю и на крыши домов, за окнами которых виднелись бледные испуганные лица.

Блейк видел, как в форт врываются индейцы.

Из пелены снега выступил шаман. Он вышел в середину двора и воздел руки к небу. На нем была рубашка из оленьей кожи, украшенная иглами дикобраза и вражескими скальпами. На голове красовался убор из горностаея; глаза были вырваны из глазниц. По щекам шамана текли кровавые слезы.

Бум... бум... бум...

Барабаны били все громче, наполняя воздух гулом.

Бум... бум... бум...

Все белые уже лежали на земле, стонущие, плачущие, лишенные скальпов. Индейцы молча, без движения, стояли вокруг. И Блейк знал, зачем они пришли.

Они принесли назад оспу.

Он видел их лица, искаженные болезнью, тающие, как воск свечи. Изъеденная плоть, сочащаяся гноем, отставала от костей. Он видел, как человекоподобные фигуры под-

ходят к домам, размазывают гной по окнам, плюют на ручки дверей, каждый раз испуская крик, чтобы отпугнуть демона.

Уилфред Блейк захлопнул дверь и задвинул засов.

Барабаны умолкли, и тут же погасла свеча. В темноте только слышался мерный звук.

Кап... кап... кап...

Первый томагавк врезался в дверь.

Порывшись в кармане, он нашел спички и зажег одну из них. В ее зыбком свете он взглянул в ту часть комнаты, которую не освещала свеча.

Пол там был усыпан разбитыми бутылками и пузырями от лекарств. Порошки и микстуры, соединившись с виски и ромом, издавали приторный, сладкий запах.

Крак! Крак! — томагавки продолжали крушить дверь.

Спичка погасла. Он зажег вторую и на этот раз разглядел на полу черепа и кости.

Блейку стало страшно. Пытаясь забыть это зрелище, он закрыл глаза руками и принялся кружиться вокруг своей оси. Но груды костей по-прежнему стояла у него перед глазами. Скелеты, казалось, еще хранили позы страха и отчаяния. На костях следы зубов; из развороченных черепов выеден мозг.

Кап...

Вторая спичка погасла, и он зажег последнюю. Нагнувшись, он нащупал на полу лужу застывшей крови, присыпанной пылью.

Кап... кап... Капля откуда-то сверху упала ему на руку. Блейк поднял голову и замер, потрясенный тем, что он увидел.

Барабаны заговорили снова.

Теперь их бой доносился сверху, с крыши, отдаваясь эхом в его голове.

Тело свисало с потолка вниз головой, прибитое гвоздями за ноги. Голова отсутствовала — на ее месте торчал белый позвонок, окруженный красным сплетением жил. То, что осталось от человека, еще было одето в алую куртку Северо-Западной конной полиции, и Блейк каким-

то образом знал, что это *его* куртка. «Господи Боже, — подумал он в смятении, — что это та...»

Тук!

Что это?

Тук!

Вот, опять!

Скелеты начали двигаться. Их кости соединялись одна за другой, и вот все черепа разом повернулись и уставились на Блейка.

Инспектор непослушными пальцами расстегнул кобуру и нащупал там только воздух. Его «энфилд» исчез.

Дверь с треском рухнула, и в комнату ввалились пьяные индейцы.

— Он здесь, братья! — заверещал один из скелетов, ковыляя по направлению к Блейку. Его челюсти распахнулись в улыбке, открывая острые белые зубы.

Едва погасла последняя спичка, как костяные пальцы вцепились в ноги Блейка. В бедро ему впились клыки. Отбиваясь изо всех сил, он бросился вперед и нащупал в темноте лестницу.

Скелеты с воем устремились за ним, но он уже был наверху и поднимал тяжелую крышку лаза. Жалобно скрипнув ржавыми петлями, крышка открылась, и он просунул голову наружу. Тут же его окружил грохот барабанов.

Бум... бум... бум... бум...

— Нет! — громко воскликнул Блейк.

Перед ним, скрестив ноги, сидел нагой ашантийский воин. Из всей одежды на нем были только ожерелье из раковин и пояс из леопардового хвоста. Улыбаясь Блейку заточенными передними зубами, он бил колотушкой по барабану, на вершине которого что-то белело.

Блейк ахнул.

Барабанщик бил костью буйвола по его, Блейка, отрезанной голове в белом пробковом шлеме.

Глубоко в горле его родился крик, но он так и не дошел до рта. Чья-то рука ухватила инспектора за волосы и запрокинула голову назад. Блейк ощутил под подбород-

ком острую режущую боль, потом на грудь его хлынул горячий поток. Давясь и задыхаясь, он попытался крикнуть, но звук только метался у него в горле, не в силах вырваться. Последним, что он увидел, был окровавленный нож в руке Гласа Всемогущего.

Бум... бум... бум...

Биение остановилось. Кошмар рассеялся.

Еще раз всё закончилось.

Блейк поспешно отвернулся от головы Железного Мальчика. Глубоко вздохнув, он стал считать до пятидесяти и постепенно пришел в себя.

Скалистые горы нависли над Великой Американской равниной. Туман уже унесло ветром, и перед глазами Блейка расстилалась бескрайняя гладь, на которой серебром блестели на солнце сотни маленьких озер. Холмы, леса, болота — все сливалось на этом просторе в единую ровную поверхность.

Внезапно Блейк вспомнил Дженни и ее смеющиеся синие глаза под украшенной кружевом шляпкой.

«Да, — подумал он, — она отличная девчонка. Самая лучшая на всем Северо-Западе».

Эта мысль заставила его улыбнуться.

«Что ж, — решил он про себя, — в конце концов, каждому мужчине нужен ребенок».

Он повернулся и взялся за хлыст. Мгновение спустя Прыжок Оленя ускорил шаг, и скоро сани исчезли в снежной пелене.

«Даст Бог, — подумал Блейк, — буду дома к Рождеству».

Глаза

НЬЮ-ОРЛЕАН, ЛУИЗИАНА, 1957

На улицах гремел джаз. Ласковый ночной ветерок подхватывал смесь рэгтайма, бопа, буги-вуги и свинга и нес ее над головами участников процессии Марди-Гра¹, движущейся по Французскому кварталу, — белых и черных, богатых и бедных, богобоязненных и грешных, — и над головами толпы, в восемь рядов запрудившей тротуары. Люди стояли на деревянных трибунах, на стремянках, на кончиках носков. Родители поднимали вверх детей, которые без устали поглощали орешки, попкорм и яблоки на палочке. Мусор сыпался вниз, застилая улицу ковром вместе с конфетти и битым стеклом. Джаз плыл над «царицей Савской» в наряде, украшенном бабочками и улитками; над Кинг-Конгом и дамой червей; над Адамом и Евой с громадными фиговыми листками. Вдали от всего этого — от Ройял-стрит я ее флагами, воздушными шарами и толпами гуляющих, от принцесс и ковбоев, от зулусского короля с его свитой, — джаз затихал, и лишь слабые отзвуки его доносились до окна, забранного стальной решеткой.

В окно смотрела черная девушка. Она была обнажена.

¹ «Марди-Гра» (Жирный Вторник — фр.) — карнавал после Великого поста, празднующийся в Нью-Орлеане потомками французских поселенцев и привлекающий в город множество туристов.

Глаза Кристал затуманились; дыхание со свистом проходило сквозь ее ровные белые зубы. Ручеек пота стекал у нее по спине между лопаток. Тело ее еще вздрагивало после оргазма, и фейерверк, распустившийся над городом огненным цветком, взорвался, казалось, у нее в голове. Она впервые за долгое время чувствовала себя хорошо и спокойно. На миг она подумала, не перенесет ли ее отец теперь, когда ее нет, свои сексуальные домогательства на ее младшую сестру, но она тут же отогнала эту мысль. Откуда-то Элвис умолял ее *«Не будь такой жестокой»*, и она, смеясь, и раскачиваясь в такт, начала ему подпевать.

— Хочешь? — спросил сзади нее голос, заглушая радио. — Это должно тебя освежить.

Кристал повернулась и подошла к стеклянному столику, на котором Сюзанна делила кокаин. Лезвие ножа, разделяющего белый порошок, звякало по стеклу в такт музыке. Закончив, белая женщина скатала в трубочку хрустящую стодолларовую банкноту и подала ее девушке.

Кристал заткнула пальцем одну ноздрю и поднесла трубочку к другой. Нагнувшись над столом, она втянула в себя наркотик, чувствуя, как рука Сюзанны сжимает ее грудь. Ее сосок напрягся и отвердел.

— Охладись, дорогая, — прошептала Сюзанна ей в ухо в то время, как вторая ее рука скользнула между ног девушки.

Кристал содрогнулась — то ли от прикосновения Сюзанны, то ли от действия «снежка». Но ее не волновала причина истомы, омывавшей ее тело, как теплый душ. Немного погодя она закрыла глаза и целиком отдалась ласкам своей напарницы.

— Посмотри-ка сюда, Кристал, — шепнула Сюзанна, улыбаясь. — Посмотри на меня.

Она тоже нагнулась над столом, вдохнула через трубочку свою порцию и — в завершение ритуала — обтерла стекло пальцем и облизала его.

Сюзанна просто источала сексуальность. Двадцати восьми лет, пять футов без обуви, с превосходной

фигурой. Ее голова была наголо выбрита, и она тоже была обнаженной. Когда она нагнулась, Кристал разглядела в волосах ее промежности шесть тихонько позвякивающих золотых колечек, продетых через половые губы.

Сюзанна выпрямилась. Несколько раз глубоко вдохнув воздух, она взглянула на большие беккеровские часы, висящие на стене. Было 11.33.

— Времени не так много, дорогая, — сказала она, поворачиваясь к Кристал. — Наш гость будет здесь через час.

Нахмурившись, Кристал снова повернулась к окну. В конце улицы, там, где начиналась Ройял-стрит, она видела проходящую процессию, среди которой выделялась фигура Комуса¹ с высоко поднятым золотым кубком. Она вздохнула.

— Может, обойдемся без него?

— Дорогая, — тихо сказала Сюзанна, щеки которой уже зарумянились от кокаина, — ты должна понять, что есть вещи важные и не очень. Сегодняшний гость очень важен для нас.

Кристал отсутствующе кивнула, внезапно почувствовав головокружение. Ее лицо онемело, губы и ноздри словно замерзли. Каждый удар часов наполнял ее голову грохотом, заставлявшим сердце бешено биться. Неожиданно обострившееся зрение открывало ей все новые детали окружающей обстановки.

Комната, в которой они находились, напоминала любую другую гостиную фешенебельного нью-орлеанского дома всем, кроме стен. Для Кристал было дико видеть вокруг себя столько незрячих глаз. Второй этаж дома Сюзанны был целиком обставлен антиквариатом. Мебель работы известного викторианского мастера Прудента Мелларда окружали многочисленные маски.

¹ Комус — эллиптическое божество, сын Вакха и Цирцеи, покровитель пьянства. Известен по одноименной драме Дж. Мильтона.

Только в этой комнате их было больше сотни.

На стене напротив окна расположились африканские маски: маска тайного союза Уле племени бобо, маска Плюющегося огнем сенуфо, маска из Налинде, ашантийское божество плодородия.

Справа от окна висели маски Ближнего и Дальнего Востока: египетская мумия, римская маска Пана, японские «гигаку», китайская голова Дао-Цзу.

Слева от окна, вокруг трех плотно закрытых дверей, размещались маски Америки: маска Смерти инков, маска духа племени Сэлиш, ложная личина Иронезской лиги и кукла «Качина», изготовленная индейцами хопи.

А маски у окна были современными. Слева от рамы можно было увидеть маску Вельзевула работы Теодора Бенда и маску немецкого палача. Над окном скалились Креонт из стратфордского театра и Гусар Басби. Справа висели маска кэтчера нью-йорских «Янкиз», противогаз времен первой мировой и белый колпак ку-клукс-клана.

За окном продолжали проплывать маски Марди-Гра.

Бесшумно, как кошка, Сюзанна подобралась к Кристал и начала гладить ее волосы. Вместе они смотрели на парад.

— Что все это значит? — спросила девушка. — Мне хочется знать.

— Что? Да ничего это не значит, дорогая. Верь своим чувствам и отдавайся им, вот и все.

Кристал закрыла глаза, подчиняясь ласкам Сюзанны. Она верила своим чувствам.

— Видишь ли, — добавила Сюзанна, — карнавал обращается к коренным человеческим чувствам. Почти у всех есть скрытые желания, которые выходят на поверхность только под маской. В истории *нет* культуры, где маски не играли бы важной роли, — вдруг она понизила голос и прошептала. — Пошли со мной.

Они вошли в одну из дверей в стене слева от окна. За ней оказалась спальня, оформленная в резком контрасте алого и черного. Стены, обитые алым атласом,

шторы из красного бархата; алое покрывало, небрежно брошенное на кровать. Ковер, напротив, был черным, как и мебель — гардероб, туалетный столик и умывальник с зеркалом, — сделанная из эбенового дерева с ониксом. С каждого из четырех столбиков кровати свисали отливающие сталью наручники и ножные кандалы.

Сюзанна подошла к умывальнику и села на стул рядом с ним. Взяв баночку с кремом, она поглядела в зеркало, думая, что возраст уже оставляет отметины на ее лице. Морщинки у ее зеленых кошачьих глаз и в углах полных губ на той неделе уже были, а вот на лбу они появились недавно. Вздохнув, она провела ладонью по выбритой голове, отметив голубые прожилки вен, протягивающиеся, как пальцы, от ее висков.

Открыв баночку, она густо подмазала глаза тенями, после чего принялась покрывать остальную часть лица густым слоем пудры. Кристал, присев на кровать, зачарованно смотрела, как глаза Сюзанны становятся все темнее и глубже.

Закончив, Сюзанна покрасила ногти ярко-алым, под цвет стен спальни, лаком. Шевеля пальцами, чтобы скорее высох лак, она повернулась к девушке.

— Кристал, у нас с тобой много общего.

— Разве? — спросила та удивленно.

— Конечно. Поэтому я и привела тебя сюда. Несколько лет назад я сделала то же, что и ты, когда рассталась с мужем. Я тоже спустилась вниз по Миссисипи. Только у тебя хватило ума найти работу в прачечной, а я целых полгода раздевалась перед толпой слюнявых мужиков в кабаке на Бурбон-стрит. Это было ужасно!

— Ты была замужем? — снова удивилась Кристал.

— Да, дорогая. Мы жили на самом краю света. Но давай не будем об этом. Конечно, снаружи он казался крутым — блестящие пуговицы, желваки на скулах, и все такое, — но внутри он был всего-навсего маленьким мальчиком, живущим в тени славы своего отца. Бедняга! Теперь все его проблемы в прошлом.

— И когда вы развелись?

— Развелись? Мы не разводились. Просто он умер. В 55-м, под Рождество.

Сюзанна встала и подошла к гардеробу. Открыв один из ящиков, она достала пару прозрачных колготок и стала их натягивать. При этом грудь ее мерно колыхалась, плечи мягко двигались взад-вперед. Кристал смотрела на это, как завороченная.

— Хороший кокаин, правда?

— Да, — Кристал облизала губы. — Можно еще?

— Позже, дорогая. Эта штука сильнее, чем тебе кажется, поверь мне.

Сев на стул, Сюзанна подняла по очереди ноги, плотнее натягивая колготки.

— Попрошу тебя, дорогая, достань мне из второго ящика пояс. Какой-нибудь из красных.

Кристал открыла ящик гардероба и увидела грудку поясов из шелка и нейлона, красных и черных. Взяв самый, как ей показалось, красивый, она подала его Сюзанне. Та затянула его вокруг талии, прихватив верх колготок.

— Ну, как я выгляжу?

— Замечательно, — прошептала Кристал. В горле у нее внезапно пересохло. Она сглотнула, но это лишь усилило горький привкус у нее во рту и в носу.

Сюзанна стояла прямо перед ней. Алые концы пояса свисали вдоль бедер, как разделительные линии. Кристал казалось, что она слышит легчайший шорох ткани.

— Знаешь, дорогая, как мужчины делают из нас шлюх? Как это происходит в каждом городе, каждом доме, каждой конторе? Меня тошнит, когда я думаю о том, что вот сейчас, в эту минуту миллионы женщин гнут спину в прачечных, стучат на машинках или, как я когда-то, вертят задницей в ночных клубах. Все они продаются за гроши и не понимают, что есть огромный рынок, где они могут быть хозяйками себе и сами назначать цены.

Сюзанна взглянула на часы. Было 12.09.

Отвернувшись от девушки, она подошла к шкафу и вытащила оттуда ворох вещей. Порывшись в нем, она достала и надела на себя черный кожаный корсет, оставляющий открытыми грудь и промежность. Две кожаные лямки шли от подмышек, соединяя корсет с высоким черным воротником. Верх корсета, окаймленный красным кружевом, упирался в груди Сюзанны, поднимая их вверх. В завершение костюма она надела черные сапожки со шпорами и черные кожаные перчатки, тоже окаймленные красным. В руки она взяла тонкий хлыст с рукояткой, увитой алыми ленточками.

Вернувшись к умывальнику, Сюзанна взяла с его ониксовой крышки пузырек с красной жидкостью.

— Дорогая, можешь покрасить мне соски, пока я занимаюсь губами?

Кристал вздрогнула, но кивнула.

Когда эта операция была закончена, Сюзанна нагнулась и принялась облизывать соски Кристал, пока они не напряглись. Набрав на палец краски, она обвела каждый из сосков жирным алым кругом. Потом взяла девушку за подбородок и пристально поглядела ей в глаза. В щеку Кристал уперся кончик хлыста.

— Мужчины — свиньи, дорогая. Пожалуйста, помни об этом. У нас с тобой много общего. Меня тоже изнасиловал отец.

Кристал выпучила глаза, не в силах оторваться от холодного взгляда Сюзанны.

— Да, дорогая. Ты не одинока. Но поверь мне — ни один мужчина не обидит тебя в моем доме. Здесь ты в безопасности.

— Как это случилось? Расскажи мне, прошу тебя.

Сюзанна вздохнула.

— Ну ладно. Я родилась на ферме на юге Франции. В 34-м, когда мне было пять, меня отправили в парижский пансион. Во время войны мой отец сотрудничал с немцами и занимал большой пост в администрации Виши. В 40-м, когда немцы вошли в Париж, родители забрали меня домой.

— Ты была в оккупации? — Кристал расширила глаза.

— Да, дорогая. Но меня больше волновало другое. Ближе к концу войны отец стал сильно пить и поколачивал мать. А потом пришли союзники, и он жил в постоянном страхе, что его привлекут к ответу за предательство. Однажды, когда мать была в больнице — это он ее избил, но она скрыла, — он начал пить с утра, а после стал гладить меня и тискать, называя именем матери. Потом он меня изнасиловал. Мне было пятнадцать лет, на год меньше, чем тебе, и я была девушкой. Помню, как я лежала там, опустошенная, как будто из меня вынули душу. И еще помню его вонючее от вина и чеснока дыхание. Понемногу он протрезвел и понял, что наделал. Он умолял меня его простить, но я только лежала и молчала. Он прижался головой к моей груди и плакал, как ребенок. Меня тогда чуть не стошнило от отвращения.

— И ты никому не сказала? — тихо спросила Кристал.

— Нет, но мать что-то подозревала. Вскоре меня отправили учиться в Монреаль, и там я встретила моего будущего мужа. Я вышла замуж, чтобы не возвращаться домой, и на этом все кончилось.

— Ненавижу мужчин! — воскликнула Кристал. — Особенно моего отца.

— Вот и хорошо, дорогая. Так и надо. К тому же, я могу удовлетворить тебя так, как не сможет ни один мужчина.

— Зачем же ты выходила замуж, если тоже ненавидишь мужчин?

— Это долгая история, дорогая. Мне бы хотелось рассказать ее тебе, но у нас сейчас нет времени. Скажем так: меня ослепил красный цвет. Он по возрасту годился мне в отцы, и, быть может, мне было нужно именно такое замещение. Я была молодой и глупой, что тут еще можно сказать?

Сюзанна отошла от девушки на несколько шагов и встала, раздвинув ноги и выпрямив спину. Она, улыбаясь,

оглядела Кристал с головы до ног и решила: *«Пора. Нужно отвести ее вниз»*.

На часах было 12.28.

— Кристал, — сказала она медленно. — Я должна задать тебе вопрос. Только подумай прежде, чем ответить, ладно?

Девушка кивнула.

— Когда я увидела тебя сегодня днем, я сразу поняла, что мы похожи. Поэтому я шла за тобой из прачечной и потом повела тебя в этот паршивый ресторан. Ты выглядела очень одинокой. Тебе понравилось то, чем мы занимались вечером?

Девушка опять кивнула.

— Тогда не вижу причин это прекращать. Никто, ни одна душа не знает, что ты здесь. И никому не нужно об этом знать. Ты согласна?

Новый кивок.

— Отлично. Завтра я хочу увезти тебя в Европу. В Лондон, Париж, Рим. Мне хочется покупать тебе красивые вещи, давать тебе кокаин, часами играть с твоей шелкой, пока ты не раскалишься добела. Нравится тебе это?

Кристал только сглотнула слюну.

— Я вижу. Молчи, — Сюзанна выдвинула ящик гардероба, достала толстую пачку стодолларовых купюр и сунула в руки Кристал. Та, растерявшись, разжала пальцы, и деньги разлетелись по полу.

— Собери-ка их. Здесь десять тысяч, и они твои. Это на первое время.

— Где ты их взяла? — хриплым голосом спросила Кристал.

— У мужчин, которые приходили до сегодняшнего. И он принесет еще двадцать кусков. Итого за этот Марди-Гра я заработала сто тысяч. Не так плохо для двух недель, правда?

Девушка промолчала. Она продолжала смотреть на лежащие у ее ног деньги взглядом, в котором соединялись недоверие и восхищение.

— Кристал, — тихо сказала Сюзанна, — ты должна ответить мне на мой вопрос. Останешься со мной или возвращаешься в свою прачечную? Выбирай.

Сорвавшись с места, девушка кинулась в ее объятия. На своем плече Сюзанна почувствовала горячий ручеек слез. Поглядев краем глаза на их отражение в зеркале умывальника, она улыбнулась. *«С этой было легко, — подумала она. — Хорошо, когда знаешь, что нужно людям на рынке жизни».*

Она подержала девушку еще немного, потом осторожно отстранила.

— Ты не отступишь, дорогая?

— Нет, — прошептала Кристал.

— Отлично. Тогда возьми еще кокаину.

Вернувшись в комнату с масками, Сюзанна распахнула среднюю дверь в стене слева от окна. За дверью открывалась спиральная лестница, уходящая вниз.

— Пойдем, — позвала она. — Я хочу показать тебе кое-что интересное, — ее вкрадчивый голос манил, обещал удивительные приключения.

Они спустились вниз по железным ступенькам, мимо первого этажа в подвал. Сюзанна открыла потайную дверь, и из черного провала за ней дохнуло холодом и сыростью.

Откуда-то снизу доносилось журчание текущей воды. Пока Кристал с замиранием сердца вглядывалась в темноту, Сюзанна зажгла факел и начала спускаться по ржавой железной лестнице.

Волей-неволей Кристал пришлось следовать за ней.

Каменная стена, вдоль которой они лезли, покрылась плесенью от сырости. Когда лестница закончилась, они продолжили спуск по полустертым каменным ступеням.

Кристал отсчитала двадцать шесть ступенек, когда ее приковал к месту вопль, полный ужаса и боли.

Невозможно было понять, откуда исходит этот звук, и что за существо его издает. Казалось, он окружал их со всех сторон.

Кристал повернулась, чтобы бежать, но Сюзанна поймала ее за руку.

— Смотри, — сказала она.

Она подняла факел, и Кристал увидела, что они находятся в коридоре, пол и стены которого выложены плитками. Впереди коридор уходил в непроглядную темноту. Слева от них была закрытая деревянная дверь, а справа — пять темных отверстий, из которых и доносился пугающий звук.

— То, что ты слышишь, — пояснила Сюзанна, — это ветер с Миссисипи. Мы находимся в тоннеле контрабандистов, прорытом еще в семнадцатом веке.

Сюзанна сунула факел в одно из отверстий, и Кристал увидела в конце его отблеск воды.

— Видишь? Это подземная река, впадающая в Миссисипи. Когда-то этим путем плавали французские пираты, но теперь входы в реку закрыли стальной решеткой.

— Ты это хотела мне показать? — спросила Кристал. Теперь ей было стыдно за свою трусость.

— Нет. Я хочу показать тебе вот это, — Сюзанна открыла деревянную дверь и отошла, пропуская Кристал вперед.

— А что там? — Кристал ничего не могла разглядеть в темноте, пока ее спутница не зажгла факелы, укрепленные справа и слева от двери.

Кристал застыла на месте, чувствуя, что волосы у нее на голове становятся дыбом. Никогда еще она не видела инструментов, подобных тем, что украшали стены этой адской комнаты.

— Это же *камера пыток!* — воскликнула она.

— Именно, — сказала Сюзанна и громко рассмеялась.

Комната размером двадцать на тридцать футов была высечена в камне. По одной стене, как серая вена, тянулась каменная труба, обвитая паутиной. Перед очагом стояла жаровня, на которой еще тлели угольки. У противоположной стены высилась средневековая дыба, колеса

и зажимы которой дрожали в неверном свете факелов. В углу раскрыла объятия Железная Дева, в распахнутой груди которой блестели десятки стальных лезвий. В панике оглядываясь, Кристал видела то череп, скаливший зубы над дверью, то длинный ряд плеток и бичей всех видов на стене, то начищенные до блеска ножи, иглы и скальпели, разложенные на низком столике слева. И что хуже всего, она видела Сюзанну, закрывающую собой выход. В факельном свете колечки в ее промежности тускло поблескивали.

— «Нож! Хватай нож!» — кричал рассудок Кристал, пока ветер за спиной Сюзанны продолжал свой бесконечный стон.

Кристал кинулась к столику и повернулась, держа в одной руке тяжелый нож мясника, а в другой короткий ножик для снятия кожи.

Сюзанна широко улыбнулась ей.

— Дорогая, ты великолепна. Что за сцена!

— Я хочу выйти отсюда, — прошипела Кристал сквозь сжатые зубы.

— Отлично, — Сюзанна не сдвинулась с места. — Значит, это производит впечатление. Отлично, дорогая. Я к этому и стремилась.

— Но для чего это нужно? Скажи мне.

— Кристал, Кристал! — Сюзанна покачала головой. — Я здесь работаю.

— *Работаешь?*

— Конечно, глупая. А ты что подумала?

— Какой же работой можно заниматься в таком месте?

— Такой, которая приносит сто тысяч за две недели. Работой по отпущению грехов.

— Иди к черту! — крикнула Кристал. — Выпусти меня отсюда!

— Что же тебя держит? У тебя ножи.

Девушка поглядела на острые, как бритва, орудия у себя в руках. Потом быстро вскинула голову, опасаясь подвоха. Сюзанна не двинулась с места.

— То, что ты видишь, дорогая — и то, что тебя так испугало, — это всего-навсего воплощенная фантазия мазохиста стоимостью в миллион долларов.

Кристал тряхнула отяжелевшей от наркотиков головой.

— Но кому это может понравиться?

— Да, это вопрос... и он показывает, что ты плохо знаешь мужчин.

— Так объясни мне, — сказала Кристал. И положила ножи.

Мужчина с чемоданчиком, прикованным к запястью, думал о своем кролике.

Он сидел в кресле у стены танцевального зала, окруженный роскошью «Рекс-Болла», и смотрел на кавалеров в шикарных галстуках и дам в вечерних платьях.

В 12.41 он поглядел на часы и ощутил дрожь предвкушения. Эта дрожь заставила его вспомнить.

Вспомнить, как он обожал в детстве забраться к матери на колени и уткнуться лицом в ее большие теплые груди. Как она целовала его и прижимала к себе так крепко, что даже становилось больно. Иногда это происходило в жаркие дни, и тогда она снимала с себя одежду, и он вытягивался на постели рядом с ней, прикикая к ее горячему телу. Тогда она смачивала те тайные ложбинки, о которых он не мог думать без замирания сердца, его любимыми духами, и он едва не терял сознание, вдыхая аромат ее кожи.

Конечно, это происходило только тогда, когда отца не было дома.

Отец не выносил этого.

«Я не позволю тебе вырасти маменькиным сынком!» — орал он каждый раз, когда заставлял их. А это случалось довольно часто.

Тогда мать вдруг притворялась рассерженной и больно шлепала его. Зажимала его голову между ног и, взяв с туалетного столика щетку для волос, она била его по

заднице, пока он не начинал плакать. Он пытался вырваться, но ему это никогда не удавалось. Шею его сжимали ее мягкие бедра, и от нее еще сильнее пахло духами.

— Давай, наподдай ему, — говорил отец с улыбкой. — Покажи мне, что ты еще не совсем его испортила.

Кончалось это всегда одинаково. Запертый у себя в комнате, он часами сидел на полу, пытаясь разобраться в хаосе своих чувств, и говорил с Фредди.

Фредди звали его кролика.

Теперь он вспомнил случай, кончившийся иначе.

Отец опять вернулся не вовремя, и он опять оказался у себя в комнате и что-то шептал кролику. Потом розовое ушко Фредди дернулось, когда он услышал крик матери.

Он с бешено колотящимся сердцем рванулся к двери, забыв про все строжайшие предупреждения. «Не смей выходить из комнаты, пока тебе не разрешат». Но как он мог оставаться в комнате, когда его маме делают больно?

Ему было тогда пять лет.

Но даже сейчас он хорошо помнил, что увидел в комнате. Руки матери вцепились в изголовье кровати. Ее полуобнаженное тело блестело от пота. Она протяжно стонала в то время, как отец двигался назад и вперед между ее раскинутых ног. Потом она закричала снова, и мальчик бросился ей на помощь.

Он начал колотить отца по спине, и тот обернулся, удивленный.

«Что ты тут делаешь?» — рявкнул он с лицом, перекошенным от гнева.

«Пошел вон!» — крикнула мать, и это больше всего испугало мальчика.

Отец спрыгнул с кровати и схватил его за руку. Его поднявшаяся штука смотрела прямо на сына.

«Я ненавижу тебя, папа!» — мальчик сам удивился, услышав эти свои слова. И это было ошибкой.

Глаза отца сузились, но он ничего не сказал. Только оттащил сына на кухню, взял там тяжелый нож для мяса и пошел в комнату мальчика.

«Бедный Фредди, — подумал мужчина, вспоминая взгляд кролика. — Он знал, что его ждет».

В ту ночь мальчик не спал. Несколько часов он плакал, безуспешно пытаясь снова соединить куски кролика. Отец на его глазах разрубил Фредди пополам. Обессиленный, он улегся на полу, глядя уже остывшее пушистое тельце. Утром мать пришла и опять обняла его.

«Я подарю тебе другого», — сказала она.

Мужчина взглянул на часы. Было 12.49. Пора. Он подождал в туалете, пока все вышли, и быстро натянул извлеченную из кармана маску.

Две минуты спустя он открыл дверь запасного выхода.

Целый год он ждал этого момента. Теперь его ожидание кончилось. Наконец-то он поверил, что сможет забыть.

Сюзанна подошла к шкафчику за стойкой для ножей и достала оттуда стеклянный поднос, на котором серебрились десять игл для шприца. Потом она положила иглы в стерилизатор, стоявший в нижнем отделении шкафчика. Ее вкрадчивые слова баюкали одурманенный наркотиками разум Кристал. Девушка не понимала, что значат эти слова, но чувствовала в них ненависть, более глубокую, чем все, что она могла представить.

Сюзанна сняла со стены два хлыста и показала их Кристал.

— Вот, дорогая, это шотландская плетка. Ей уже семьдесят лет. Видишь, ее кончик закален на огне. Она кусает, как настоящая змея. А вторая — английская розга. Она единственная из всех этих милых инструментов воспевалась поэтами.

Она сунула плетку в руки Кристал и отступила на несколько шагов.

— Ты бывала в цирке? — спросила она.

— Да.

— Знаешь, как там дрессируют львов?

— Знаю.

— Так вот, так же нужно дрессировать мужчин.

Одним взмахом розги она выбила плетъ из рук Кристал. Потом, подтанцевав к стойке, принялась хлестать дерево ритмичными, точными, безжалостными ударами. Кристал, как зачарованная, смотрела на то, как с каждым ударом губы женщины становятся тоньше, ноздри раздуваются, дыхание делается хриплым и прерывистым.

Вдруг Сюзанна остановилась так же внезапно, как и начала.

— Мужчины — ослы, — прошипела она. — Думают, что они выше своей физиологии.

Кристал молчала.

— На самом деле они просто животные. Нет, они заводные игрушки, а заводит их секс.

Сюзанна опять повесила хлысты на стену и улыбнулась.

— В этой самой комнате, Кристал, ты будешь делать из мужчин — конечно, если они хорошо заплатят, — испуганных маленьких детей, которые будут просить тебя о том, чтобы ты их высекла. Тогда и увидишь, как под маской Джкила прячется несчастный и озлобленный Хайд.

— И как же я это сделаю?

— Будешь моей помощницей.

— Но зачем я тебе нужна?

— Чтобы ответить на это, дорогая, я должна рассказать тебе про нашего сегодняшнего гостя.

Впервые о Палаче из Нью-Орлеана ему рассказала мать, незадолго до того, как умерла.

Позже он узнал, что Палач убил шесть человек и еще несколько искалечил за время короткого царства террора в конце первой мировой войны. Каждая жертва тщательно

выбиралась. Палач прорубал вход в дом, через заднюю дверь и внутри рубил своих жертв топором с длинной рукояткой. Каждый раз топор, как визитная карточка, оставался на месте преступления.

Палача так и не поймали.

Но этого мать ему не говорила. Она только сказала, что Палач охотится за теми мальчиками, которые не любят свою маму. Он рубит их на кусочки и потом съедает. Все это она рассказала ему, когда они лежали в постели.

Теперь он шел по городу, удаляясь от шума и толкотни Марди-Гра. Он постоял на Сент-Питер-стрит, глядя на толпы пьяных. Потом на него налетела чернокожая девушка в платье с блестками, улыбнулась, пробормотала «извините» и убежала.

— Сука! — бросил он ей вслед.

Он смотрел, как она уходит в направлении кладбища Сент-Луис, и вспоминал черную девушку, которую встретил на улице в ту ночь, когда умерла его мать. Нездешнюю; он никогда не видел ее раньше. Со слезами на глазах сдавленным голосом он попросил ее вызвать врача, который жил неподалеку. Потом, перескакивая через ступеньки, побежал навстречу.

Мать истекала кровью. Ее кожа была белой, как папиросная бумага, а язык бешено метался между ее жемчужных зубов. О Боже, какие у нее были прекрасные зубы! Теперь он вспоминал счастливые дни, когда сидел у нее на коленях, а она шептала ему слова любви.

Мужчина свернул влево на Бурбон-стрит, поглядывая на часы.

«Почему это до сих пор так волнует меня, если я все делал правильно? Почему?» — думал он.

Потому, что, если бы та девушка сделала то, о чем он ее просил, его мать могла бы выжить. И потому, что он до сих пор любил ее. Слишком рано для мальчика терять мать в восемь лет.

«Может быть, я и виноват, — подумал он, — потому что ненавидел ребенка внутри ее. Но я не хотел, никогда не хотел, чтобы она умерла».

Нет, виновата та грязная негритянка. И она за это умрет. Если бы она вызвала доктора, то этот неродившийся ребенок не забрал бы с собой мать.

Мужчина резко остановился, дойдя до начала аллеи. Он зажег сигарету — никотин всегда успокаивал его, но теперь он всего-навсего немного ослабил дрожь в его руках. Он шагнул на тропинку, только когда на улице никого не было.

Сразу за мусорным баком он нагнулся и пошарил по земле. То, что он искал, лежало там же, где он оставил его, отправляясь в «Рекс-Болл». Спрятав его под пиджак, он вернулся на Бурбон-стрит, свернул вправо и углубился во Французский квартал.

Предмет, подобранный им в саду, надежно висел в петле у левой подмышки. Даже через рубашку металл топора холодил его сердце.

Обняв Кристал за плечи, Сюзанна вывела ее в коридор, где река снова завела свою бесконечную песню.

— Дорогая, у нас мало времени, поэтому я должна попросить тебя об услуге. Возьми фонарик и поднимись вверх. Включи там свет — выключатель около двери. Я тут должна кое-что сделать. Через пару минут я присоединюсь к тебе, и мы еще понюхаем коки.

Девушка заколебалась. Ей не очень хотелось пробираться по темному лабиринту.

— Ну давай. Будь умницей. Поработаем всего одну ночь — и в Европу!

Кристал взяла фонарь и пошла.

Сюзанна подождала, пока замерли ее шаги. Она все еще беспокоилась, согласится ли Кристал сыграть в ее игру. Но в любом случае ей не уйти; все двери закрыты.

По ее вычислениям, через два года у нее будет миллион. Три сеанса в Лондоне, три в Бонне и еще два здесь. Конечно, плюс сегодняшний.

Если Кристал соберется с силами и выполнит свою функцию.

Сегодня придет ее любимый клиент. Он разбогател на чем-то ядерном (она подозревала, что это был «Проект Манхэттен»¹) и уже заплатил ей двадцать тысяч только за согласие принять его в этом году. *Что бы ты сказала, Кристал, если бы знала, что тебя ждет?*

Вернувшись в камеру пыток, Сюзанна сняла со стены факел. Потом проверила свисающий с потолка крюк и подставила под него железный поддон для крови. Она хотела, чтобы ее гость увидел это в первую очередь.

«Хорошо, — подумала она, опять улыбнувшись. — Теперь все готово».

Освещая дорогу факелом, она вышла к подземной реке. Там она взяла ведро и принялась наполнять водой большое каменное корыто. Когда оно было полно на треть, она высыпала в него гипс из пластикового пакета.

Тут со стороны реки снова раздался вой, но здесь он уже не был похож на ветер.

Оставив гипс застывать, она пошла вдоль текущей воды. Вой стал громче.

На половине пути от выхода к реке до ее впадения в Миссисипи в свете факела блеснуло что-то металлическое. Ржавая железная цепь, опоясывающая каменный сарайчик. Вой исходил изнутри, перемежаясь недовольным рычанием.

— Молодец, — сказала Сюзанна. — Потерпи еще немного. Получишь то, что останется.

Громадный доберман яростно взвыл, щелкая зубами.

— Надевай, — коротко приказала Сюзанна, протягивая Кристал ее костюм. Они опять были в спальне на втором этаже. Кристал поглядела на белый лифчик и такие же трусики и внезапно начала плакать.

— Я сказала — надевай это! — голос Сюзанны сорвался на крик.

¹ Программа по созданию американской атомной бомбы, осуществленная в 1944-45 гг.

Вся дрожа, Кристал повиновалась. Хлопчатобумажная ткань плотно облегла ее упругую темную кожу.

Сюзанна распахнула гардероб. Внутри на дверце висели парики всех возможных форм и расцветок. Она выбрала один и отошла к зеркалу. Когда она повернулась, на ее плечи свисали длинные, похожие на змей, черные косички.

Она взяла девушку за руку и потащила вон из спальни. По пути она сняла со стены белую полумаску с узкими кошачьими глазами и двумя витыми рогами.

— Надень ее, — она протянула маску Кристал, и та так же молча подчинилась.

— Помни: что бы ни случилось, не снимай этой маски. Поняла? Ты можешь оскорблять его, плевать на него, смеяться над ним. Более того, ты должна это делать. Надеюсь, ты будешь умницей. А теперь пошли понюхаем кокаину.

Сюзанна снова села за стеклянный столик, осторожно высыпала из баночки дозу и разделила ее на линии.

— Давай первая, — она повернулась к Кристал.

Только после этого, глядя на окружавшие ее пустые глаза масок, девушка нашла в себе смелость прошептать:

— Я не хочу.

Сильный удар по щеке бросил ее на пол. Кокаин белым облаком взвился над поверхностью стола.

При виде этого облачка, похожего на хлопья снега, Сюзанна вспомнила, как под такими же хлопьями, посреди снежной пустыни умирал ее муж. Вспомнила, как исказилось его лицо, когда яд начал действовать, как вокруг его рта, на усах, намерзла желтая пена. Вспомнила его глаза с застывшим в них ужасом.

Оторвав глаза от кокаина на столе, Сюзанна сняла со стены кожаную плеть и подошла к распростертой на полу девушке.

— Ну, ешь меня, моя сладкая! — сказала она. — Вылижи меня всю!

Кристал помотала головой, стараясь не смотреть на колечки, блестящие перед ее глазами.

Второй удар, еще более сильный, отбросил ее к одной из деревянных дверей — третьей слева. Кристал отшатнулась, будто прикосновение к двери обжигало ее. Сюзанна засмеялась:

— Когда нельзя добраться до того, кого ненавидишь, приходится работать с тем, что есть. Сейчас ты услышишь кое-что *особенное*, Кристал.

Из-за двери донесся еле слышный плачущий детский голосок:

— Мама! Мамочка! Прости меня, мама! Прошу тебя, прости!

В 1.13. зазвонил звонок.

РЕКА САНТЬЯГО, ЭКВАДОР, 1969

— Хочешь кислоты?

— Чего?

— Лед. Хочешь?

— О... но... нет, не хочу.

Селена наклонила голову, подняв одну бровь

— В чем дело, Спарки: Что с тобой? Ты ведь говоришь, что бывал под кайфом.

— Да, я пробовал наркотики.

— Так почему... Хотя кислота — это особенная вещь. Это тебе не травка или кока. Это — край, привет от Бога в собственные руки. Ты пробовал ее раньше?

Спарки помолчал, потом ответил:

— Нет. Не пробовал.

— Тогда ты много потерял. Надо ведь все в жизни попробовать, все настоящее. Ты согласен?

Наступила вторая пауза. Наконец Спарки сказал:

— Согласен.

— Отлично! Значит, заметано, — Селена протянула ему ладонь, на которой лежали две таблетки «Белой Молнии», омытые тропическим солнцем. Она послушав, палец, прижала его к одной таблетке и отправила ее на кончик языка. Потом закрыла рот и сглотнула.

— Ну, теперь твоя очередь. Возьми ее, Спарки.

Спарки взял таблетку, повертел ее в руках, проглотил и стал ждать. Ничего не происходило.

Они встретились в джунглях Эквадора по чистой случайности. Хотя их встреча была определена аварией самолета, путь к ней начался еще четыре месяца назад, ясным калифорнийским утром, когда Селена проснулась на грязном полу мастерской художника в Хейт-Эшбери. Пол был усеян спящими друг на друге голыми и одетыми людьми, тела которых покрывала липкая смесь пота, дешевого красного вина и массажного масла из бутылки с изображением восьмирукой индийской богини.

Она не сразу вспомнила, как сюда попала. В ее памяти застряли бешеная гонка в разбитой машине по холмам Сан-Франциско и непрерывная музыка «Филмор Уэст» и «Грэйтфул Дед».

«Да, — подумала она, — погуляли на славу».

По правде сказать, эта вечеринка ничем не отличалась от сотни других, на которых она побывала за год. *«Господи, как скучно»*, — пронеслось у нее в голове.

Меньше чем за неделю она все изменила.

Сперва выбила из отца несколько тысяч, предназначенных на обучение в университете Беркли. Потом вложила эти деньги в дорожные чеки «Америкэн экспресс». Наконец нашла разочаровавшегося в жизни мускулистого гитариста с большим членом. Оформив необходимые документы и визы, они двинули на юг в поисках солнца и приключений.

Три месяца все шло великолепно, но с прошлой недели что-то разладилось.

В понедельник, когда они проезжали по площади Независимости в Кито с торчащим посреди нее мрачным собором, их машина испустила дух.

Во вторник они подбили баланс и обнаружили, что у Селены осталось всего девяносто долларов в дорожных чеках. Жить было не на что.

В среду на сонных, вымощенных булыжником улицах эквадорской столицы гитарист увязался за богатой аргентинкой средних лет. Больше она его не видела.

Рано утром в четверг Селена отправилась в местное отделение «Америкэн экспресс» и позвонила отцу, прося

его выслать денег на дорогу. Он обещал прислать их телеграфом, и она решила потратить то, что у нее осталось, на последнее приключение.

Автобус отвез ее в аэропорт имени Маршала Сукре, где ей удалось за полсотни нанять самолет — ветхий «пайпер», который нес службу в Алабаме, на Барбадосе, в Коста-Рике и вот теперь в Эквадоре. Его нос был украшен вмятинами и измазан пятнами бензина и мазута. Пилот, Хуан Гарсиа, был таким же, как его машина — низенький помятый человек в грязном синем комбинезоне. Когда он улыбался — а это происходило всякий раз, когда он бросал взгляд на грудь Селены и шептал «Que bonitos pechos!»¹ — во рту его сверкало золото.

Полет занял почти час. До Сангая оставалось еще миль сорок, когда Селена заметила конус горы, возвышавшейся над зеленым одеялом джунглей. Когда они подлетели ближе, она смогла разглядеть снежные склоны и черную вершину, покрытую вулканическим пеплом. Никогда раньше она не видела действующего вулкана.

Когда самолет уже удалился от Сангая миль на пятнадцать, из жерла гиганта вырвался столб пара высотой пять-шесть тысяч футов. Он встал над кратером, как исполинский гриб, но тут следующий выброс размел пар и снес его к югу. На этот раз это была лава.

— Быстрее! — завопила Селена.

Словно в ответ на ее команду, мотор «пайпера» чихнул и заглох.

В панике она взглянула на Гарсиа. Зрелище было неутешительным. Пилот отчаянно дергал все ручки, поворачивал тумблеры, нажимал на дроссель. Со лба его ручьем тек пот. Селена поглядела вниз и в ужасе закрыла глаза — ей показалось, что джунгли несутся им навстречу. «Мы разобьемся», — промелькнула у нее мысль, и она очень удивилась, когда этого не произошло.

«Пайпер» продолжал лететь без мотора, как планер. Справа проплыл Сангай, по заснеженным склонам кото-

¹ Что за сиськи! (исп.)

рого тянулись черные пальцы лавы; потом внизу потянулся бесконечный дождевой лес провинции Орьенте. Селена уже приготовилась к падению в джунглях, когда под ними вдруг появилась прямая, как стрела, полоска воды. Колеса самолета, едва не задев кроны деревьев, коснулись поверхности воды, и Гарсиа совершил блистательную посадку, к удивлению Селены. Она и не подозревала, что над колесами «пайпера» есть понтоны.

— Ох, черт, — выдохнула она, — не думала, что у нас это получится.

Довольный Гарсиа сверкнул золотыми зубами.

— Не волноваться, — он хлопнул по панели самолета. — Она хороший машина, леди. Очень хороший.

— Да, «она» хороший, — сказала Селена. — Но где мы, черт побери? И как нам отсюда выбраться?

— Это Рио-Сантьяго, — объяснил Гарсиа, размахивая руками в подкрепление своих слов. — Очень большая река. Вы смотреть, как я посадил самолет.

Он открыл дверь и гордо указал на понтон.

Весь следующий час Хуан Гарсиа трудился над мотором с помощью гаечного ключа и отвертки.

Селена смотрела в окно. Она прикинула, что Сантьяго в этом месте имеет ширину в треть мили. Глубокие, быстрые, слегка волнующиеся воды реки несли самолет на юг. Нигде не было видно ни одного человека. «Здорово», — подумала она.

Наконец Хуан Гарсиа, с головы до ног в масле и бензине, вскарабкался на борт самолета и включил радио.

— Подчинил, — гордо сказал он.

«Надеюсь, что так», — мрачно подумала Селена.

Хотя радио очнулось, из него раздавался только треск. Гарсиа попытался его настроить, потом пожал плечами:

— Этот вулкан испортил радио.

Обернувшись, Селена посмотрела на север, где продолжал извергаться Сангай. Тут-то она и заметила каноэ. В нем сидел только один человек.

— Эй, смотрите! — Селена потянула Гарсиа за руку. — Должно быть, здесь где-то город или деревня.

Пилот кивнул. Он спустился на понтон как раз в тот момент, когда лодка проплывала мимо, и помог сидевшему в ней человеку взобраться на самолет. Вдвоем они привязали каноэ к правому колесу.

— Боже! — сказала Селена, просовывая голову в окошко. — Как я рада вас видеть! Кто вы — небесный ангел?

— Меня зовут Спарки, — сказал незнакомец, улыбаясь.

— Я Селена Бентон, а это вот Хуан Гарсиа. Что вы здесь делаете?

— Сейчас работаю с Корпусом мира.

— А конкретно?

— Беру пробы воды. Тиф, малярия и все такое. А вы откуда?

— Оттуда, — Селена показала на небо. — Этот чертов самолет едва нас не угробил.

— Самолет в порядке, — сказал недовольным тоном Гарсиа, защищая репутацию любимого «пайпера».

— Да, конечно. Я ничего такого и не говорю, — повернувшись к Спарки, она спросила: — Здесь есть дорога?

— Конечно. Я туда и плыву. Вниз по реке до Макаса.

— Отвезете меня туда?

— Если у вас есть время.

— О, времени у меня навалом. В конце концов я только что чудом спасла жизнь, — она повернулась к пилоту — Спасибо вам большое, но боюсь, что здесь нам придется расстаться. Может, встретимся в Кито, выпьем. *Vuспos dias, Senor*¹.

Гарсиа не выглядел счастливым. Он некоторое время переводил взгляд с Селены на Спарки. Он никогда не понимал, почему гринго так любят швырять деньги на ветер. Наконец он свыкся с потерей пассажира, в последний раз приласкал взглядом груди Селены и со вздохом полез в самолет. Через пять минут лодка, теперь уже с

¹ Всего хорошего, сеньор (исп.)

двумя людьми, отчалила. Гарсиа начал заводить мотор. Искры, дым — и «пайпер», набирая скорость, рванул вверх.

— Что ж, спаситель, — сказала Селена, потрянув головой. — Вывози меня отсюда.

— Есть, капитан, — откликнулся Спарки, выводя лодку на быстрину.

В двадцати милях от реки мотор Гарсиа снова заглох. Только на это раз внизу не оказалось реки, и самолет ударился о склон горы.

В Кито так и не узнали, что случилось с Гарсиа — рейс не был зарегистрирован.

Селена и Спарки, плывущие на юг, не слышали взрыва.

Они были слишком далеко.

В субботу утром Селена проснулась в эквадорских джунглях. Она перевернулась на спину и стала смотреть в небо, зачарованная открывшимся ей зрелищем. Огромный лес вокруг тонул в тишине, глубокой и мрачной, наполненной клубящимся туманом. Исполинские деревья со стволами сорока футов в диаметре вздымались вокруг нее на двести футов. Листва на их нижних ветвях переливалась всеми оттенками зелени; наверху, там, где ее иссушило солнце, она была почти белой. Солнце уже палило во всю мочь, хотя часы показывали только шесть.

Но больше всего Селену поразила буйная поросль паразитических растений, карабкающихся по стволу и ветвям деревьев — яркие пурпурные орхидеи, лианы, свисающие с веток подобно гигантским змеям, ядовитые плоды, разлагающиеся на земле с одуряющим запахом. Этот мир был таким чуждым, таким необычным, что она представляла себя на дне океана, лежа здесь, в пелене тумана.

Селена оглянулась в поисках Спарки, но ее спутник куда-то исчез. Поднявшись и протерев сонные глаза, она пошла к реке, текущей в ста футах от нее.

Весь предыдущий день река лениво несла их к Сантьяго. Солнце пекло сверху и отражалось от поверхности воды, раскаляя весь мир добела. Запахи растительного царства пьянили Селену. Иногда Спарки брал ее за руку и показывал на берег.

Один раз она услышала недовольное фырканье и увидела в воде длинное зеленое тело и злобные глаза, спрятанные в складках морщинистой кожи. Поглядев на низкий берег в двадцати ярдах, она встретилась взглядом еще с одной рептилией. Крокодил медленно сжимал и разжимал челюсти, выражение его глаз было непроницаемым, как у химеры Нотр-Дама.

— Их тут называют «жакаре», — сказал Спарки. — Из них получают отличные сумочки.

В другой раз им встретилась стая летучих мышей-вампиров, висящих головами вниз в дупле дерева с животами, раздутыми от крови лошадей, а может быть, и людей.

И еще раз Селена услышала треск сучьев и приглушенные гортанные голоса и, взглядевшись в гущу листвы, увидела несколько маленьких темных лиц. С неприятным чувством она смотрела на их острые белые зубы и быстрые, почти человеческие, движения. Через миг они исчезли, оставив за собой только шорох потревоженной листвы.

Внезапно с берега поплыл приторный мускусный запах. Наморщив нос, Селена повернулась и заметила на берегу у самой земли какой-то черный лоскут, бьющийся на ветру. Потом еще один, еще — и целая стая черных и белых грифов уруб, потревоженных их приближением, взмыла в воздух.

— Грифы, — сказал Спарки, направляя лодку к берегу. — Могильщики природы. Вся мертвечина джунглей скрывается в их желудках.

Покружившись, птицы угрюмо расселись по кронам соседних деревьев. Добыча, от которой их отогнали, осталась лежать на берегу. Спина животного представляла собой месиво из крови, лохмотьев кожи и мышц. Голова быка была разбита ударами дубин, такими сильными, что расщепились рога. У живота громоздились скользкие

кольца кишок; из боков торчало несколько заостренных кольев. Но самое большое отвращение у Селены вызвали синие, желтые и белые бабочки, тучами роящиеся вокруг трупa, и в экстазе погружающие лапки и крылья в кровавую жижy.

— Я думала, они питаются цветами, — сказала она, расширив глаза.

— Даже самые прекрасные существа в мире способны на дурные поступки, — ответил Спарки с улыбкой.

— Да, но кто так разделал это бедное животное?

— Хиваро¹, должно быть. В приступе бешенства.

— Это что, местные индейцы?

— Именно, — Спарки опять вывел лодку на середину. — Не так давно они охотились за головами.

— Черт возьми! Надеюсь, сейчас это прошло.

— Вроде бы. Во всяком случае, так считают.

Как только лодка отплыла, грифы вернулись к своему пиршеству.

Но все это было вчера. Сейчас она вышла на берег реки и увидела футок в тридцати Спарки в его лодке.

— Привет, спаситель! Ты что там делаешь?

Спарки закрывал крышкой какую-то банку. — Погоди минуту. Только возьму последнюю пробу.

Сидя на берегу, молодая женщина медленно оглядывалась вокруг. Вчерашним вечером они свернули в один из притоков Сантьяго и встали лагерем в широкой лагуне. Теперь Селена смотрела вокруг, постепенно расслабляясь и избавляясь от давящей власти леса. Не было здесь и грязной воды Сантьяго, несущей в Амазонку мусор и разлагающиеся тела животных. Вместо этого кругом царили чистота и тишина. Деревья, как стражи-великаны, замерли у края воды. Ни одна рыба не нарушала плеском безмятежного спокойствия воды; ни одна лягушка не подавала голоса.

¹ Хиваро, или шуары — эквадорские индейцы, у которых до недавних времен сохранялся обычай отрезать головы врагов и делать из них особые амулеты — *тсантса*.

Солнце и луна еще спорили за место на небе, но день уже вступил в свои права, заливая расплавленным серебром восточный край лагуны. Западный край, освещенный умирающей луной, отливал кованой бронзой.

Пока Селена смотрела на воду и на розовую волну, мягко набегающую на берег, лодка ткнулась носом в песок.

— Господи! — она встала. — Какое классное место!

— Нравится? — улыбнулся Спарки.

— Еще бы! Слушай, тебе нужна помощь?

— Конечно. Вынеси эти банки на берег, пока я привяжу лодку.

— И как давно ты здесь? — спросила Селена, принимая от него банки с пробами воды.

— Месяцев шесть. Я не член Корпуса мира. Просто у них работаю.

— А почему?

— Я не гражданин США, поэтому не могу быть добровольцем.

— Но как ты очутился в этих джунглях?

— Долгая история. Когда несколько лет назад умерла моя мать, меня взяла к себе бабушка. Она любила солнце, поэтому мы жили то на Таити, то на Мартинике, то во Французской Гвиане. Полгода назад бабушка тоже умерла, и я стал шататься по побережью, думая, куда податься. В Венесуэле я встретил двоих парней, которые ехали в Эквадор с Корпусом мира. Они согласились взять меня с собой, но только за мой счет — от бабушки остались кое-какие деньги. В Кито я должен был с ними расстаться, но тут один из них подхватил дизентерию. Другой не хотел идти в джунгли один, а я искал приключений... в общем, они наняли меня на работу. Платят немного, но дело не в этом. Мне здесь нравится. Я часто плаваю по реке в одиночку. Хорошее общество.

— Мне тоже нравится твое общество, — сказала Селена.

— Ладно, — Спарки улыбнулся. — Подержи банки, пока я наклею на них этикетки.

Селена подняла банку, а Спарки достал из-за пояса нож и отрезал кусок клейкой ленты. Вдвоем они быстро закончили работу.

Из ветвей наверху ракетой вырвался большой сине-желтый попугай — и вновь наступила тишина.

Ничто не двигалось, кроме ножа Спарки. Ни одно облако не проплывало в ослепительной синеве. Вместе с тишиной пришла неожиданная мысль. Селена поглядела на Спарки.

— Ты все? — она сунула руку в карман рубашки и достала маленькую пробирку.

— Ага.

— Значит, мы можем расслабиться?

— Конечно. Я никуда не спешу.

— Отлично, — улыбаясь, Селена открыла пробирку.

— Что это?

— Увидишь, — она высыпала содержимое на ладонь.

— Что это?

— Это рай, дорогой, вот и все. Хочешь попробовать?

— Что-то мне нехорошо.

— Это пройдет.

— Нет, правда. Мне *совсем* нехорошо.

— Ну, не смотри на меня так сердито. Кислота всегда сначала действует на желудок.

— Я говорю не о желудке, а о голове.

— Тс-с. Помолчи и прислушайся.

Прошло уже сорок минут с того времени, как они приняли ЛСД, и Спарки казалось теперь, что река превратилась в бесконечный коридор, собравший воедино звуки со всего континента и обрушивающий их на его голову. Мир наполнился электричеством, и любое движение добавляло новые гудящие звуки к все нарастающему крещендо, сверлящему его мозг. Джунгли вокруг него, казалось, на глазах превратились в нечто ужасное, сырое, полное невыразимого зла, похожее на разверстую гниющую рану. Спарки стало страшно.

В его голове начали проноситься бессвязные мысли: *«...бояться нечего, кроме самого страха... сам страх боится страха... ничего кроме страха... страх... помогите!.. Мне нужно бежать...»*

Внезапно он встал, едва держась на ногах.

До того, как наркотик подействовал, они разбили лагерь и вынесли вещи на берег; потом уселись на берегу и стали ждать. Но чего бы ни ожидал Спарки, происходило явно что-то другое.

О Боже, что со мной?

Неожиданные и нежеланные мысли, лишённые всякого порядка, пронизывали вспышками белого света его мозг. Страх поймал его на удочку и тянул все сильнее.

Тошнота. Слабость. Дрожь. *Мое тело вышло из-под контроля!*

Потом Селена начала исчезать.

Сначала это исчезновение было постепенным, как разложение трупа. Кожа ее сделалась белой и слегка блестящей; зрачки расширились, а глаза выпучились, как у рыбы. Потом ее тело начало ритмично двигаться в такт тому неотвратимому биению, которое сотрясало Спарки. Под ее прозрачной кожей были отчетливо видны все пульсирующие жилки, все сокращающиеся мышцы. Лицо ее превратилось в пугающую карикатуру, в подобие женщины, глаза, губы, ноздри которой источали...

Секс... секс... секс! О Боже, нет! Заберите меня отсюда!

Потом что-то ворвалось в голову Спарки. Что-то невероятно тяжелое навалилось на него, вызвав полное отключение сознания.

Окружающий мир распался на фрагменты, смешиваясь с иллюзиями. Видения накатывались одно за другим, открывая незамеченные прежде детали.

Они оставляли за собой растущий страх. Опасность была повсюду.

Потом Селена встала и сняла с себя рубашку.

Движение ее, хоть и было быстрым, запечатлелось в одурманенном мозгу Спарки тысячей меняющихся образов. Она то появлялась, то исчезала вновь, и зачарован-

ный, напуганный, сбитый с толку Спарки смотрел на этот длящийся столетия стриптиз. Смотрел, как Селена поднимает руки вверх, словно вознося мольбы солнцу, а после медленно, пуговица за пуговицей, расстегивает блузку.

Он мог видеть ложбинку между ее грудей.

К одному из белых полушарий присосался маленький клещ, которого здесь называли «гарапате». Он быстро краснел от ее крови.

Потом ее груди вырвались из ткани, и Спарки начала бить дрожь. Он видел каждую прожилку, каждую складку жира, каждую морщинку на ее коричневых сосках. Одна грудь вдруг стала вдвое больше другой, потом опять уменьшилась до нормального размера.

— Господи! — воскликнула Селена, тряхнув водопадом черных волос. — Как тут здорово! Чертовски первобытное место.

Поводя плечами и бедрами в такт все тому же внутреннему ритму, она направилась к теплой воде лагуны.

«*Не надо!* — закричал мысленно Спарки. — *Тут полно пиявок!*» Но эта мысль так и не нашла слов для своего выражения и упала обратно, как сбита влет птица.

Селена шла по берегу, по щиколотку утопая в жирной красноватой грязи. Она откинула голову и громко рассмеялась.

— Ешь меня, Природа-Мать! — весело крикнула она. — Ешь свою любимую дочь!

Спарки ее голос показался неестественным, жутким, похожим на рычание животного. Только два слова, отдаваясь эхом, впечатались в его мозг.

Ешь меня... Ешь меня... Ешь меня, Спарки! ...Да, мой дорогой, я вернулась!

Спарки замер, как сраженный громом.

Теперь двигалась одна Селена, вертясь, поворачиваясь, вытягивая руки. Лицо ее быстро старело.

Я сказала: ешь меня, Спарки! Неужели ты не рад своей мамочке?

— Но... но ты же мертва! Тебя закопали в землю!

Селена нахмурилась:

— Ты о чем? — потом рассмеялась, расстегнула пуговицу на своих шортах и на миг остановилась перед тем, как их снять.

Жара палила залитый солнцем берег.

Маленькие лужицы на поверхности грязи сверкали теперь, как бриллианты, в окружении ослепительной зелени джунглей.

Казалось, грязь начала карабкаться по ногам Селеңы и сорвала с нее шорты, сперва одну штанину, потом другую, пока женщина не предстала глазам Спарки обнаженной. Ее кожа блестела на солнце, как поверхность воды.

Незванная мысль снова ворвалась в мозг Спарки.

«*Тсантса!*» — и снова: «*Тсантса!*» и еще раз...

Отвлекаясь от невыносимого блеска, глаза Спарки устремились к другим деталям окружающего. К пурпурной осе с оранжевыми крыльями, пролетавшей справа от него. К обезьяньему хвосту, мелькнувшему в листве слева. К черным волосам Селены, слившимся в одну длинную, струящуюся прядь...

Нет! Это не волосы, а что-то другое темной тенью скользило по берегу к Спарки. Уже не Селена с измазанными грязью ногами шла к нему, излучая желание своей улыбкой Медузы, — вокруг ее тела, почти скрыв ее, обвила кольца гигантская анаконда. Ее белые зубы ощерились в угрозе, ее черные глазки, полные ненависти, смотрели прямо на него.

Горячая судорога пронзила внутренности Спарки. Под скользкой кожей змеи играли и перекачивались мускулы, управляемые командами крошечного мозга. Она несла страх.

Страх таился в предмете, который держала в руках Селена, — она вынула его из своей дорожной сумки. Он напоминал двуликого Януса или два дразнящих языка дьявола.

Страх таился и в ее голосе, по-прежнему звучащем в измученном сознании Спарки нечеловеческим рыком:

— Не отворачивайся, милый. Просто иди ко мне, и это исчезнет. Иди ко мне.

...и ешь меня, мой мальчик. Возьми свою мамочку!

Селена с рычанием ухватила Спарки за руку, и другой рукой потянулась к его шортам. В панике он вырвался и упал в грязь. Под звенящий смех Селены его шорты лопнули, обнажая промежность.

Она отбросила куски ткани и выпрямилась, возвышаясь над ним, распростертым у ее ног. Встав на четвереньки, Спарки поднял голову и взглянул на нее глазами, полными слез.

Именно тогда его рука натолкнулась на рукоятку ножа за поясом.

Селена начала медленно наклоняться.

Тсантса? Нет, не тсантса... но... но...

К его глазам придвинулась темная масса волос у нее на лобке. Через мгновение черное пятно обросло восемью мохнатыми лапами разной длины и зашевелилось, глядя на него красными злыми глазами. Паук медленно повернулся и, перебирая лапами, пополз прочь, в дебри живота Селены.

Потом она уселась на него верхом, и ее дьявольская рука заскользила по его телу.

— Почувствуй это, милый, только почувствуй. Это очень приятно, поверь мне.

— Нет!

— Спарки!

— Уходи!

— Ну, давай же, милый. Трахни меня.

Я ненавижу тебя, мама! Отец, ну помоги же мне!

Внезапно Селена вздрогнула, весом своего тела придавливая Спарки к земле. Она начала биться в конвульсиях, когда нож вонзился ей в горло. Раздался звук, как будто кто-то через трубочку высасывал содержимое бокала. Потом Спарки с силой рванул лезвие вправо. Горло Селены с хлопаньем раскрылось, и поток хлынувшей крови застлал воздух кровавым туманом.

Спарки начал кричать.

* * *

Тишина.

Тишина, которая, на самом деле не была тишиной — только остановленным дыханием джунглей, настороженно ждущих. Так молчат тигр, анаконда, летучая мышь. Когда человек слышит такое молчание, он должен хватать любое оружие, ибо идет что-то страшное, опережающее даже мысли о нем.

Женщина знала джунгли, поэтому она отставила миску с чичей¹ и наклонила голову, вслушиваясь.

Это была уродливая женщина хиваро, одетая в платье своего племени, оставляющее открытым левое плечо. Ее волосы слиплись от грязи и жира; лицо было покрыто грубым узором. Она сидела на пороге бамбуковой хижины, из двери которой пробивалась струйка дыма. Над входом висела закопченная *тсантса*.

Перед женщиной на костре бурлил котелок с мутной похлебкой. Рядом ребенок с кривыми ножками и раздутым животом тянул за хвост такую же рахитичную собаку. Та оставила игру и прислушивалась так же тревожно, как женщина.

Первым знаком чего-то необычного были пронзительные крики, донесшиеся со стороны реки. Его подхватила затаившаяся в листве стая обезьян, потом раздалась встревоженные голоса и других обитателей джунглей. Наконец тишину окончательно взорвал вопль, полный такого страха и экстаза, что женщина вскочила и в испуге заметалась, прижав ребенка к дряблой груди. Ее охватила надежда, что ушедший на охоту муж успеет вернуться и спасти ее.

Потом она застыла на месте.

Ее пронизал ужасом крик первобытной страсти.

Спарки впервые испытал оргазм.

¹ Хмельное питье амазонских индейцев.

Часть вторая

Всадник

*«Хоть древа жизни сладок плод,
но берегись: оно растёт
из сердца матери твоей,
из твоего отца костей,
и закричит, как мандрагор,
когда вонзишь в него топор».*

Р.Л. Стивенсон

Охотник за головами

ВАНКУВЕР, БРИТАНСКАЯ КОЛУМБИЯ, 1982

Понедельник, 18 октября, 5.00

В этом городе всегда льет дождь. Так и должно быть: за островами на западе лежит безбрежный океан, а на северо-востоке возвышаются зубчатые горные пики. Осенью небо здесь становится свинцово-серым, и морские бури приносят клубящиеся тучи, которые, распарывая брюхо о вершины гор, изливают на город такие же свинцово-серые струи.

Чтобы жить в этом городе, нужно полюбить дождь.

Женщина брела под утренним дождем, промочившим ее до костей. Она, спотыкаясь, шла по Пендер-стрит, что в китайском квартале, одной рукой держась за стены домов, а другую прижимая к животу. Ноги ее разбрызгивали воду в лужах, отражавших неоновый свет. Она была высокой и худой, эта женщина — длинноногая, черноволосая европейка лет двадцати. Распахивающееся на октябрьском холоде пальто открывало блузку с открытым воротом и синие джинсы в обтяжку. Промокшая ткань блузки плотно облежала соски. Ей было холодно, хотелось есть, и, что хуже всего, ей срочно требовалась доза.

Женщина направлялась к отелю «Лунный свет» и к Стене, где по традиции собирались хукеры¹. Впереди уже

¹ Проститутки (сленг).

показалась голубая реклама, еле видная за пеленой тумана.

На углу Пендер и Мейн женщина оступилась и упала на кромку тротуара. Раздался треск кости, и она задохнулась от острой боли, сковавшей судорогой ее тело. Ей показалось, что во все ее мышцы вгрызлись стаяй жадные муравьи. Кое-как она села на тротуар, опустив голову, мокрые от дождя черные волосы налипли на ее высокий белый лоб. Она плакала.

«Джонни, вонючая сука! Ну помогите мне кто-нибудь, ну пожалуйста!»

Полиция отпустила ее всего двадцать минут назад. Они остановили ее прямо на улице прошлым вечером, часов в девять.

— Проверка, — сказали они. — Пойдем с нами.

Сперва она решила, что они охотятся на проститутку. Но, конечно же, это был отдел по борьбе с наркотиками.

— Отвалите, — ответила она. — Я знаю свои права.

Один из копов заглянул ей в сумочку и криво улыбнулся.

— У тебя *нет* прав. Здесь тебе не Штаты.

Потом они нашли наркотики у нее в туфле. Обычно она клала их в пластиковую капсулу и носила во рту, чтобы проглотить в случае чего, но с такой работой это было невозможно. Как можно отсасывать у клиента с этой дрянью во рту?

Копы отволокли ее в участок на Мейн, сняли отпечатки, записали фамилию и отвели в камеру на четвертый этаж. За это время она вспотела, а потом началась ломка. В туфле лежала ее доза, и через пять минут она избавилась бы от улики.

Вскоре из носа у нее потекло, а пот полился градом, вымачивая ее и без того мокрую от дождя одежду. Ее бросало то в жар, то в холод, время от времени перед глазами вспыхивал ослепительный свет, будто невидимая дверь, распахиваясь, била ее по голове. Наконец она легла на голые нары — матраса не было — и сжалась в комок.

Ноги у нее дрожали, двигаться она не могла, да и не хотела. По краям комнаты ползали черные пятна.

Ей хотелось умереть.

Казалось, прошли месяцы, прежде чем полицейские отвели ее из камеры в комнату для допроса. По пути она обеими руками держалась за живот — ей казалось, что у нее вот-вот вывалятся внутренности. В квадратной комнате шириной десять футов стояли стол и два стула. Один из копов, молодой и мускулистый, занял позицию у двери; другой сел. Этот был намного старше, с желтой, как у мумии, кожей и черными усищами, похожий на шулера с Миссисипи конца прошлого века. Это он взял ее за руку и подтащил к столу.

— Смотрите, как вы себя истыкали! — он указал на рубец у сгиба локтя, где вена почти исчезла, спрятавшись куда-то в кость от беспрерывных уколов.

После этого черноусый вытряхнул на стол ее сумочку. Оттуда посыпались презервативы, помада, грязные трусы и бумажные салфетки. Он поместил среди всего этого вытащенную из ее туфли капсулу с наркотиками и завел свою песню:

— Закон позволяет, леди, вкатить вам семь лет за хранение наркотиков, а вы в такой форме, что вам и минуты кажутся годами. Решайте.

— Назад в камеру, — пояснил мускулистый, — или на все четыре стороны.

— Да, — подтвердил черноусый. — Вместе со всем, что лежит на столе. Повторяю: со всем. Только назови своего пушера¹.

— И своего сутенера.

— Тогда мы сможем...

— ...всегда можно договориться...

— ...такая бедная больная девушка...

— ...а если не скажешь, то что нам остается? — черноусый пожал плечами, выставив ладони вперед, как делают французы.

¹ Торговец наркотиками (сленг).

Но она ничего не говорила. Наконец копам надоело с ней возиться, и в 4.30 утра они выписали ей бумагу и выставили на улицу.

«Джонни. Нужно найти Джонни, — думала она, — Джонни, умоляю тебя, дай мне дозу».

Сперва она пошла в комнатку, которую они снимали в дешевом клоповнике. Вывеска снаружи гласила: «Холодная и горячая вода в каждом номере. Приемлемые цены». Но Джонни там не было, и с ним исчез весь запас наркотиков.

У выхода ей преградил дорогу пьяный. У него было бледное вытянутое лицо и длинные желтые зубы, как у грызуна. Улыбаясь ей застывшей улыбкой, он отхлебнул из пузырька лосьон для бритья «Аква Вельва». Под ногами у него пузырилась лужа мочи, смешанной с дождем.

Она с отвращением протиснулась в дверь мимо него.

— П-поцелуй меня, — промямлил он, но она уже спешила вниз по Кэррел-стрит. Прикосновение к кирпичам дверного проема напомнило ей про Стену.

Светофоры на пересечении Пендер и Мейн горели красным, отражаясь в бесчисленных капельках тумана. Казалось, что на город льется кровавый дождь. Женщина оглянулась назад, на Пендер-стрит.

Китайский квартал в пять утра выглядел нереальным. Тайна, которой испокон веков запад окутывал Восток, казалась здесь почти осязаемой. Женщина глядела на фасады домов, разрисованные, как китайские маски. Окна их глядели на улицу мертвыми глазами. В одном из этих домов жил когда-то Сунь Ятсен¹; в другом собирались тайные общества, окруженные завесой тайны, плотной, как дым их опиумных фабрик. Под улицей, где она сидела, шли откуда-то куда-то давно забытые потайные ходы.

Женщина, конечно, ничего этого не знала, как не знала ничего об этом городе. Она пробыла здесь всего четыре дня.

¹ Сунь Ятсен — первый президент Китая, деятель освободительного движения. Долго жил в эмиграции.

Медленно поднявшись на ноги, она побрела к отелю.

Стена стояла прямо возле «Рук лунного света» — паба при отеле. Она была выстроена из старого кирпича, раскрашенного красными и белыми полосами, как старинный шест парикмахера. Белые полосы проститутки и приспособили для обмена посланиями, оповещая друг друга о хороших или, наоборот, опасных клиентах. Например: «Голубой «понтиак». Это жмот», — или «Берегись легавых!» с номером машины. Иногда здесь оставляли сообщения для своих подопечных и сутенеры. Такие, как Джонни.

С нарастающим чувством паники она искала на белых полосках знакомые каракули.

О Боже, нет! Он ничего ей не оставил!

Она не заметила автомобиль, выехавший из-за угла. Он ехал с Мейн-стрит, скрипя шинами по мокрому тротуару. Номерной знак был залеплен грязью. В десяти футах от женщины он вырулил к обочине и остановился. Мотор замолчал, и окошко водителя открылось.

Услышав фыркание мотора, она обернулась.

— Что, хочешь трахнуть? — ее голос сел до еле слышного сипения.

Она попыталась заглянуть водителю в лицо; в ее деле это было не лишним. Только вчера она слышала, как один клиент задушил проститутку нейлоновым чулком.

Но лицо его пряталось в тени, и она смогла разглядеть только блестящие глаза. Это ей не понравилось.

— Ладно, — она повернулась, чтобы уйти.

— Пойдите-ка, леди. У вас больно вид.

— Отъебись, — бросила она через плечо.

— Слушайте, если вам нужна доза, то у меня есть. Я охотно поделюсь в вами, вы мне нравитесь.

— Нет! — крикнула женщина, и тут ее тело опять свело судорогой. Худшей, чем раньше.

Она почти упала в предусмотрительно распахнутую дверцу машины. Взревел мотор, и они умчались в сочащуюся дождем темноту.

Дождь в это утро кончился рано, и теперь клены, окружавшие теплицу, полыхали буйством осенних красок. Мазки красного, желтого и оранжевого резко выделялись на фоне серо-зеленых вод Английской бухты, испещренных белыми гребнями волн. Октябрьское солнце светило сквозь стекло, отражаясь радугой в шеренгах призм. Внутри сияла другая радуга — разноцветные розы.

Они покрывали весь пол теплицы, располагаясь по сортам. У двери, ведущей в дом, находился отдел гибридов, представленный только одним растением с темно-бордовыми цветами.

В углу сидел человек в белом плетеном кресле. Он был высоким и худым, с нервными руками пианиста. Его темные волнистые волосы уже поседели у висков; орлиный нос и хорошо очерченный подбородок выдавали упрямый, независимый характер. Пока он молчал, он мог прослыть за гордеца, но в разговоре сразу открывались его дружелюбие и скромность.

На коленях у человека лежали блокнот и ручка, а на столе и на полу вокруг него, громоздилось несколько десятков томов истории первой мировой войны. Пространство между ними было усыпано смятыми листками бумаги.

Углубившись в работу, он не заметил, как в комнату вошла женщина. Она немного постояла у двери, глядя на него зелеными искрящимися глазами. Ее каштановые волосы оттеняли немного бледное лицо с высокими скулами и полными чувственными губами. Едва за тридцать, она была на двадцать лет моложе своего мужа. Ее чуть располневшую фигуру удобно облегал серый, сшитый на заказ костюм.

— Eh bien, Robert, — сказала она по-французски. — Est-ce qu'on prendra un lunch aujourd'hui?¹

¹ Ну что, Роберт, съездим куда-нибудь пообедать?

Мужчина, подняв голову, улыбнулся и отложил блокнот.

— Oui, — сказал он. — J'aimerais bien. Combien de temps as-tu?¹

— Juste une heure. J'ai une classe de seminaire en fin de la journee².

Мужчина встал и подошел к ней. Она повернулась, готовая уйти, но он задержался еще на секунду, глядя на единственный куст в отделе гибридов. Потом взял ножницы и осторожно срезал один бутон. Он сам вывел этот сорт, но до сих пор не дал ему имени.

— As-tu pense au pov que tu ui donnerais?³ — спросила женщина.

Он приложил бутон к ее блузке в районе сердца — бордовое на бордовом.

— Genevieve, — сказал он.

Женевьева Деклерк улыбнулась.

В этот миг ему показалось, что в теплице стало еще светлее.

Понедельник, 25 октября, 18.30

По общему мнению, в мире существует всего лишь шесть совершенно необычных по своему природному положению городов. Пять из них — Рио-де-Жанейро, Сидней, Кейптаун, Гонконг и Сан-Франциско. А шестой — Ванкувер.

Молодой человек смотрел на город, проплывающий слева от него, держась за перила на палубе спасательного катера. Его светлые кудрявые волосы развевал свежий ветер.

Катер вернулся с патрулирования в бухте Хоу-Саунд к северу от гавани — одной из миллиона бухт и бухто-

¹ С удовольствием. Как у тебя со временем?

² Всего час. У меня до конца дня еще один семинар.

³ Ты уже придумал, как его назвать?

чек, усеивающих тысячи миль побережья Британской Колумбии. Сейчас он подплывал к входу в Английскую бухту, оставляя Ванкувер слева и направляясь в Пойнт-Грей.

День прошел отлично, и погода была такой, какую Хеллер больше всего любил. Его работа кончилась, и можно было расслабиться и подышать соленым морским воздухом, глубоко набирая его в легкие. На севере отливали медью на солнце вершины гор, а под ними мигал огнями маяк Пойнт-Аткинсон. Далеко-далеко, уже в штате Вашингтон, возвышался над всем этим величественный конус потухшего вулкана Бейкер.

Хеллер любил море, потому что оно было непокорным. Вот только что Английская бухта была гладкой, как зеленая простыня, и по ее поверхности рыбками скользили катера, сухогрузы и яхты. А вот подул ветер — и уже штормовая волна бьет о берег, швыряя суда, как поплавки. А потом разверзаются небеса, и оттуда льет, как из ведра, сердитый осенний дождь.

Так и было этим утром, но теперь море успокоилось.

Дэн Хеллер повернулся и помахал мужчине у руля. Глен Симпсон в ответ показал ему большой палец.

Катер пересекал гавань, оставляя за кормой городские огни. Над ним громоздились теперь песчаниковые утесы Пойнт-Грей. У воды Хеллер увидел старую оружейную площадку, со времен второй мировой все еще ожидавшую японцев. Вверху были видны здания Университета Британской Колумбии, стеклянные панели Музея антропологии сверкали на солнце. За Пойнт-Грей текла река Фрэзер.

Через десять минут, когда катер вошел в устье Фрэзера, Хеллер увидел цаплю, взлетающую с Рек-бич. Потом катер ткнулся о пристань. Они были дома — на базе провинциального министерства земель и лесов.

Глен вырубил мотор и вышел на палубу к Хеллеру. На площадку невдалеке садился вертолет; на лопастях его винта играли лучи заходящего солнца.

— Хочешь кофе? — спросил рулевой.

— Спасибо, — Хеллер взял чашку. Горячий напиток обжег ему рот.

Они несколько минут молчали, глядя на снующие по реке лодки и на машины, проезжающие вдоль берега в сторону международного аэропорта Си-Айленд.

— Как ты думаешь, сколько из этих лодок потонет за год?

— Кто его знает, — философски отозвался Хеллер. — Процентов двадцать.

— Так много? Я вижу, ты пессимист. Хочешь еще? В кофейнике должно что-то остаться.

— Почему нет? Но поторопись, а то солнце скоро сядет.

— Я не пропущу, — заверил Глен, скрываясь в рубке.

Но они оба пропустили закат. Уже входя в дверь, Глен Симпсон бросил взгляд на воду и увидел там какой-то плавающий предмет.

— Эй, Дэн, иди сюда! И прихвати багор.

— А что такое? — Хеллер подошел к нему.

— Видишь? Глен ткнул пальцем вниз.

Там, наполовину скрываясь в воде, качался на волнах труп женщины. Обнаженный. Раздувшийся. С кровавым обрубком на месте головы.

23.31

Отдел экономических преступлений.

Объект: Стив Ракстроу (он же «Лис»).

Начало пленки: 25 октября, 21.00.

Конец пленки: 25 октября, 23.30.

Неизвестный по кличке «Хорек».

Звонок местный.

Хорек: Привет.

Лис: Здорово.

Хорек: Прости, забыл тебе позвонить... совсем забыл.

Лис: Да что ты?

Хорек: Извини.
Лис: Знаешь, собирай манатки и двигай сюда свою черную задницу. Да поскорее.
Хорек: Не могу. Давай чуть позже.
Лис: Что, опять наша крошка, мисс Билли Холидей? Слышу, слышу.
Хорек: Ладно, ты же знаешь, как они дергаются, пока их не удовлетворишь. Мне нужно время, чтобы загнать эту лошадку в стойло.
Лис: Что?
Хорек: Ну, чтобы она никуда не свалила.
Лис: Слушай, это твои дела...
Хорек: Не кипятись. Погоди немного (кричит: Да прикрути это чертово радио. Н/ж: Ну, иди сюда, бэби. Сделай мне хорошо-о-о. Хорек: Погоди. Ты готовься, а я сейчас). Ты еще здесь?
Лис: Здесь, здесь. Но я опять говорю тебе, братишка: выбирай, что тебе важнее. Готовятся большие дела, так что держи ухо востро.
Хорек: Да, да. Я понимаю.
Лис: Когда позвонит Волк, ты должен действовать быстро. И не хером, а головой.
Хорек: Что (неразборчиво)... зомби идет.
Лис: Слушай, а где Х.Г.? Ее нет уже неделю.
Хорек: Не знаю. С ней все глухо.
Лис: Лучше найди ее, а то за дело вѡзьмется Волк, и ты сам станешь глухим. Как камень.
Хорек: Не волнуйся, найду.
Лис: Будем ждать.
Хорек: Ладно, тогда все.
Лис: Ну, пока.

(Отбой).

Вторник, 26 октября, 8.15

За стенами комнаты дул холодный осенний ветер. Зябкий воздух делал еще более яркими и безжалостными отблески света на стальной поверхности. Патологоанатом надел перчатки.

Доктор Каил Сингх был немолодым уже человеком с коротко стриженными серебристыми волосами. На его вытянутом лице поблескивали очки без оправы. Доктор Сингх был одним из трех патологоанатомов Ричмондского госпиталя. Сегодня он дежурил в морге.

В 7.30, когда он пришел на работу, его уже ждали три жертвы. Двое поступили с шоссе 39, где разбилась машина. Полиция доложила, что на шоссе найдены осколки от бутылки текилы. Третий труп был извлечен из реки Фрззер.

Доктор Сингх не любил утопленников. Поэтому он в первую очередь взялся за женщину.

Еще в училище один из профессоров говорил: «Если вы первыми осмотрите самые мерзкие случаи, худшее позади». Этот случай был, без сомнения, мерзким. Тело женщины раздулось и начало уже разлагаться; там и тут мускулы скользкими лохмотьями отставали от костей.

Сперва Сингх подумал, что голову утопленнице отрезало винтом лодки. В этом случае срез должен быть чистым и свежим. Приподняв распухшую шею трупа, он поднес к ней сильную лупу.

Две минуты спустя он уже звонил в полицию.

Капрал Джеймс Родейл был не очень рад звонку. Не то, чтобы он был лентяем, халатно относившимся к своим обязанностям: просто у него после завтрака часто болел желудок, и он не хотел лишнего приступа тошноты после посещения морга. Хорошо еще, что доктор Сингх был так предупредителен. Заметив взгляд вошедшего Родейла, он предложил капралу подождать итогов в глубине комнаты.

— Там на столе телефон, — добавил он. — Если надо, можете позвонить.

Капрал Родейл был небольшого роста, худой, двигающийся осторожно и выверенно. На нем была обычная униформа КККП из коричневой саржи и фуражка, от постоянного ношения которой он уже начал лысеть. От рождения у него были глаза разного цвета: один карий, другой зеленый. За это его в школе дразнили Светофором.

Закончив вскрытие, доктор Сингх повернулся к Родейлу. До этого он периодически излагал в микрофон результаты, и капрал, хоть и сидел к нему спиной, не мог пропустить их мимо ушей.

— Труп белой женщины лет двадцати двух. На обеих руках множественные следы укулов...

— На обеих сторонах шеи разрезы длиной 4,5 сантиметра. Впереди на горле разрез длиной 6 сантиметров...

— Вес сердца 280 граммов. Коронарные артерии расширены, атеросклероз в начальной стадии. Аорта не повреждена...

— Имеются повреждения половых губ. Несколько спаек фаллопиевых трубок...

Вскрытие продолжалось почти час. Когда доктор подошел к Родейлу, он вытирал руки салфеткой.

— Могу я заполнить бланк? — спросил он.

Родейл нашел нужный бланк и протянул доктору. Тот вернулся к столу, на котором лежали изрезанные останки женщины, и сделал инъекции глицерина во все десять скрюченных пальцев. Потом один за одним прижал каждый палец к чернильной подушечке и приложил к бумаге. Вернувшись к Родейлу, он отдал бланк ему, и капрал положил листок в папку, предварительно помахав им в воздухе, чтобы высохли чернила.

— Ну — спросил он наконец, глядя в глаза доктору.

— Она не утонула, — сказал Сингх. — Воды в легких нет. Это значит, что она была уже мертва, когда ее бросили в реку. На обеих сторонах шеи и на горле разрезы, сделанные острым металлическим лезвием. Голова отделена от тела вторым разрезом спереди.

— Изнасилование? — спросил Родейл, делая пометки в блокноте.

— По гениталиям этого не видно, хотя в их районе имеются ушибы. Мы проведем анализ на сперму, но она ведь неделю пробыла в воде. Единственное другое повреждение — разрез на обеих грудях. Он проходит по груди, соединяющей ребра, от одного соска до другого.

Родейл кивнул:

— Значит, голову отрезало не винтом?

— Нет, — Сингх взял со стола банку и пошел с ней к труп.

Когда он взял с подноса со сверкающими медицинскими инструментами скальпель, капрал поспешно отвел глаза. Чувствуя, как к горлу подступает комок, он заставил себя взглянуть на вернувшегося доктора и на то, что тот держал в окровавленной руке. Человеческий позвонок.

— Видите эти отметины?

Родейл посмотрел на несколько царапин на кости.

— Движение лезвия зигзагообразное. Отметины две, с расстоянием между ними четверть сантиметра. Возможно, в лезвии была выемка. Не знаю винта, способного нанести такой удар.

Патологоанатом опустил позвонок в банку, которую держал, и протянул ее капралу. Родейл закрыл банку и приклеил этикетку с временем, местом и порядковым номером.

— Вы получите отчет о вскрытии еще до конца дня, — сказал Сингх.

— Спасибо, доктор, — Родейл взял «дипломат» и встал.

— Минуточку, — Сингх снял перчатки, быстро вымыл руки под краном и выдвинул ящик стола. — Возьмите, — он протянул капралу коробочку «Алка-Зельцера». — В другой раз будем говорить по телефону.

Спустившись вниз, Родейл нашел туалет и проглотил несколько таблеток, запив их водой. Потом поглядел на полицейского в зеркале.

— К черту другой раз, — сказал он сам себе и вышел.

12.15

Ричмондское отделение.

КККП

6900, б-р Миноритов,

Ричмонд, БК.

Капралу Дж.Г.Родейлу.

Из отделения полиции Ванкувера,

312, Мейн-стрит,

Ванкувер, БК

Дет. Берни Зеброфф,

отдел по борьбе с наркоманией.

Установление личности по отпечаткам пальцев.

Утопленник (река Фрэзер).

Личность установлена.

Хелен Энн Грабовски, она же Патриция Энн Палитти.

Приводы: хранение наркотических средств (героин),
Ванкувер.

Родилась 12 июня 1961г., Топика, Канзас.

Фото предоставлено ФБР.

Описание прилагается: белая женщина, рост 175 см,
вес 50 кг, худощавая, груди большие и необычайно
твердые (правда, тут так и написано), черные длинные
волосы, глаза карие, на обеих руках следы от уколов,
на спине длинный шрам.

Б.Зеброфф.

15.45

Отдел Е, КККП,

Ричмондское отделение.

Капралу Дж.Г.Родейлу.

Из отдела N, КККП, Оттава, Онтарио.

№4722067.

Личность (установлена через ФБР): Хелен Энн Грабовски, она же Патриция Энн Палитти.

Привод 12 апреля 1980 г. полицейским отделением Нью-Орлеана по обвинению: проституция.

Сутенер: Джон Линкольн Харди (он же Хорек). К суду не привлекалась.

Фото прилагается.

17.30

Каждый входящий сюда знал, куда он попал. Ничего определенного, только слабое ощущение, висящее в воздухе, как опиумная дымка. Каждый чувствовал, что в баре правят бал наркотики.

В «Руках лунного света» было человек пятьдесят, но звуков они издавали не больше, чем десять. Большинство просто сидели, потягивая пиво и глядя друг на друга стеклянными глазами. Единственный шум исходил от неопрятной толстухи, которая с пьяным усердием колотила по крышке музыкального аппарата. Можно было сказать наверняка, что наверху, в комнатах, извиваются в наркотическом бреду мужчины и женщины с впившимися в их вены стеклянными пиявками шприцев.

Можно было почувствовать все это и поскорей уйти.

Слева от стойки к стене прислонилась женщина. Она была шести футов ростом, с крепким, мускулистым телом, и слегка напоминала Урсулу Эндрес в фильме «Доктор Но» — те же высокие скулы, миндалевидные глаза и медового цвета волосы. Но на этом сходство кончалось. Эта женщина была одета в тряпье, и ногти на ее загрубевших руках были покрашены дешевым красным лаком. Ее волос недели две не касалась расческа.

Сегодня женщина нервничала.

Ее голубовато-серые глаза метались по комнате, ясно говоря всем: *«Мне нужна доза»*.

— Уж не меня ли ты ищешь, детка? — прошептал чей-то голос слева.

— А у тебя есть? — она оглянулась на мужчину.

Это был невысокий индеец с мощными бицепсами, охваченными медными браслетами. Драная джинсовая куртка, распахнутая на груди, обнажала кожаный амулет с зубом кита. Такие же драные джинсы поддерживал черный ремень с рокерской пряжкой. Из-под полей стетсоновской шляпы оценивающе смотрели холодные глаза. Когда он улыбался, а именно это он делал сейчас, становились видны желтые гнилые зубы.

— Сколько? — прохрипела женщина.

— Шестьдесят за штуку. Встретимся в пять на выходе.

Он отвернулся и быстро зашагал прочь.

17.45

Смеющейся девочке было не больше пяти. С головы до ног ее закрывал красный комбинезон, из-под капюшона которого виднелось румяное личико, обрамленное рыжими кудряшками. Визжа от удовольствия, она вновь и вновь скатывалась по травянистому склону, вся покрытая липкой, жирной грязью.

— Синди, хватит! — крикнула ей сестра, которой было уже семь лет, и она чувствовала ответственность за малышку.

Они увидели порванную палатку с вершины холма в Северном Ванкувере, в четверти мили от их дома.

Уже темнело, и пихты отбрасывали длинные тени на склон, спускающийся вниз, к воде залива. Дайане тени не нравились, но Синди не было до них дела. Она продолжала свою игру.

— Хватит, я сказала! — крикнула Дайана, спускаясь следом за сестрой. — Как ты думаешь, кто тут живет?

— Клоун Оскар, вредина! — отозвалась Синди.

Она подбежала к палатке и заглянула внутрь.

— Оскар, ты здесь? А ну выходи! — внезапно ее нога по щиколотку погрузилась в грязь.

— Какая ты неряха, Синди! Тут, должно быть, болото.

Не обращая на сестру внимания, Синди сделала еще шаг, но это не помогло. Ее левая нога выскочила из резинового ботика, и несколько секунд девочка балансировала на одной ноге, как циркачка на трапеции. Потом упала — прямо в грязь.

— Ох, Синди! Что скажет мама, когда увидит, как ты перемазалась? Синди кое-как встала и начала вытягивать свой ботик. С чавкающим звуком он выскочил из грязи, но тут девочка упала снова и не поднялась. Широко раскрытыми глазами она смотрела вниз, туда, где взрыленная ею земля обнажила руку скелета, тянущуюся вверх из неглубокой могилы.

20.05

Они включили фары, чтобы осветить место преступления, но внизу, в тени деревьев, все равно было темно. Небо сегодня было чистым, и в нем горели мириады звезд, но землю покрывал густой туман. Внизу стояли люди, все, кроме одного, в форме и все с пластиковыми чашечками в руках. Пар от кофе смешивался с ползущим внизу туманом.

Когда капрал Родейл двинулся к ним, один из людей в форме обернулся.

— Это вы, Родейл? — он говорил командным тоном.

— Да, сэр.

— Хорошо. Я хочу, чтобы вы на это взглянули. Похоже, у нас появилась проблема.

Человеку, который это говорил, было за пятьдесят, и он едва достигал минимума веса, необходимого для службы в КККП. Когда Родейл подошел поближе, фары осветили внимательные голубые глаза человека, аккуратно подстриженные усы и плотно сжатые губы. На нем были синий пиджак и серые фланелевые брюки. На кармане пиджака красовалась эмблема Конной пол-

иции — голова бизона под короной, окруженная кленовыми листьями. Человека звали Джек Макдугалл.

Капрал Родейл окинул взглядом всю картину. Фотограф из отделения Северного Ванкувера щелкал вспышкой, полицейский, стоящий рядом с ним, набрасывал план местности. Невдалеке бегала большая немецкая овчарка, обнюхивая сухие листья и грязь. У самой кромки воды черным силуэтом двигался человек с металлоискателем.

— Когда мы приехали, могила уже была разрыта, — сказал Макдугалл. — Скелет нашли две девочки, которые рассказали об этом отцу. Вместо того чтобы сразу позвонить нам, он пошел сюда посмотреть и зачем-то убрал все листья, сучья и грязь. Пока мы узнали и приехали, уже стемнело.

Сержант Макдугалл провел Родейла к месту, окруженному веревкой. Здесь свет был особенно ярким, и земля казалась белой. Посередине в неглубокой яме лежал скелет. Большинство плоти отгнило, но внизу брюки удержали какую-то часть кожи и мышц. Там еще трудились черви.

— Я хочу, чтобы вы занялись этим. Настаиваю, чтобы каждая операция дублировалась. Включая просеивание земли на двести ярдов вокруг. Если это то, что я думаю, нам придется быть крайне внимательными. Понимаете, о чем я?

— Да, — кивнул Родейл. — У него нет головы.

Среда, 27 октября, 10.34

Такие газетчики, как Слип О'Рурк, теперь не рождаются. А жаль.

Слип был верзилой с налитым «Гиннесом» животом и с татуировкой на предплечье — памятью о службе во флоте. Татуировку он заполучил на Тайване во время увольнения на берег, непонятно где и как. Он невзлюбил

ее сразу же, как только протрезвел. Татуировка изображала Попейо¹ с пучком шпината в руке.

Сегодня, как всегда, на Скипе была рубашка с длинным рукавом.

Он сидел за столом редактора, попыхивая сигарой и просматривая гранки, когда слева к нему подкатила секретарша Эдна. Плоскогрудая и вся в веснушках, она почему-то напоминала Скипу растительное масло.

— Только что принесли, — сказала она своим скрипучим голосом. — Подписано «лично редактору», — в руке у нее был коричневый конверт.

— Кинь его в корзину. Видишь же, что я занят.

— Да, сэр, — проскрипела Эдна и вышла. Слип хмыкнул, продолжая напряженно думать. *Охотник за головами. Вот как мы его назовем. Это должно сработать.*

Слип О'Рурк был редактором с незапамятных времен. В дни компьютерной графики и спутниковой связи он продолжал тосковать о желтой газетной бумаге и свежих оттисках. Слава Богу, говорил он себе, что хоть гранки остались.

До эпохи компьютерного набора гранки были главной вещью, и О'Рурк каждый день читал их с благоговейным вниманием. Не будучи редактором, вы и представить не можете, сколько шуму способна наделать опечатка.

Закончив, Слип откинулся в кресле, положил ноги на стол и выпустил большой клуб дыма. Он думал, как начать историю об отрезанных головах.

В этом городе и «Ванкувер Сан», и «Провинс» принадлежали издательству «Пасифик Пресс». В мире монополистов это была хоть маленькая, но монополия. Да и какая разница, из одного источника идут плохие новости или из нескольких?

В это утро обе газеты вышли под одинаковой шапкой. 96-м шрифтом они извещали читателей: *«Кто-то охотится за головами»*. О'Рурк решил, что вечерний вы-

¹ Популярный в 60-е гг. герой мультфильмов, моряк, в огромных количествах поедавший шпинат.

пуск «Сан» будет другим. Он уже видел заголовок: *«Охотник за головами среди нас».*

«Мертвым все равно, — подумал Скип философски. — Какая им разница, говорят о них или нет, и что говорят? А для газеты маньяк-убийца — отличная находка».

Да, Скип был настоящим редактором.

Его делом было продавать новости. И он умел это делать.

Он потянулся к конверту, который Эдна положила в почту. Разрезав его ножом, он вытряхнул содержимое на стол. Две фотографии лицом вниз и вырезка из журнала.

Взяв вырезку, О'Рурк только хмыкнул. Это была статья под названием «Золотые яблоки». На снимке вверх была изображена обнаженная до пояса женщина с самой большой парой грудей, какие он когда-либо видел. Подпись гласила: «Как вам это?»

О'Рурк покачал головой и перевернул фотографии. Тут сигара выпала у него изо рта, и он издал вопль, о котором мечтает любой редактор:

— Черт побери, остановите выпуск!

На обеих фотографиях изображалась отрезанная голова женщины, укрепленная на деревянном шесте.

Могильный столб

10.45

Первый отряд по поимке Охотника был не отрядом, а скорее координационным центром. Если бы не Клиффорд Олсон и не его кровавые дела летом 81-го, то никакого отряда и не стали бы создавать; но тогда КККП получила горький урок, говорящий о необходимости координации действий. Итак, отряд был образован. Состоял он из сержанта Джека Макдугалла и капрала Джеймса Родейла, и утром они встретились в выделенном им кабинете, чтобы обсудить положение.

— Это доктор Сингх, — сказал Макдугалл, вешая трубку. — Он в госпитале Лайон-Гайт, куда мы отправили кости. На груди скелета те же отметины, что у утопленницы. Значит, убийца тот же.

Родейл кивнул:

— И что нам делать?

— Думаю, пока следует сосредоточиться на Грабовски.

Эта, вторая вряд ли наведет на след, раз мы не знаем даже, когда она умерла. Я отправил вертолет просветить склон инфракрасными лучами, но они ничего не нашли. Единственная зацепка — ткань палатки. Она сделана в Швейцарии. Я уже запросил Интерпол.

— Думаете, она иностранка?

— Не исключено. А что у вас?

— Пока можно сказать, что Грабовски пробыла здесь всего три-четыре дня. Из Нью-Орлеана это подтвердили.

Они не знают, что она делала здесь, и мы тоже. Мы ищем ее сутенера. Может, удастся что-то узнать от наших информаторов.

— Это все?

— Боюсь, что да, — Родейл пожал плечами. — Охалка неопознанных костей и неизвестно зачем здесь оказавшаяся американская шлюха. Не густо для начала. Макдугаллу оставалось только с этим согласиться.

Четверг, 28 октября, 5.15

«Что за день! — подумала она. — Как мы это пережили!»

Рыжеволосый веснушчатый мужчина привез свою жену в больницу Св.Павла в 7.05. Уже за сорок минут до этого у нее отошли воды, и мужчина ужасно нервничал — это был их первый ребенок. Одна из сестер отвела его в сторону и попыталась успокоить.

— Я хочу, чтобы все было натурально, — мужчина дрожащими пальцами достал из кармана сигарету. — Без всяких там щипцов и наркотиков. Кто у вас акушер?

Сестра вежливо попросила его не курить.

Мужчина сломал сигарету и швырнул ее в урну, глядя как его жена, переваливаясь, идет к лифту в сопровождении людей в белом.

— Не верю я больницам, так и знайте. Это ведь здесь внутри какого-то парня забыли тампон? — он опять достал сигарету из пачки.

Сестра так же вежливо попросила его не курить.

Схватки начались в 17.21, как раз после начала смены Джоанны Портмэн.

Следующие пять часов совершенно измучили Джоанну. Вообще-то она любила работать в гинекологии — хотя больница по определению была местом страданий и смерти, здесь она находилась у источника жизни. С каждым рождением она сама как будто рождалась вновь. К тому же ей нравилось ощущать себя полезной матерям, чувствовать их благодарность.

Но эта миссис Уокер была тяжелым случаем.

Все эти часы она пролежала, мучаясь от боли и с ужасом в глазах ожидая очередного приступа. Джоанна держала ее и утешала ласковыми словами, а к концу начала даже цитировать Библию. Она всегда удивлялась, как это действует даже на отъявленных атеистов.

Смена Джоанны кончалась в полночь, но ребенок миссис Уокер ждал до 4.13. И, как обычно, Джоанна осталась и дождалась его появления на свет.

«Что за день! — думала она теперь. — Как мы все это пережили?»

Сейчас было 5.15, и Джоанна сидела на скамейке, ожидая автобуса. Она улыбалась.

Джоанна Портмэн была миниатюрной женщиной двадцати двух лет. На работе она собирала волосы в пучок, но теперь позволила им свободно рассыпаться по плечам. Ветер, дующий вдоль по Баррард-стрит, закрывал ей лицо черными прядями, и она выбрала скамейку обращенную к больнице. Основанная в 1894 г. сестрами Провидения, больница Св. Павла — приземистое здание из красного кирпича — с течением лет обрастала пристройками, но уже было решено снести ее и выстроить на ее месте новую. Джоанна посмотрела на статую апостола в нише наверху. «Будешь ли ты так же защищать меня, когда выстроят новую больницу?» — подумала она.

Тут подошел автобус.

Через десять минут она вышла на Пойнт-Грей-роуд, и в лицо ей ударил холодный ветер с моря. Поднимая воротник, она подумала: *«Кажется, скоро снег»*, — и тут же ругнула себя за глупые мысли. Ведь это Ванкувер, и теперь еще только октябрь. *«Все равно ужасно холодно»*, — решила она, трогаясь с места.

Кратчайший путь к ее квартирке в трех кварталах от остановки лежал через Татлоу-парк. Обычно она шла по краю теннисных кортов до Бейзуотер-стрит, а там уже оставалось совсем немного.

Но сегодня утром этот путь казался невыносимым. Было еще совсем темно, а со всеми этими историями про

Охотника за головами... нет уж, лучше прогуляться в обход.

Она была уже в двух кварталах от дома, когда сзади до нее донесся шум машины.

«Тише, — сказала она себе. — Прежде всего, без паники (*Лежко сказать! Тут впору обделаться со страху.*)»

В старых домах, окружавших улицу, не горело ни одного огонька.

«Ну, оглянись. Если это он, можешь закричать. Или побежать».

Она оглянулась через левое плечо и с облегчением вздохнула, видя, что автомобиль проезжает мимо.

Пятница, 29 октября, 2.03

Сладкий дымок марихуаны заполнил внутренность машины. Окна запотели. Парень быстро втянул в себя дым, спеша наполнить легкие, отчего огонек самокрутки ярче разгорелся в темноте. Потом он выпустил клуб серого дыма, окутавший лицо Вал.

— Клево, — объявил он слабым голосом.

— Знаешь, что в тебе плохо, Крис? Ты никогда не бываешь серьезным.

— Насчет тебя я серьезно, — он пододвинулся к ней и погладил сосок под обтягивающим свитером.

— Вот и будь серьезным, — она закрыла грудь ладонями.

Парень рассмеялся и сделал еще одну затяжку.

— Это отличная штука, Валерия. Ты просто не знаешь, от чего отказываешься.

Час назад они попробовали поставить машину у обелиска на скале рядом с университетом, откуда Саймон Фрэзер впервые увидел Тихий океан. Уже через несколько минут их осветила фарами полицейская машина, и Крис тронул «Фольксваген» с места, бормоча что-то

сердитое в адрес Трюдо¹, обещавшего вытащить Государство из постели Нации.

Теперь они остановились в тупике недалеко от Музея антропологии. В обычное время они могли бы с такого расстояния разглядеть здание с его шестидесятифутовыми стеклянными стенами и стоящими у фасада индейскими тотемными столбами. Но сегодня все закрывал туман.

Крис снова потянулся к груди Вал.

— Слушай, Крис, нам правда нужно поговорить. Я не хочу вылететь из университета.

— Вылететь? — он опять рассмеялся. — Экзамены ведь в декабре, а сейчас только октябрь.

Крису Сетону было восемнадцать, и Валерия Причард познакомилась с ним на танцах две недели назад. Ей сразу приглянулись его веселые глаза, волевой крепкий подбородок и то, что он почти все время смеялся. Теперь ей казалось, что он смеется чересчур много.

— Знаешь, что у тебя? Страх перед жизнью, прикрываемый смехом.

— Вот здорово! Цыпочка отучилась полгода на психфаке и уже думает, что может меня анализировать. Ты не думаешь, что я просто такой смешливый?

— Это и означает, что у тебя скрытый невроз.

— А почему тогда ты трахаешься, как швейная машинка?

— Ах ты, свинья! Вовсе я не трахаюсь, как швейная машинка!

— Да? Тогда послушай мои записи. У меня на заднем сиденье спрятан магнитофон. Давай-ка мне все свои денежки, а то отошлю пленку твоей маме.

— Вот задница, — сказала Вал, и они рассмеялись.

В машине стало холодно, и Крис включил обогреватель. Стекла прояснились, и только тут они заметили, что пошел снег. Большие мокрые хлопья приземлялись на ветровое стекло «Фольксвагена», таяли и медленно стекали на капот.

— Как тебе это? — спросил Крис.

¹ Пьер Трюдо — премьер-министр Канады в 1968-84 гг.

— Не знала, что здесь так рано идет снег.

— Он и не идет. Я прожил здесь всю жизнь, и никогда... Это не может быть снег.

— Но это он, — резонно заметила Вал.

— Да, действительно. Ну и черт с ним. Лучше иди ко мне.

— Не сегодня. Поехали по домам.

— Господи, Вал, а зачем же мы сюда приехали?

— Говорю тебе, не сегодня.

— Почему? — спросил Крис.

— Почему? Потому, что я хочу хоть немного поспать, а уже два часа. Потому, что я должна сдать экзамены. Потому, что мать надрывается в своем дурацком ресторане, чтобы я могла учиться. Я получила свободу, и что же я делаю? Прокуриваю мозги и трахаюсь каждый вечер. Я не могу провалиться на экзаменах. Так что давай по домам.

Крис просунул руку между ее бедер.

— *Господи!* — крикнула она, отталкивая его. — Ты что, не слышишь, что я говорю?

Прежде чем он успел ответить, она распахнула дверцу машины и выскочила в ночь.

— Знаешь что, катись к черту! Оставь меня в покое! — хлопнув дверцей, Вал исчезла в снежной пелене.

— Ох эти бабы, — пробормотал Крис.

Несколько секунд он просто сидел на месте, пытаясь разглядеть девушку сквозь мокрое стекло. Он был уверен, что она направилась в кампус тропинкой, идущей мимо тотемных столбов. Но она могла заблудиться в тумане, забрести на скалу и упасть с высоты сто футов. Поэтому он вылез из машины и пошел за ней.

Его сразу же окружила стена падающего снега. «*Снег в октябре. Господи, что за чушь*», — раздраженно подумал он.

Чтобы догнать Вал, он перешел на легкую трусцу.

«*Cherchez la femme*¹, старина. *Cherchez* эту сисястую...»

¹ Ищите женщину — французская поговорка.

Он был уже футах в двадцати от машины, когда услышал крик Вал. Этот крик, приглушенный снегом, не был криком падающего со скалы, нет: это был вопль чистого, животного ужаса.

Крис решил убежать — пускай сама заботится о себе, — но какая-то сила бросила его вперед, прямо на Вал. Они оба упали в снег.

Девушка откинула голову и закричала снова. Бросив один лишь взгляд на ее искаженное страхом лицо, Крис едва не обмочился. Барахтаясь в снегу, он попытался встать — и увидел то, что висело в воздухе.

Тотемный столб в десяти футах слева был освещен прожектором. Он представлял собой пятнадцатифутовый обтесанный ствол с укрепленной посередине на двух распорках поперечной балкой, украшенной масками духов.

Среди них был и дух-акула — покровитель племени. На балке, между распорок, висел труп женщины. Ее руки были прибиты к балке гвоздями. Голова отсутствовала; ее место занимало оскаленное лицо духа-акулы.

У Криса отвисла челюсть, но он смог сдержать крик.

Тут он заметил на трупе белый медицинский халат, разрезанный спереди от шеи до паха. По этой ложбине текла кровь, капая на землю с высоты восьми футов. Внизу уже натекла порядочная лужа.

— О Боже, — прошептал Крис.

Потом он отвернулся, и его вырвало.

Труба зовет

2.19

В ванкуверское отделение полиции позвонили в 2.19 ночи. Вообще-то звонить нужно было в другое место, но дежурный не стал исправлять ошибку. Весь предыдущий вечер он пил в полицейском спортивном клубе, и даже сейчас голова его гудела, будто ее разносили железным шаром, как старый дом. Но услышав про труп, он тут же сел прямо и плотнее прижал трубку к уху.

— Где труп? — спросил дежурный, еле шевеля языком.

— Свисает с тотемного столба. У него нет головы!

— Тотемы в парке?

— Я же говорю: тотемный столб.

— А кто это звонит? — спросил дежурный обладателя взволнованного голоса на том конце провода.

— Крис. Крис Сетон.

— Хорошо, Крис, подождите, пока я вызову наряд. Потом я поговорю с вами, — он отложил трубку и включил связь с уличными патрулями. — Возможно, в Стенли-парке находится труп. У тотемных столбов. Проверьте информацию. Связь по коду 4. Потом он снова взял трубку.

— Ну вот, мистер Сетон. Назовите, пожалуйста, ваше полное имя и дату рождения, — дежурный взял ручку и начал писать.

2.20

Уже через минуту после получения сигнала первая бело-голубая патрульная машина ворвалась в Стенли-парк. Ее шины проскрежетали по главной аллее, потом, на повороте, заскользили в мокром снегу. Водитель включил мигалку, и по снегу заплясали отблески красного, голубого и опять красного. Меньше чем за три минуты автомобиль достиг Броктон-Пойнт и стоящих там тотемных столбов.

Не успел он остановиться, как из него выскочили двое полицейских. За пятнадцать секунд они осмотрели столбы — мифические гиганты, припорошенные блестящим снегом.

Трупа нигде не было.

2.22

В отделении первым узнал о случившемся детектив Эл Флад. Потому что позвонили в помещение, где он находился. Потому что речь шла об убийстве. И потому что убийства были его делом.

Фладу было тридцать восемь лет; он был высоким, ширококостным, с серо-голубыми внимательными глазами, окруженными россыпью веснушек. Каждый раз, глядя в зеркало (а именно это он делал, когда зазвонил телефон), он с удовольствием смотрел на свою атлетическую фигуру.

— Отдел по расследованию убийств, — сказал Флад, подоспев к трубке после третьего звонка.

— Это Дженкинс, диспетчер. У нас, возможно, труп. Звонивший сказал, что это у тотемных столбов в Стенли-парке.

Флад достал блокнот:

— Где этот звонивший?

— У автомата.

— А где автомат?

— О... я забыл спросить, — в голове у диспетчера все еще гудело.

— Так спросите сейчас, если он еще там. Я подожду. Телефон замолчал.

Минуты две Флад оставался на месте. Было полтретьего ночи; комната, тихая, как кладбище, напоминала пещеру, полную застывших на своих местах столов и пишущих машинок. Одна из флуоресцентных ламп мигала, отбрасывая на пол причудливые блики. Где-то в соседнем помещении зазвонил телефон. Ожидая звонка диспетчера, Флад просмотрел бумаги на столе и обнаружил там копию запроса, отправленного полицией по поводу двух последних убийств. Оба тела были найдены обезглавленными. Флад еще читал, когда линия ожила вновь.

— Детектив, это опять Дженкинс. Вы тут?

— Конечно. Где он?

— Возле университета. Говорит, что звонит от антропологического музея.

— Это же в пяти милях от Стэнли-парка. Откуда же он узнал про труп?

— Это вроде бы не в Стэнли-парке. В университете ведь тоже есть тотемы.

— Вы ведь сказали, что это Стэнли-парк.

— Я... ошибся.

— Ага. Это не вы, Дженкинс, сидели вчера в спорт-клубе в окружении пустых бутылок?

— Да. Вероятно, так.

— Что ж, звоните Конным. Это в их юрисдикции.

— Слава Богу, что нам с этим не возиться. У трупа нет головы.

Флад чуть не уронил трубку. Как и большинство горожан, умевших читать, он видел историю об обезглавленных трупах на первых страницах газет. Только что он просмотрел запрос КККП по поводу этих преступлений, посланный в муниципальную полицию, — и вот теперь этот разгильдяй-диспетчер сообщает ему еще об одном трупе без головы. Фладу не нужно было лишний раз напоминать, что

в расследовании убийства вероятность нахождения преступника уменьшается с каждой прошедшей минутой.

— Давайте же! Звоните Конным! — Флад почти кричал, что никак не вязалось с его обычно вежливой манерой разговора.

— Есть! — сказал диспетчер и повесил трубку.

2.31

Констебль Рон Митчелл смотрел вверх в мигающем свете полицейской машины и не верил своим глазам. Зрелище было сюрреалистическим. Тело, свисавшее с то-темного столба духа-акулы, освещалось не только огнями машины, но и прожекторами снизу. Митчелл подогнал машину снизу, по Чэнселлор-бульвару, и остановился перед Музеем человека. Стараясь не приближаться к труп, он залез на капот машины и всмотрелся в жуткую картину.

Кто бы ни приколол тело гвоздями к дереву, он еще и вылил на него пластиковый пакет с кровью. Сам пакет, вместимостью больше галлона, валялся у подножия столба. Митчелл мог разглядеть на теле потеки свежей крови вперемешку с засохшими.

2.36

Зазвонивший телефон грубо вырвал его из сна. Он быстро вскочил, споткнулся в темноте и схватил трубку, боясь разбудить своего любовника. Когда он шепотом заговорил, с кровати донеслось невнятное бормотание.

— Алло, — Джек Макдугалл поглядел на часы.

— Сержант, это констебль Рон Митчелл. Университетское отделение. Наверное, вы меня не знаете.

— Не знаю. — Макдугалл нахмурился.

— Извините, что беспокою, но, надеюсь, вы меня поймете.

Макдугалл тоже на это надеялся.

— Ну! — нетерпеливо сказал он.

— Мы нашли еще один труп. Без головы.

Сержант почувствовал, как последние остатки сна покидают его.

— Где? — спросил он уже в полный голос.

— Возле Музея антропологии. Прибит гвоздями к тотемному столбу.

— А где вы находитесь?

— Прямо тут.

— Оставайтесь на месте. Я еду. Отвечаете за все, что там случится. Никого не подпускать, слышите, никого!

— Слушаюсь, сэр.

Макдугалл швырнул трубку на рычаг. Сержант уже натягивал одежду — тот же синий пиджак, те же серые брюки, — когда с кровати донесся скрип пружин и сонный голос окликнул:

— Что случилось, Джек?

— Нашли еще труп. Хуже прежних.

— О Господи! Выпьешь кофе?

— Некогда, дорогой. Я очень спешу.

— Увидимся вечером?

— Надеюсь, да. — Макдугалл оглянулся на тело гимнаста, распростертое под простынями. У этого тела были неплохие шансы выиграть следующую Олимпиаду.

— Я тоже на это надеюсь, — сказал Питер Брент.

ОТТАВА, ОНТАРИО

6.11

Когда телефон умолк, комиссионер Франсуа Шартран подошел с чашкой кофе к окну своего кабинета, из которого открывался вид на реку Оттава. Потом он закурил «Голуаз» и задумался, глядя в окно.

На востоке первые робкие лучи рассвета уже вступали в бой с серебристым сиянием луны. Северный ветер из

тундры покрыл рябью стальную гладь реки, над которой лениво взмахивали крыльями канадские казарки. Докурив сигарету, Шартран зажег другую.

Комиссионер был плотным мужчиной, всю свою сознательную жизнь боровшимся с излишним весом. Лицо его было невыразительным — короткая стрижка с выбритыми по-военному висками и лысиной на макушке, редкие брови, мягкий, безвольный рот. Он всегда отдавал приказы тоном совета, и это многим нравилось. Люди не любят, когда ими командуют, но редко отказываются от помощи — а команды Шартрана приходили часто на помощь в решении трудной проблемы. Он принадлежал к людям, которых другие слушаются с охотой.

Пока он стоял, обдумывая то, что сказал ему только что генеральный прокурор Британской Колумбии, телефон зазвонил снова. Отставив чашку с кофе, он подоспел к третьему звонку.

— Шартран слушает.

— Франсуа, это Уолт Джессоп. Я звоню с побережья. У нас тут плохие новости.

— Я уже знаю. По линии начальства.

Заместитель комиссионера по подразделению Е только хмыкнул:

— Нам нужны люди и техника, Франсуа. Это похуже, чем было с Олсоном. Даже тогда у нас были отряды добровольцев, и частные сыщики, и звонки с требованием выкупа, и Бог знает, что еще. А сейчас еще феминистки разойдутся.

— Как-нибудь справимся.

— А что я скажу прессе?

— Предоставь это мне, Уолт. Я как раз сейчас об этом думаю. Обещаю, что позвоню тебе, когда додумаюсь до чего-нибудь, только дай мне выпить еще чашку кофе.

Заместитель усмехнулся:

— Хорошо. Только поторопись, а то мне придется сбежать из города.

Закончив разговор, Шартран пошел на кухню и сварил себе еще чашку кофе. В этот момент его осенила идея.

Он знал, что надо делать.

Когда ты стоишь во главе организации, являющейся одновременно бюрократической и легендарной, ты обязан делать все, что можешь.

Даже если не можешь ничего.

ВАНКУВЕР, БРИТАНСКАЯ КОЛУМБИЯ

8.15

«Женевьева» умирала.

Он осторожно взял розовый куст левой рукой и осмотрел его в поисках какого-либо заболевания. Ему удалось обнаружить только две крохотные белые точки в месте соединения цветка со стеблем. Что бы это ни было, он никогда не видел такого симптома раньше. «Вот в чем беда экзотических растений, — подумал он. — Они страдают экзотическими болезнями».

За стенами теплицы сыпал снег. Кленовые деревья и город за ними скрылись в серой пелене, сквозь которую едва проглядывало тускло-багровое солнце, отсвечивая радугой в каплях на стекле.

Нет, день начинался плохо по всем показателям.

Как обычно, он начал работать в половине шестого утра. Но, едва сев в плетеное кресло и раскрыв блокнот, он уже знал, что ничего толкового сегодня не напишет. Тут же всплыла и еще одна горькая истина — что он вообще зря взялся за этот труд. Ну зачем миру еще одна история первой мировой войны? Что он может сказать после Фэя, Альбертини и Лиддела Гарта?

Он медленно отстранил растение и понял, что вместе с ним умерла его книга.

Поглощенный печальными мыслями, он не услышал, как дверь теплицы отворилась и вошла его жена.

Тронув его за руку, она заговорила по-французски.

— Robert, on tu demande au telephone¹.

Он поглядел на нее снизу вверх — каштановые волосы теперь собраны наверху головы, но непокорные пряди тут и там выбиваются и падают на плечи, — потом кивнул, вышел из теплицы и прошел по деревянному полу, покрытому персидским ковром, к телефону в холле.

Он чувствовал легкую тревогу: в плохой день и новости могли быть только плохими.

— Алло, — сказал он по-английски. — Это Роберт Деклерк.

16.55

Войдя в паб, он улыбнулся, обводя глазами столики и прикидывая, кому здесь он срочно нужен. Он знал, что в этот момент многие в «Руках лунного света» глядят на него с вожделением. Особенно нетерпеливой казалась блондинка в углу. Он снабжал ее постоянно, но она была такой здоровой, что дозы хватало ненадолго.

Индеец двинулся к ней, обходя столы.

Всего десять минут назад он загрузился двумя упаковками зелья. Пушер сказал, что это лучшая партия с тех пор, как Конные прочистили рынок.

— Только двигай быстрее, — сказал он. — У них нюх на это дело, и скоро они повиснут у тебя на хвосте.

— Я думал, ты возьмешь деньги вперед.

— Я тебе доверяю, — улыбнулся Пушер. — Должен же такой сукин сын, как я, кому-то доверять? Только повторяю — двигай это быстрее.

Индеец прикинул, что ему нужно сбыть сорок пять порций и еще пять останется для него. Эта афганская штука позволит ему летать часов восемь. Прошел уже почти месяц с тех пор, как он принимал наркотик последний раз, и сердце его билось учащенно.

¹ Роберт, тебя просят к телефону.

Да, сегодня будет ночка. Только бы распродать товар.
— Дорогой, — прошептала блондинка, увидев его. — Как я рада!

Ее лицо дергалось, как у ожившего мертвеца.

— Должен разочаровать тебя, крошка. Я пустой.

Но это была только старая пушерская шутка, позволившая ему увидеть потухший взгляд блондинки и на миг особенно остро ощутить свою власть над этим жалким созданием. Потом он ухмыльнулся, открывая пластиковую капсулу за полусгнившими зубами.

— О-о, простите, леди. Оказывается, кое-что осталось. Когда будут деньги?

— Скоро, — блондинка облизала пересохшие губы. — Дай мне его, быстрее. Я вот-вот развалюсь на части.

— Одну или две, леди? Семьдесят пять за порцию. А-атличный товар!

Блондинка скривилась, но выбора у нее не было.

Она дважды кивнула.

— У выхода в пять, — бросил он и пошел к выходу.

Тут они оба увидели чернокожего, входящего в бар.

Его могучие плечи занимали все место, предназначенное природой для шеи; грудь распирала голубую хлопчатобумажную майку. Штаны без ремня грозили вот-вот сползти к щиколоткам. На круглом лице выделялась тонкая полоска усов. Негр был просто увешан драгоценностями: в волосах на груди блестело несколько золотых цепочек, в ухе качалась серьга, наманикюренные пальцы усеивали кольца. Судя по его виду, вряд ли кто-то даже в этой части города мог покуситься на эти ценности.

Индеец уставился на него, открыв рот. Чернокожий, небрежно кивнув на заднюю дверь, повернулся и вышел; индеец, проскользнув между столов, скрылся в черном ходе.

Когда они исчезли, блондинка встала и быстро пошла к туалету. По пути какой-то тип лет пятидесяти, с прыщами по всему лицу, сунул ей руку между бедер. Отпихнув его, она вошла в женское отделение.

Там воняло мочой, и сразу в трех местах красовались лужи блевотины. В одной из них печально размокала

противозачаточная таблетка. Единственное окно открывалось во двор, как будто запах помойки мог освежить здешний воздух.

Блондинка вошла в кабинку у окна и, став ногами на унитаз, выглянула наружу.

Она больше минуты смотрела, как говорят индеец с негром. Потом они передали что-то друг другу и быстро разошлись в противоположных направлениях.

Как только они скрылись, блондинка достала из кармана блокнот и ручку и начала что-то писать.

17.40

Откуда-то издалека донесся стук колес поезда. Другим звуком был гудок судна, выходящего в тумане из гавани. Туман накатывался с моря, скрывая реальный мир в своей серой пелене и искажая очертания и звуки. Погода приближалась к своей октябрьской норме.

Железнодорожная будка стояла в двадцати футах от Тихого океана и в нескольких тысячах ярдов от западного края Канадской Тихоокеанской железной дороги. На четырех тысячах миль рельсов будка была крошечной нервной клеткой в большой и сложной системе.

Мужчина, сидевший на подоконнике будки, закурил еще одну сигарету — экспортный класс, без фильтра. Он был, что называется, в теле — налитый пивом живот выдавался из-под пиджака, туго натягивая кожу ремня. Из кармана брюк торчала рукоятка «Смит-энд-Вессона» 38-го калибра.

Он повернулся на звук открываемой двери.

Вошла та самая блондинка из бара.

— Думаю, я вышла на кого-то, — сказала она с торжеством.

— Да? — отозвался мужчина без всяких эмоций.

— Проблема только в том, что я могу засветиться. Продолжая говорить, блондинка извлекла из кармана две желатиновые капсулы, взяла с полки конверт и вложила

их туда. На конверте она надписала свою фамилию, дату и обозначение 56 С. В КККП. Каждому подозреваемому в делах с наркотиками присваивался свой номер, а буква С обозначала, что это третья доза, купленная ею у данного лица.

— Цена просто дикая, — блондинка протянула конверт мужчине и, сев возле обогревателя, начала что-то писать в большой тетради.

— Ты сказала, что вышла на кого-то, — напомнил толстяк так же спокойно.

— Я видела, как 56-й говорил с одним черным во дворе. Такой нувориш, если ты знаешь, что это такое. Весь в золоте и спеси на четверых. Похоже, он залетел с самого верха. Хорошо бы за ним проследить.

— Нет, — сказал толстяк. — Ты занята.

— Что значит «занята»? — блондинка нахмурилась.

Ее собеседник хмыкнул и зажег очередную сигарету. Его пальцы были оранжевыми от никотина.

— Что значит «занята»? — повторила женщина.

— Ты занята в отряде по поимке Охотника. Они ждут от тебя информации.

Женщина напряглась, чувствуя, как сердце ее забилось быстрее.

— Это должен был быть я, леди. Так и знайте, — он отвернулся к окну. — Напиши отчет о сегодняшнем, пока не ушла. Надо же и мне чем-то заниматься.

— Да, конечно, — медленно сказала женщина. Потом добавила, очень тихо. — А кому я должна подчиняться?

Капрал повернулся к ней, сардонически улыбаясь.

— Большие новости, Спэн. Наш чертов Шартран вернулся на работу Роберта Деклерка.

Кладбище

Воскресенье, 31 октября, 5.30

Прошло двенадцать лет, но форма еще не стала ему слишком тесной. Этот факт порадовал его.

Суперинтендант часто отправлялся на работу еще до рассвета, и почти каждое утро он тихо, чтобы не разбудить жену, вылезал из постели, заваривал на кухне крепкий кофе и шел с дымящейся пахучей чашкой в теплицу, к любимым растениям. Там, вдали от шума и суеты очередного наступающего дня, Роберт Деклерк мог бороться с призраками прошлого. Они возвращались к нему каждый день, и в руках у них были ножи.

Почти каждое утро Деклерк варил себе еще кофе, одевался по погоде и выходил через заднюю дверь теплицы к берегу моря. Там он сидел на холме в старом плетеном кресле, глядя на поднимающееся слева солнце, и думал о том, что предстоит сделать днем. Только когда восток освещался в полную силу, он вставал и возвращался в теплицу, к своим записям.

Но сегодня все было по-другому.

Деклерк, как обычно, сварил себе кофе, потом пошел в спальню и достал из шкафа аккуратно висевшую на плечиках форму. Одиннадцать лет она висела там нетронутая. Вооружившись щеткой, он сел на кровать и быстрыми движениями стряхнул пыль с темно-синей саржи. Потом начистил ботинки и, сидя в теплице с чашкой кофе, натер до блеска каждую латунную пуго-

вицу, пока они не начали отражать свет настольной лампы. Только после этого он вернулся в спальню и надел костюм.

В зеркало на него смотрел человек, которого он не видел со времен Квебекского кризиса 1970 г.¹ Когда через двадцать минут Деклерк вышел из теплицы, в воздухе пахло осенью. Кленовые листья шуршали под ногами. На какой-то миг его охватило чувство, что все это уже было много лет назад. Он припомнил стонущий ветер на кладбище и сухие листья под ногами — но быстро отогнал эти мысли. Подойдя к машине, он сел в нее и стал прогревать мотор старенького «Ситроена»; потом выехал на Мариндрайв и направился к центру.

До рассвета оставалось еще полтора часа.

6.35

Группа поимки Охотника расположилась в старом здании КККП. Расположенное на углу 33-й авеню и Хэзер-стрит, оно напоминало елизаветинский особняк массивными стенами, сложенными из каменных блоков. Снаружи на флагштоке трепетал на ветру флаг с кленовым листом. Когда-то здесь располагался Ванкуверский штаб конной полиции, но давно уже оно использовалось как учебный корпус или стояло на ремонте. Сейчас как раз затевалась очередная реконструкция, но здание по-прежнему напоминало штаб гораздо больше, чем новое на 73-й, похожее на транзистор.

Была уже половина седьмого. Легкий дождик смыл туман и оставил огни города блеснуть на черном бархате ночи.

Деклерк, глубоко вдохнув, подошел к входу в здание. Чистота и ясность воздуха добавили ясности его собст-

¹ В октябре 1970 г. в Квебеке происходили волнения сепаратистов, сопровождавшиеся террористическими актами.

венным мыслям. «Хорошо, что я вернулся», — подумал он.

В первый же день своего воскрешения — 23 октября, когда ему позвонил Шартран, Деклерк встретился с сержантом Макдугаллом из Северованкуверского отделения и с капралом Джеймсом Родейлом из Ричмондского отделения. Они и образовали вторую группу по поимке Охотника в то же утро, пока сержант изучал результаты обследования тотемных столбов возле университета, Родейл занялся составлением списка необходимых сотрудников. К полудню была готова распечатка служебных данных всех членов подразделения «Е».

На второй день Деклерк работал с данными в своем новом кабинете. Он изучил и обдумал информацию по каждому случаю раз по семь, и следы его работы запечатлелись на стенах кабинета. Это была большая комната, площадью тридцать футов, выходящая окнами на 33-ю улицу и больницу св. Винсента. Раньше здесь помещался бильярд, но теперь все здесь было переделано по строгим инструкциям Деклерка. В первый же день трое рабочих под его руководством обшили все три стены, лишённые окон, досками. На этих досках и развернулась работа.

Из мебели в кабинете остались три викторианских стола, подковой окружавшие единственное кресло. Это кресло, в котором три четверти века назад восседал шеф полиции, с эмблемой КККП на спинке, только недавно обнаружили в подвале. У стены скромно выстроились шесть стульев.

Сейчас было 6.46 утра третьего дня от воскрешения Роберта Деклерка. Пора было сесть в кресло и проанализировать работу вчерашнего дня; пора вновь открыть охоту на духов, терзавших его столько лет.

Деклерк сел и засучил рукава.

В центре стены к доскам была приколотая большая карта побережья Британской Колумбии. Далее следовали данные об убийце. Во-первых, фотография «Полароида»,

присланная Скипу О'Рурку. Конечно, фото увеличили — этот снимок висел рядом, но был таким зернистым, что вряд ли мог что-то добавить. На фото была голова молодой женщины лет восемнадцати с закатившимися глазами. Ее рот был открыт в беззвучном крике; черные спутанные волосы, испачканные кровью, свисали на лоб. Полоски кожи у среза вились вокруг шеста, на который была насажена голова, как змеи.

Деклерка больше всего удивил тот факт, что на фото не было ничего, кроме отрезанной головы и шеста — ни земли, ни деревьев. Как будто снимали на фоне белой простыни.

Справа от фото Деклерк поместил два снимка местности, сделанных с вертолета. Оба изображали место на северном побережье, где нашли кости. С высоты двухсот футов острый глаз мог еще различить белое пятно разорванной в клочья палатки.

Слева от фото вчера появились четыре фотографии, сделанные по распоряжению Макдугалла. На двух из них была яма у ручья. Ясно проглядывали кости, но, по свидетельству двух девочек и их отца, обнаруживших могилу, раньше их не было видно. Могила была забросана сухими листьями и ветками. На третьем фотоснимке изображался кончик одной из веток, обрезанный ножом. Полицейское исследование выявило следы, идентичные тем, что доктор Сингх обнаружил на шее жертвы, выловленной из реки. Четвертый снимок демонстрировал шейные позвонки неопознанного скелета из ямы с такими же отметинами.

«Если сложить эти фото вместе, — подумал Деклерк, — возникает уйма вопросов. А ответов они не дают».

Он достал из ящика стола лист бумаги и начал писать:

1. Была ли женщина убита возле палатки? Или Охотник принес ее туда? Если так, то он настоящий силач. Склон крутой и очень скользкий.

2. Если ее принесли, то откуда? С верхней дороги, с берега или с моря? Видимо, это произошло на рассвете — достаточно темно, чтобы не заметили, и достаточно светло, чтобы видеть дорогу.
3. Хотел ли он, чтобы тело нашли? Срезанные ветки показывают, что он его спрятал. Может быть, это ручей размыл могилу?

Деклерк посмотрел на листок с вопросами. Чутье подсказывало ему, что женщину убили возле палатки. Должно быть, она жила там. Потом убийца отрезал ей голову, закопал тело и в ярости изрезал палатку. В Северных горах можно было найти тысячу мест, чтобы надежно спрятать труп. Но убийца оставил его здесь. Может быть, он жил в той же палатке и его видел кто-нибудь из местных? Нет, шансов очень мало. Но тогда они могли видеть хотя бы ее.

Больше всего его, однако, волновал другой вопрос. Если раньше Охотник прятал свои жертвы, что заставило его изменить стиль?

Возьмем случай Джоанны Портмэн.

На другой стене, обшитой досками, белело множество бумаг: данные вскрытия и лабораторных исследований, полицейские отчеты, показания свидетелей. Все это давало очень немного. Исследования подтвердили, что, как и в случаях Грабовски и неизвестной из ямы, орудием убийства послужил военный нож с широким лезвием. Это американское оружие, в Канаде встречается редко. Вскрытие подтвердило, что отметины, найденные на ребрах скелета из Северного Ванкувера, могли быть следствием поперечного разреза груди. Время смерти установили от трех до пяти месяцев назад, но ближе к трем, поскольку август был жарким, и разложение шло быстро. Поиски вокруг могилы и в море у побережья ничего не дали, инфракрасная съемка с вертолета не выявила повышения температуры, вызванного гниением другого трупа.

Опрос местных жителей тоже не дал результатов. Никто не видел ничего подозрительного.

Единственным фактом, который удалось установить, было то, что палатка была куплена в Люцерне, Швейцария, восемь месяцев назад.

Деклерк встал с кресла и подошел к стене. Следующие двадцать минут он размышлял над делом Северного Ванкувера, глядя на немногочисленные свидетельства. Наконец он пришел к выводу, что остается только ждать сведений о пропавших европейцах из Интерпола.

И позволить Джозефу Авакумовичу заняться костями.

В 7.23 суперинтендант занялся делом Хелен Грабовски. Хотя территориально ее случай относился к университетскому отделению, оно было таким маломощным, что расследование сразу же узурпировал капрал Родейл из Ричмонда. Деклерк был приятно удивлен его усердием.

Но здесь по-прежнему были вопросы — и очень мало ответов. Как и в деле Северного Ванкувера, материалы группировались вокруг фото, прикрепленного к стене рядом с газетной вырезкой. Макдугалл определил, что газета вышла в июле 1982-го, и ее можно было купить в любом киоске.

На фото вновь была голова с закатившимися глазами и приоткрытым ртом. У Хелен Грабовски были черные волосы и узкое лицо. Даже на этом фото было видно, что она наркоманка. Из обоих уголков рта стекали струйки крови. И опять на фото только голова и верхушка шеста. За ними — белая ровная поверхность.

Деклерк решил, что снимки сделаны сразу после убийства. Может быть, еще до захоронения тел. На лицах не наблюдалось никаких следов разложения. Снимки, видимо, убийца оставил на память. Но что он потом сделал с головами?

Справа от фото помещался вид сверху участка реки, где Хеллер и Симпсон нашли тело. Рядом — фотография распухших останков. Разрез на груди обнажал ребра и

губчатую плоть. Еще правее — фотографии шейного позвонка женщины со следами ножа и ее отпечатки пальцев. Деклерк увидел, что доктор Сингх ввел в подушечки пальцев глицерин, чтобы они разгладились, и подивился такой предусмотрительности. При отсутствии зубов только пальцы позволили опознать жертву. Рядом были приколоты первый рапорт капрала Родейла и бумага из Нью-Орлеана.

Суперинтендант взял еще один листок бумаги.

1. Где убили Грабовски? Воды в легких нет, значит, это было на берегу. Может быть, в лодке — излюбленное место убийства. Нет ли связи с другими убийствами? Может, женщину из Северного Ванкувера тоже убили в море? Тогда почему он не утопил ее, как Грабовски?
2. Было ли изнасилование? Сделан ли вертикальный разрез на горле во время соития? Может быть, сексуальный маньяк?
3. Быть может, Грабовски и женщина из Северного Ванкувера были проститутками, убитыми маньяком-клиентом. Но с Портмэн это исключено. Может, дело в наркотиках?
4. А что насчет Джона Линкольна Харди (он же Хорек)?
5. Связь с Нью-Орлеаном?

Деклерк опять встал, подошел к стене и начал изучать бумаги.

Хелен Грабовски, известная также как Патриция Энн Палитти, американская наркоманка — проститутка из Нью-Орлеана. Доктор Сингх установил, что ее тело пробыло в реке Фрэзер около недели. Как раз перед этим ее задержали за хранение наркотиков неподалеку от «Рук лунного света». Ее отпустили рано утром, и с тех пор ее никто не видел. Родейл опросил всю уличную шушеру, но ничего толком не узнал. По всем данным, Грабовски пробыла в Ванкувере не больше трех-четырех дней.

Несколько коллег-проституток опознали ее, и одна из них опознала Джона Линкольна Харди на плохом фото, присланном из Нью-Орлеана.

По данным полиции Луизианы, Грабовски в январе 1980 г. сбежала из дому в Топике, штат Канзас. Тогда она была свежей, круглолицей сельской девушкой. В апреле того же года ее арестовали в Нью-Орлеане, когда она пыталась украсть еду в ресторане. Она раскаялась и была отпущена. Ее вместе с Джоном Линкольном Харди подозревали в участии в преступном бизнесе. Тогда к суду привлекли четырех проституток и сутенеров, но ни Грабовски, ни Харди в их число не попали. С тех времен и остались фото Грабовски и снимок Харди плохого качества, сделанный скрытой камерой.

Из всего этого группы поимки Охотника остались одни лишь вопросы.

Чем связаны эти убийства? И если их совершил Харди, то зачем ему было напяливать на себя маску маньяка? Да и в городе он находился всего несколько дней. Правда, это мог быть не первый его визит.

Проще было предположить, что Грабовски убил клиент. *Но как же Джоанна Портмэн?*

Суперинтендант бросил взгляд на последние фотографии на стене. Над снимком «полароида» он вчера прикрепил фото, присланные полицией Нью-Орлеана из Ванкувера. На них не оставалось уже и следа канзасской круглолицей невинности — только измученная женщина, высушенная наркотиками и развратом. Рядом красовался ее сутенер — негр с тонкой полоской усов и могучими плечами, начинающимися, казалось, прямо от затылка.

В 7.55 Деклерк был готов перейти к убийству Портмэн с его жуткими подробностями.

Здесь в центре стены висела фотография выпускницы католической школы медсестер — черные волосы и большие бархатные глаза. Она напомнила Деклерку его

первую жену Кейт в молодости, и он поспешно отвел глаза.

Рассвет снаружи уже искупал город в расплавленной меди. Каждое из стеклянных окон больницы св. Винсента зажглось маленьким солнцем.

— Вы меня искали? — спросил голос сзади.

— Разве? — суперинтендант оглянулся.

— Да, — ответил голос. — Кто-то брал мою шляпу, и я подумал, что это вы. Потом ее положили на место, но другой стороной. Показывает, что человек, который ее взял, находился в раздумье.

— А-а. Вы, должно быть, сам великий Шерлок Авакумович, — сказал Деклерк с улыбкой. — Я много слышал о вас.

— Здравствуй, Роберт. Мы давно не виделись. Хочешь позавтракать? Я угощаю.

— Договорились, — сказал суперинтендант и тут заметил то, чего не видел раньше. Авакумович осматривал стены — та, что касалось убийства Портмэн, была как раз справа от двери, — Деклерк вдруг понял, чем связаны три преступления. Завязав в уме узелок на память, он вернулся к Авакумовичу.

Но от русского было не так-то просто что-то скрыть.

— Что тебя сейчас так удивило, Роберт?

Поколебавшись, Деклерк обвел рукой фотографии трех жертв:

— Ты ничего не замечаешь?

Русский думал всего несколько секунд:

— Да. У них у всех длинные черные волосы.

Прошлое Джозефа Авакумовича было необычным.

Родители его были колхозниками на Украине и погибли во время броска немцев к Сталинграду, когда мальчику было четырнадцать. Авакумович попал в интернат и прославился блестящими успехами. К началу 60-х он имел четыре ученых степени и был ведущим в Советском Союзе специалистом по судебной медицине. Даже в те времена его методы использовались на Западе.

В 1963 г. Москва послала его в Восточный Берлин. Незадолго до того, как президент Кеннеди, к восторгу западных немцев, объявил себя берлинцем, полиция восточной части столкнулась с серией жестоких гомосексуальных убийств. Каждый раз немца средних лет находили изнасилованным и задушенным, с руками, связанными за спиной. У пятой жертвы в кулаке оказалась зажата советская солдатская пуговица. Чтобы предотвратить бунт, был срочно вызван Авакумович; за несколько минут до его прибытия обнаружили еще один труп.

Через четырнадцать часов русский ученый отыскал убийцу. В этом ему помогла веревка.

Первые пять трупов нашли в помещениях, но шестой, таким же образом изнасилованный и задушенный, был повешен в окне пятого этажа. Изучив веревку, Авакумович отыскал на ней мельчайшие частицы краски и определил, что краска с автомобиля. После двух часов хроматографии он узнал марку машины и год выпуска — «Фольксваген» 1943-го.

Еще через два часа подняли документы регистрации машин. После советских бомбардировок машин прежних годов выпуска осталось не так много. Через полтора часа убийца был арестован. Он оказался немцем, и русские тут же объявили его агентом ЦРУ. Он так и не дожил до суда, и Авакумович не смог развернуть свою блестящую цепь доказательств. Агент умер от сердечного приступа во время допроса, но успел выдать КГБ сеть из семнадцати человек.

Через несколько дней все семнадцать были расстреляны, а Авакумовича наградили в Москве орденом Ленина «за большие заслуги перед партией и советским народом».

На другой день он бежал в Западный Берлин.

После перехода на Запад Авакумовича долго «разрабатывали» в Лондоне — как британская разведка, так и ЦРУ. После этого он получил солидные подъемные и выбрал для жительства Канаду. Он говорил, что эта

страна напоминает ему украинские степи времен его детства. «Та же Россия, только без русских», — добавлял он.

Через два дня после того, как Авакумович ступил на канадскую землю в Калгари, Альберта, КККП предложила ему неограниченный доступ к лабораторным исследованиям. С этого момента Джозеф Авакумович поступил на службу Ее Величества и через пять лет получил канадское гражданство.

Впервые Авакумович и Деклерк работали вместе в Монреале в 1965-м. Как-то вечером, укачивая на коленях малютку Джейн, Деклерк спросил Авакумовича, почему тот выбрал Запад.

Они сидели вчетвером — Роберт, Кейт, Джозеф и Джейн, — у трещавшего камина, а снаружи большими белыми хлопьями падал снег. Старик Зима уже стучался в двери своим ледяным сапожищем.

— Видите ли, — сказал русский чуть смущенно, — причина наполовину в политике, наполовину в науке.

Он отпил коньяку из бокала, который держал в своих больших руках.

— С политикой все просто. Я никогда не состоял в партии и не верил в эту систему, хотя она была добра ко мне. Только взглянув на Восточную Германию, я понял, что должен уйти. Терять мне было нечего, кроме ордена Ленина, — он улыбнулся засыпавшей Джейн.

— Но была и более тонкая причина, — Авакумович перевел взгляд с девочки прямо в глаза Деклерку — в институте нас познакомили со всеми классическими случаями убийств на Западе. Нам пытались внушить, что это разоблачает упадок буржуазного общества. Но мне сразу показалось, что убийцами двигало одно лишь желание убивать. У немцев есть для этого специальный термин — *Iustmord*¹. В Советском Союзе таких людей я не видел. Очевидно, все, в ком жил этот инстинкт, давно были выявлены и исчезли в КГБ.

¹ Тяга к убийству (нем.)

Остались только жалкие убийцы-неудачники, которых общество сохраняло, как редкий вид.

Джейн заснула на руках отца. Русский посмотрел на свет сквозь бокал и залпом допил свой коньяк.

— Поэтому я и ушел на Запад. Здесь их осталось еще много.

8.25

Джозеф Авакумович был очень здоровым человеком с ногами 45-го размера и грудью, похожей на старый добротный пивной бочонок. Как и большинство подобных людей, он бессознательно сутулился, словно пытаясь сжаться до уровня окружающих. Роберт Деклерк не видел его лет двенадцать, но русский мало изменился. Его волосы, такие же белые, были зачесаны коком. Серые глаза блестели за толстыми стеклами очков. На его больших руках по-прежнему не было колец, кроме одного, которое он снял с пальца отца, умиравшего в русском снегу. И он все еще носил шляпу.

Это был «стетсон»: чуть выцветший и залоснившийся, более уместный где-нибудь в Техасе или в шкафу Джона Траволты. На ленточке, спускавшейся под подбородок, можно было прочесть «Далласские ковбои».

Они сидели вдвоем в кафетерии на перекрестке Кэмби и Кинг-Эдвард, в нескольких кварталах от штаба. Оба заказали яичницу с ветчиной и тостами и черный кофе. Шляпа лежала посередине стола.

— Это та же шляпа, что была в 70-м? — спросил суперинтендант.

— Конечно.

Деклерк покачал головой.

— Не понимаю.

— Чего? Шляпы или надписи?

— И того, и другого.

Русский усмехнулся:

— Ты не интересовался психологией иммигрантов? Когда они селятся где-нибудь, зная, что никогда не вернутся на родину, у них происходит реакция отторжения. Все кругом чужие, и они боятся, что никогда не смогут к этому привыкнуть. В 64-м, когда я приехал в Калгари, ковбойская мода была в разгаре. Везде устраивались родео, и все расхаживали в шляпах, вмещающих по десять галлонов. Вот и я купил «стетсон» и сразу затерялся в толпе. А когда мода прошла, я уже привык.

Официантка принесла им еще кофе и, уходя, оглянулась на шляпу. Потом, подняв брови, поглядела на Деклера.

— Вашей лошади не нужен овес? — спросила она с улыбкой. Русский улыбнулся в ответ.

— Ну, а надпись?

— В России все играют в шахматы. Меня научили этой игре в пять лет. А здесь шахматистов мало, зато все играют в футбол. В обеих играх победа основана на стратегии, но в футболе важна еще и команда. Моя команда — «Далласские ковбои». Если кто-то разделяет мое пристрастие, он заговаривает со мной. Так что надпись, как и сама шляпа, помогают мне заводить друзей.

Деклерк допросил в жизни слишком многих людей, чтобы не понимать, что главное — не слова, а тон и манера говорить. Слишком долгие объяснения обычно выдают неуверенность.

«Я думаю, что ты очень одинок, Джозеф, — подумал суперинтендант. — Та же шляпа, и тот же страх, что ты здесь чужой. Я все понимаю».

— Не думаю, что можно совсем отказаться от своих корней, — сказал он. — Я пытался сделать то же, когда покинул Квебек. После того, что случилось с Джейн и Кейт, я хотел убежать, но не смог. Прошло уже двенадцать лет, но прошлое возвращалось ко мне каждый день. Оно будет мучить меня до самой смерти. Все, что я смог — взять свои корни с собой и перетащить их сюда. Поэтому я и решил вернуться на работу. Жизнь слишком коротка. Знаешь, что это значит?

Авакумович кивнул, избегая смотреть ему в глаза.

— Иногда я сомневаюсь в том, что я жив. Иногда мне кажется, что жизнь — это бесконечная игра в шахматы, и я только и жду мата.

— Тогда добро пожаловать на побережье, — сказал Деклерк. — Отсюда не сбежишь. Ты можешь только вернуться назад или утопиться в море. Выбор небогатый.

Они немного помолчали, думая каждый о своем. Наконец Авакумович пожал плечами и сказал:

— Шартран говорил, что ты отказался работать без меня. Я сказал, чтобы он оформил тебе вызов.

— Как в старые добрые времена.

— Как в старые добрые времена, — повторил полицейский.

— И мы отметим поимку этого типа?

— Обязательно. Я познакомлю тебя с Женевьевой.

— Тогда хватит лить слезы. Пора за работу. Я правда очень рад, что ты вернулся, и что мы опять вместе.

— Я тоже. Будем работать.

Они расплатились и вышли на Кэмби-стрит. Октябрьский рассвет вставал над парком слева от них, освещая мокрую траву и залегшие в тени островки снега. Неподалеку дети играли в снежки.

— Вчера я получил из Оттавы специальный инфракрасный аппарат, — сказал Авакумович. — Всю ночь просидел над конвертом, который прислали в «Сан». Он умница, Роберт. Никаких отпечатков — ни на бумаге, ни на конверте, кроме как сотрудников газеты. Я сделал анализ клея, думал найти слюну, соответствующую какому-то типу крови — ничего. Похоже, он смачивал конверт водой. Как будто знал, что мы будем проводить такой анализ. Печатали на портативном «Коммодоре», сделанном в Торонто. Буква С западает, но вряд ли это нам сильно поможет.

Когда они вошли в штаб, солнце еще светило, на западе уже за клубились грозовые тучи.

Если Деклерк ничего не нашел в делах Хелен Грабовски и женщины из Северного Ванкувера, то с Джоанной Портмэн были другие проблемы. Ее дело уже было толщиной в три дюйма, а ведь убийство случилось всего два дня назад. Макдугалл и Родейл работали явно больше часов, чем содержалось в сутках. Их бригада уже допросила сотню людей: докторов и медсестер больницы св. Павла, водителей автобуса, на котором ездила убитая, ее домохозяйку и всех соседей в домах между автобусной остановкой и домом, до которого она так и не дошла. Никто ничего не видел.

Детективы уже отправились в Риджайну, где родилась Джоанна, и допросили ее мать, ее школьных подруг и штат больницы Серых сестер, где она училась. Все говорили о ней как о милой, добросердечной девушке, глубоко верующей и любящей людей. Друзей мужского пола у нее не было.

Деклерк снова и снова перелистывал дело Портмэн. Все доказывало, что Макдугалл — настоящий профессионал, и суперинтендант пытался побороть чувство неловкости. Деклерк думал о том, что главным в истории КККП всегда была нравственность. Самая большая сила Конной полиции — ее укорененность в традициях. Ведь она вышла из британской армии, а кто ценит традиции больше британцев? Именно такой была главная мысль первой книги Деклерка: пока сотрудники Конной передают друг другу знания и опыт, пока они работают одной командой, традиции будут жить. Он фактически занял место Макдугалла, поставив под вопрос нормы поведения в команде, и теперь хотел как-то отличить сержанта. Судя по делу Портмэн, для этого были все основания.

На стене Деклерка материалы по делу Портмэн группировались вокруг выпускной фотографии медсестры. Слева висел снимок ее тела на тотемном столбе духа-акулы. Справа — несколько снимков территории вокруг Музея человека с воздуха. Фото верхних позвонков

обнаруживало те же следы, что и на других трупах. Картину завершали акты вскрытия и различных экспертиз.

Деклерк сел за стол и начал обдумывать дело. Во-первых, хотя команда Макдугалла не нашла вокруг столбов никаких следов — к сожалению, земля там была усыпана гравием, — на камнях были обнаружены вдавленности, оставленные человеком, тащившим тело. Следы вели к асфальтированной стоянке рядом с музеем, но никаких следов шин там обнаружить не удалось.

Во-вторых, судя по результатам вскрытия, к моменту нахождения тела Джоанны Портмэн, она была мертва уже как минимум восемнадцать часов. На теле было много крови, но вся она давно загустела и свернулась. Странно, что убийца собрал кровь и затем вылил ее на прибитое к столбу тело. Все эти факты, сложенные вместе, беспокоили Деклерка. Ему показалось, что Охотник не хотел, чтобы тело в Северном Ванкувере было найдено — ведь он закопал его в уединенном месте и прикрыл ветками. Так и утопленницу могло вынести в море, и никто бы ее не хватился. Что же заставило убийцу изменить почерк? Ведь он убил Портмэн, с большим риском доставил труп к университету и с еще большим риском прибил его к тотемному столбу. А потом еще облил его припасенной заранее кровью.

Был ли этот жуткий акт своего рода манифестом? Быть может, обнаружение двух жертв пробудило в убийце извращенное желание славы?

И не попытается ли он как можно скорее совершить следующее убийство, еще более жестокое и изощренное? Деклерк был почти уверен в этом.

Занимало его и еще несколько вещей.

Тело Грабовски нашли у подножия скал, на которых стоит университет. Тело Портмэн — в самом университете. Может быть, убийца как-то связан с этим учреждением? Студент или преподаватель?

Вскрытие Джоанны Портмэн выявило у нее, как и у двух других жертв, вертикальный разрез на горле. Вдо-

бавок экспертиза подтвердила наличие во влагалище убитой небольшого количества спермы. Деклерк помнил, что у нее не было ухажеров; один из сослуживцев даже обозвал ее «недотрогой». По опыту он знал, что обычно сперма не остается в женских половых органах больше тридцати шести часов, хотя это зависит от множества дополнительных факторов: величины семяизвержения, состояния здоровья женщины и того, находилась ли она после сношения в покое или двигалась. Через двадцать четыре часа движение сперматозоидов в организме прекращается. Сперма, найденная во влагалище Джоанны Портмэн, была неподвижной, что показывало время совокупления между двадцатью четыремя и тридцатью шестью часами до вскрытия. Хотя само по себе присутствие семени не говорит об изнасиловании, патологоанатом обнаружил на половых губах и влагалище синяки и ушибы. Вывод был однозначным: сексуальное нападение.

Деклерк взял лист бумаги и записал:

1. Сексуальный психотик или психопат?
2. Выбор жертвы — только ли по внешности?
3. Испытывает ли он сексуальное наслаждение от убийства?
4. Не бесплоден ли он? (неподвижная сперма).
5. Не вызваны ли убийства невозможностью нормальных отношений с женщинами? Б. м. память о них его возбуждает?
6. Или он патологически ненавидит женщин?
7. А может, это лишь прикрывает его особую ненависть к одной из жертв?

«Как это узнать?» — подумал он, но записывать не стал.

Оставался тотемный столб.

Зимой 1973—74-го Сан-Франциско был потрясен серией убийств, совершенных «Зеброй». Так называли груп-

пу черных мусульман-фанатиков, которые напали на двадцать белых и убили четверых из них. За несколько лет до того в Лос-Анджелесе «семья» Чарльза Мэнсона зверски убила семерых человек в надежде приблизить светопреставление. Потом был преподобный Джим Джонс¹. И, конечно, всегда оставался ку-клукс-клан.

Все время возникали новые культы.

Тотемный столб беспокоил Деклерка.

Убийца пошел на риск, чтобы сделать какое-то заявление. Может быть, это просто жажда внимания, а тотемный столб — случайное средство для привлечения этого внимания. Или, может, столб — часть самого заявления?

Больше всего, однако, Деклерка беспокоила поза тела. Можно было просто прибить труп к столбу, но Охотник зачем-то поднял его на высоту пятнадцати футов и поместил так, что резная маска духа оказалась на месте лица. В этом мог быть свой смысл.

Трудно жить на Тихоокеанском побережье и не иметь хоть каких-то знаний об индейских тотемах. Что до суперинтенданта, то он знал об этом больше многих.

Джоанну Портмэн прибили к столбу, некогда установленному на могиле вождя, покровителем которого был дух-акула.

Такой опытный полицейский, как Деклерк, не мог упустить ни одного из возможных мотивов. Самая на первый взгляд незначительная деталь могла многое рассказать о преступнике, который вовсе не был обязан руководствоваться простой логикой. Таких историй полно у каждого полицейского. В конце концов Дэвида Берковица побудил к убийству говорящий пес его соседки.

Деклерк никогда не слышал о существовании у индейцев культа наподобие «Зебры», но разве в последние годы движение индейцев за свои права не набирало силу.

¹ Глава секты «Храм народа», спровоцировавший массовое самоубийство сектантов в Гайане 18 ноября 1978 г.

«В Соединенных Штатах, — размышлял он, — большинство черных лидеров обращались к корням, к истории своего народа. И почему-то брали оттуда самые воинственные традиции — вспомним «черных пантер». То же и с женским движением. Это ведь здесь «Женская пожарная бригада» жгла магазины, торговавшие порнографией. Почему бы и индейцам не обратиться к прошлому и не отыскать там какую-нибудь гадость? Это вполне в духе времени».

Его глаза устремились на фото Джоанны Портмэн, распятой на тотемном столбе.

«Ладно, — подумал он. — Надо рассуждать по порядку. Мы имеем тотемный столб. Многие племена ставили его на могилах. Что еще? У квакиютлей¹ был обычай обрезать волосы родственникам покойного.

Нет, это здесь ни при чем. Она же не родственник, а жертва. И у индейцев не было культа отрубленных голов. Кроме...

Кроме одного исключения. Хаматса».

Через несколько секунд он снимал трубку.

9.36

Телефон ответил только после десятого звонка.

— Алло.

— Доброе утро. Я тебя не разбудил?

— Non, je suis tout juste de la douche. Attends un moment².

Деклерк стал ждать. Он представил обнаженное тело жены, ее мокрые каштановые волосы и брызги воды на полу. В его воображении зазвучала музыка — концерт для флейты и арфы Моцарта. Женестьева часто играла его по утрам.

— Вот и я, — услышал он наконец.

¹ Индейское племя Тихоокеанского побережья Канады.

² Нет, я только что из душа. Подожди минуту (фр.)

— Слушай, у меня появилась одна дикая теория. Хочу узнать твоё мнение.

— Я слушаю.

Когда он закончил, на другом конце трубки воцарилась тишина. Потом его жена медленно сказала:

— Так ты никогда не слышал о культе смерти у индейцев?

— Ничего конкретного.

— Значит, ты основывался только на «Зебре»?

— Да, и на других подобных случаях.

— Тогда перескажи мне эту историю.

— Ладно. Значит, так, в апреле 1975-го четверых мусульман в Сан-Франциско обвинили в том, что они входят в группу под названием «Ангелы ада», которая ставит целью разжечь расовую войну путем организации убийств белых. По показаниям главного свидетеля, двое из обвиняемых просили его в тюрьме Сан-Квентин научить их боевым искусствам, чтобы убивать белых. Методика убийств была простая — беспорядочная стрельба на улицах или разрубание жертвы ножом или мачете. Особым шиком у них считалось обезглавливание или обезображивание убитых. Первой жертвой «Зебры» стала женщина.

— А откуда взялось слово «Зебра»? — спросила Женева.

— По делу проходила рок-группа с таким названием.

— Значит, это что-то вроде Зодиака?

— Похоже, но того так и не поймали. Того или тех.

— Но если речь идет о культе, то их должно быть много.

— Необязательно. Убийца-одиночка может считать себя членом группы, даже если она существует только в его воображении. Зодиак посылал полиции письма с астрологическими символами, в которых утверждал, что возродится в раю, а все, кого он убил, будут ему служить.

— Похоже на культ Джима Джонса.

— Именно. Так что ты об этом думаешь?

Женева снова замолчала, потом сказала:

— Конечно, тотемный столб может иметь значение, и среди индейцев вполне может появиться радикальная группа. Но, по-моему, каннибализм — это уже чересчур.

— Может быть. Но ведь был прецедент в виде Хаматсы. Все зависит от того, насколько убийца сумасшедший.

— У нас вроде была книга об этом?

— Да. В шкафу, на нижней полке.

— А название?

— *«История потлача»*¹.

— Подожди, я принесу.

Деклерк услышал стук трубки и удаляющиеся шаги Женеьевы. Несколько минут он сидел с закрытыми глазами, воображая себя дома. Должно быть, она сейчас в одном из четырех халатов, и он слегка распахнут, открывая ее стройные гладкие ноги.

За много лет он так и не привык до конца к этому зрелищу. В каком-то смысле Женеьева была не меньшей актрисой, чем Кейт.

При мысли о Кейт он сразу вспомнил кладбище, продутое осенним ветром, и, вздрогнув, открыл глаза. В первые годы второго брака Деклерка всегда охватывало чувство вины, когда он вспоминал о прежней семье. Не проходило и часа без мыслей о Кейт или Джейн. Особенно о том, как Джейн сидела у него на коленях. Он часто вспоминал, как впервые встретил Кейт в Нью-Йорке — в ноябре, перед самым Днем Благодарения.

Он был тогда в Штатах на стажировке. Коллега из отдела убийств, зная, что сержант-канадец любит театр, предложил ему билет на Бродвей. Давали «Росмерсхольм» Генриха Ибсена, и Кейт играла главную роль.

Даже сейчас Деклерк помнил дрожь, охватившую его тогда. Ни до, ни после он не испытывал такого чувства. Он чувствовал себя донельзя глупо, сидя в полном зале и изнемогая от любви к женщине, которую видел впервые в жизни.

¹ Потлач — обряд взаимного одарения у индейских племен Тихоокеанского побережья.

«Чего ты боишься? — подумал он. — Зайди за сцену и познакомься с ней. В худшем случае тебя выставят. Но если ты этого не сделаешь, то никогда себе не простишь. Господи Боже, какая актриса!»

У входа за кулисы его остановил охранник.

— Куда вас несет, дружище? — спросил он дружелюбно.

— Я хочу пройти за сцену.

— А пропуск у вас есть?

— Нет.

— Тогда вы не пройдете.

Деклерк колебался всего секунду. Потом полез в карман и достал служебное удостоверение.

— Надеюсь, этого пропуска вам достаточно? — он доверительно склонился к уху охранника. — И не поднимайте шума.

Его пропустили.

«Что значит маленький обман перед большим чувством?» — думал он, пробираясь по коридорам. Его удостоверение не имело силы на территории США, и каждую минуту его могли разоблачить и выставить вон. Обливаясь потом, он спешил вперед, спрашивал у кого-то дорогу и наконец постучал в дверь. Внезапно он обнаружил, что у него нет слов.

— Если войдете, пеняйте на себя, — раздался голос из-за двери. — Я не одета.

И вот сейчас, двадцать пять лет спустя, он сидит здесь и воображает другую не одетую женщину.

«Как все повторяется, — подумал Деклерк. — Дженни, почему не повторилась ты?»

Каждый день суперинтендант убеждал себя, что нельзя столько времени проводить в прошлом. Что случилось, то случилось, такова жизнь. Или судьба. Или Бог знает что. Хорошие времена были, они кончились, но будут другие.

«Ты счастливчик, Роберт, и перестань плакаться. Мало кому выпадает любовь хоть раз в жизни, а тебе повезло уже дважды. Другой на твоем месте возносил

бы хвалы Господу за Женевьеву. Что же ты все пытаешься собрать осколки?»

Но тут же ему вспомнилась беззубая улыбка Джейн. Он никогда не видел Кейт такой счастливой, как в день рождения ребенка. Да и сам никогда не был так счастлив. Он стоял в палате монреальской больницы и смотрел на бледную жену со спутанными волосами, баюкавшую новорожденного ребенка. Его переполняли гордость и еще какое-то чувство, похожее на восторг. Наверное, это была любовь.

Он вспоминал это много лет спустя, сидя зимним вечером перед догорающим камином. Тогда Женевьева присела рядом с ним.

— У тебя такой несчастный вид, дорогой. Что случилось?

— Я просто думаю.

— О Кейт или о Джейн?

— О Кейт и Джейн, — он продолжал смотреть в огонь.

— Это была не твоя вина, Роберт. Помни про это, пожалуйста. Мне так жаль иногда, что я ничем не могу тебе помочь.

Деклерк поднял на нее глаза, полные затаенной печали:

— Ты можешь, Дженни, и делаешь это. Каждый день, каждую минуту. Не знаю, что бы я делал без тебя. Я люблю тебя и нуждаюсь в тебе, но все равно чувствую вину.

— Но за что? За их смерть? За то, что ты не умер с ними? Роберт, не будь так жесток к себе. *Ты ни в чем не виноват!*

— Нет, Дженни. Если бы я не был полицейским, ничего бы не случилось.

— Если бы ты не был полицейским, ты никогда не зашел бы за сцену и не познакомился бы с ней. А если бы ты не познакомился с ней, у тебя бы никогда не было ребенка и той радости, которую он тебе доставил. Может быть, это длилось недолго, но без этого было бы еще хуже. Я это знаю, Роберт, и ты это знаешь. Кроме того,

если бы ты не стал полицейским, мы бы с тобой тоже не познакомились. И где бы я была тогда?

— Ты была бы с человеком, который не думает все время о прошлом.

— Я не была бы с тобой, любимый. И это главное, — и она тихо, очень тихо, прошептала. — Я бы все отдала, чтобы подарить тебе другого ребенка.

— Я знаю, — сказал он и обнял ее.

Они долго сидели, обнявшись и глядя на пляшущие в камине искорки — белые, оранжевые, красные.

— Дженни, — сказал он наконец. — Тебе так тяжело.

— Я знаю все, о чем ты думаешь, cheri. Ты думаешь, что пользуешься моей молодостью; что у меня впереди была целая жизнь, и я еще пожалею, что не взяла от нее все. Ты думаешь, что должен, чтобы мне не было так тяжело, забыть Кейт и Джейн. Я права?

Она погладила его по лицу.

— Поверь, Роберт, я рада, что ты о них вспоминаешь. Видишь ли, я никогда не встречала человека, полностью довольного отношениями с другим человеком. Все хотят найти в браке что-то удивительное, непохожее ни на что. А потом приходит разочарование, и люди ищут другое — в сексе или хотя бы просто в общении. Даже если они остаются вместе, они недовольны.

— Ну, мне кажется, я другой.

— Мне повезло с моим возрастом. В наше время для женщин открыты все возможности — работа, свобода общения, самооценка. Мне всегда везло на мужчин, но в глубине души я знала, что мне нужен только один из них. И это ты, Роберт. Я хочу тебя.

Слегка улыбаясь, она встала и, не говоря больше ни слова, медленно начала расстегивать блузку. Он навсегда запомнил ее, освещенную затухающим огнем камина, чуть выгнувшуюся назад мягким кошачьим движением.

«Дженни, я ослепну, глядя на тебя», — успел подумать он тогда, проваливаясь в бездонный колодец страсти.

— Похоже, я нашла, о чем ты говоришь, — сказала нынешняя Женевьева, взяв трубку. — Ритуал Хаматса. Ты слушаешь?

Роберт Деклерк раскрыл блокнот.

— Лет сто двадцать назад каннибализм был обычной практикой у квакиютлей. Впервые его описали двое путешественников — Хант и Моффат. По их словам, иногда в жертву Хаматса приносили рабов, а иногда они требовали мяса своих соплеменников. Они пользовались привилегиями внутри племени, в число которых входило и людоедство. Возле Принс-Руперта Хант и Моффат видели, как один квакиютль застрелил беглого раба. Тут же туда сошлись индейцы, включая Хаматса, и принялись отрезать от еще трепещущего тела куски мяса и скармливать их по старшинству членам людоедской касты. В память об этом случае на прибрежной скале была вырезана маска Басбакуаланушиваэ — Того-кто-первым-съел-человека-в-устье-реки. Это бог-людоед, живший, по преданию, высоко в Скалистых горах, где из трубы его дома день и ночь шел кроваво-красный дым. Тут еще целый список похожих рассказов. Когда исследователи говорили с Хаматса, то обнаружили, что зубы у них сгнили — их специально заостряли, чтобы легче было грызть человеческое мясо.

— Думаешь, возможно, что Хаматса возродились и восприняли тактику современных террористов? — спросила она, закончив читать.

— Не знаю. Случались и более удивительные вещи.

— Я могу припомнить четыре случая каннибализма на почве психических заболеваний. В Нью-Йорке, в Гейне, штат Висконсини, в Калифорнии и здесь, в Британской Колумбии, город Нельсон.

— Так что, может быть, я и прав.

— В таком случае, этот убийца ограничивает свою диету мозгами.

— Теперь будем искать в этом деле индейца.

— Кто знает, что будет дальше? — спросила Женевьева. — Может, тебе придется искать ответ у самого Басбакуаланушиваэ, в Скалистых горах?

Когда Роберт Деклерк повесил трубку, он улыбался.

Потом встал и подошел к окну. Поглядев на часы, он снял со стула форменный пиджак и надел его. По пути к двери он еще раз взглянул на тело Джоанны Портмэн на тотемном столбе. Ему показалось, что оскаленное лицо духа-акулы смеется над ним.

Он вспомнил другую усмешку, много лет назад. Вспомнил сарай в северной части Квебека, где лежала умирающая девочка с неестественно вывернутой шеей. Он чувствовал, как нож упирается ему в живот, но это было неважно. Важно было сдавить руками глотку этого ухмыляющегося мерзавца и сжимать до тех пор, пока он не перестанет смеяться.

Но даже когда человек перестал дышать, суперинтендант продолжал слышать смех.

Летучие патрули

10.15

— Доброе утро. Меня зовут Роберт Деклерк, суперинтендант. Меня назначили вести расследование.

Деклерк стоял на краю комнаты, заложив руки за спину, и переводил взгляд с одного лица перед ним на другое. Актовый зал, как и все здание, находился в процессе перестройки, и те, кто не нашел свободного стула, сидели на штабелях досок или стояли, прислонясь к стене. Здесь было больше семидесяти человек — две трети из них в синей саржевой униформе, остальные в штатском. Примерно одна пятая из них были женщины — изменение, произошедшее за годы отсутствия Деклерка. Ему пришло в голову, что в следующем издании его первой книги «Мужчины в мундире» название придется сменить.

— Задача перед нашим подразделением поставлена нелегкая, — начал он. — Из известных нам данных можно заключить, что мы ищем редчайший тип — убийцу в чистом виде, убивающего из любви к убийству, — он использовал выражение Авакумовича, и русский, стоявший в задних рядах, одобрительно кивнул.

— Вас специально отобрали для выполнения этого задания. На первой встрече нам предстоит обсудить структуру подразделения и план работы. Я считаю, что главное в любой команде — эффективная связь. Поэто-

му надеюсь, что любые данные и соображения будут передаваться в пределах группы без учета субординации. Большая часть из вас войдет в оперативное подразделение, которому придается научный сектор во главе с Джозефом Авакумовичем, которого вы все, я надеюсь, знаете. Затем — компьютерный отдел во главе с инспектором Чаном, который будет обрабатывать всю поступающую информацию по программе, опробованной в деле Олсона. Каждый член группы будет ежедневно получать у инспектора Чана распечатку с указанием имеющихся улик, подозреваемых и основных направлений деятельности. В конце каждого дня вы все обязаны сдавать результаты работы в компьютерный отдел, где за ночь они будут обрабатываться. Основное подразделение будет осуществлять связь с муниципальными полицейскими службами, не входящими в КККП, через специально назначенных офицеров. От Ванкуверской полиции таким офицером назначен Элмор Флад из отдела убийств, который сейчас присутствует здесь. Общее командование оперативным подразделением возлагается на инспектора Макдугалла. У него есть основания быть обиженным, поскольку я занял его место; поэтому я поставил перед Оттавой вопрос о его повышении по службе.

Послышались бурные аплодисменты. Деклерку пришлось прерваться, пока Макдугалл принимал поздравления. После этого он сел за стол, продолжая разглядывать зал.

— Я думаю, все согласятся, что основой любого расследования являются предположения, основанные на доказательствах. Но здесь же кроется и главная опасность. Позвольте привести пример. К ноябрю 1980 г. в Англии убийца по кличке «Йоркширский Потрошитель» убил и изуродовал тринадцать женщин. Жертва №2 — 26-летняя проститутка по имени Джоан Харрисон, убитая в ноябре 1975 г., — имела во влагалище и анусе следы семени, соответствующего редкому типу крови В. Как и все жертвы Потрошителя, она была убита ударом молотка

по голове. Во время расследования главный констебль Джордж Олдфилд, который вел его, получил несколько писем, подписанных «Джек-Потрошитель». Слюна на клеевом слое конверта соответствовала типу крови В, а на письмах стоял почтовый штемпель Сандерленда на севере Англии. Потом, в июне 70-го, в полицию прислали пленку, на которой некто, называвший себя убийцей, издевался над Олдфилдом. Почерк на конверте был тот же, что и на письмах, и тип слюны также соответствовал типу В. Голос на пленке говорил с североанглийским акцентом. В итоге полиция организовала кампанию опроса жильцов в 11 тысячах домов, которая обошлась в миллион фунтов.

Деклерк обвел глазами присутствующих и продолжал:

— На деле оказалось, что все убийства, кроме убийства Джоан Харрисон, совершил водитель грузовика из Йоркшира по имени Питер Сатклифф. Как видите, полиция долгое время шла по ложному следу, что побуждало убийцу продолжать свои преступления, пока его случайно не задержали за вождение без лицензии. Со своим йоркширским акцентом и типом крови А он мог еще долго скрываться от правосудия. Так что ошибочные предположения — главная угроза следствию.

— Теперь, — Деклерк улыбнулся, — нам нужно усвоить главный девиз: «Избегай простых решений». Например, мы ищем во всех трех случаях одного убийцу, но нельзя до конца исключить, что речь идет о серии жутких совпадений. И второе: нам следует учитывать уроки истории.

В этом месте он встал и слегка ослабил узел галстука, желая этим маленьким жестом указать на неформальность их разговора. Пусть собравшиеся действительно почувствуют себя командой.

— Я уверен, что вы согласитесь со мной в том, что самая сильная сторона Конной полиции — ее опора на традиции. Год за годом создавая фундамент нашей службы, мы создали самую эффективную полицию в

мире. При этом мы дополняем бережное использование опыта прошлого внедрением новейшей техники расследования. Позвольте привести только один пример из прошлого. В 1886-м комиссионером был назначен Лоуренс Херчмер. Именно он превратил Конную полицию из военной организации в эффективно действующую полицейскую силу. И добился он этого введением патрульной системы, при которой летучие патрули КККП, рассеянные по Северо-Западным территориям, стали центром охраны правопорядка. Он же ввел и систему отчетов каждого патруля, копии которых поступали в штаб-квартиру полиции и создавали полную картину как успехов, так и недостатков. Можно сказать, что наш оперативный отдел является компьютеризованным аналогом такой патрульной системы. В этом нет ничего нового — та же схема применялась в расследовании дела «Йоркширского Потрошителя» и убийств детей в Атланте.

Но комиссионер Херчмер не остановился на достигнутом — и боюсь, что этой частью нашей истории мы пренебрегли в нашем сегодняшнем стремлении к централизации. В 1830-м он ввел дополнительную систему летучих патрулей. Они не имели твердого графика и района действий, как обычные патрули, но действовали по своему усмотрению. Если угодно, это были тогдашние северо-западные «коммандос».

Деклерк на миг прервался и продолжал:

— В нашем расследовании я намерен возродить эту систему. Патрулей будет семь, в каждом по два человека — мужчина и женщина. Это будет наша третья линия обороны против слишком простых решений. Работая независимо от оперативного отдела, они будут проверять предположения, рискующие оказаться ошибочными. Входящие в них сотрудники должны действовать в рамках личной инициативы, и в интересах следствия сотрудники оперативного отдела не должны обсуждать с ними ход следствия. Каждый патруль будет получать компьютерные распечатки, но только в той части, что

касается фактов. Координатором деятельности летучих отрядов назначается сержант Джеймс Родейл. Как и инспектор Макдугалл, он представлен сегодня к очередному званию.

Снова раздались аплодисменты, но лицо Родейла, появившегося сзади, было нахмуренным. Держа в руках коричневый конверт, он пытался пробиться с ним к столу Деклерка.

— Мы скоро закончим, — сказал суперинтендант. — Еще три замечания. Во-первых, следует избегать лишнего шума в прессе. Вся информация, подлежащая огласке, должна проходить через инспектора Макдугалла. Во-вторых, все допросы будут записываться на видеопленку и раз в неделю просматриваться всеми летучими патрулями. Это дает возможность взглянуть на дело по-новому, в том числе глазами женщин. Нам известно, что убийца тяготеет к женщинам, а никто не может знать охотника лучше, чем добыча. И наконец, в-третьих, — моя дверь всегда открыта. Как я уже сказал, мы должны научиться работать в команде. Если вам потребуются совет, разрешение или дополнительные технические средства, можете подняться по этой лестнице и войти. Знайте, что от нашей работы зависят спокойствие и порядок в городе. Еще одно убийство — и возможна неконтролируемая волна истерии. Английская полиция потратила пять лет на поимку «Йоркширского Потрошителя». Полиция Антанты только через 22 месяца смогла арестовать человека, признавшегося в убийстве двух из двадцати восьми черных детей. Нам потребовалось тринадцать дней, чтобы поймать Олсона, совершившего одиннадцать убийств. Давайте же побьем этот рекорд поимкой Охотника за головами.

Деклерк едва успел закончить, как запыхавшийся Джеймс Родейл протянул ему конверт. Адресованный Канадской радиовещательной компании, он был опущен на Главном почтамте вчера вечером и передан в Ванкувер сразу после вскрытия. Конверт и содержимое были присыпаны порошком для снятия отпечатков пальцев.

— Лучше взгляните сейчас, — сказал Родейл. — Пока не закончилась встреча.

Суперинтендант открыл конверт. Внутри был лист с аккуратно наклеенной на него фотографией. Отрубленная голова Джоанны Портмэн на шесте. Внизу надпись, составленная из букв газетного заголовка.

Добро пожаловать, Роберт. Надеюсь, тебе это понравится.

11.05

Кэтрин Спэн смотрела на фотографию, когда кто-то из мужчин позади нее обронил:

— Да, тут придется рискнуть яйцами.

Спэн обернулась к нему:

— А мне что делать?

— Зависит от того, какой частью тела захочется рискнуть тебе, — сказал он, оглядывая ее с головы до ног. Она отвернулась и посмотрела на доску объявлений, где Макдугалл только что повесил список назначений. Спэн начала искать свою фамилию и нашла ее в последнем разделе: «Семь летучих патрулей».

— Кто-нибудь знает, кто такой Рик Скарлетт? — спросила она.

— Вы на него смотрите, — ответил мужчина, только что обменявшийся с ней репликами.

— О! — только и смогла сказать Спэн.

Скарлетт был высоким, выше шести футов, лет двадцати восьми. Его каштаново-рыжие волосы, коротко подстриженные, дополнялись того же оттенка усами. Черты его лица были такими же четкими и хорошо очерченными, как линии тела. Больше всего ему подходило определение «Атлет».

— Встретимся внизу, — бросила Спэн и, повернувшись, направилась в раздевалку.

Раздевалки, даже полицейские, одинаковы во всем мире. Тот же запах пота; то же опасение подцепить грибок

или заразу похуже. Если присутствуют мужчины, к этому добавляются смех и пошлые шутки.

Спускаясь по лестнице, Кэтрин Спэн услышала разговор двух мужчин и женщины, стоявших на площадке.

— ...он все время был с каменным лицом.

— Как это?

— Ну знаешь, у таких кожа на скулах натянута, как на барабане. И маленький рот, плотно сжатый, как сфинктер. Кажется, будто он вот-вот лопнет от натуги.

— Ты всегда так говоришь о юристах? — спросила женщина.

— Всегда, — сказал Рабидовски.

Рабидовски, больше известный как «Бешеный Пес», был очень похож на Чарльза Бронсона¹ — квадратная фигура, агрессивно выпяченная челюсть и воинственный тон. Впечатление дополняли высокие восточные скулы, лохматые черные брови и черные усы. Глаза у него были сине-стальными, как ствол ружья.

Отец Бешеного Пса был траппером на Юконе, и уже в шесть лет Рабидовски бил белку в глаз с тысячи ярдов. Это он снял албанского снайпера, посланного китайцами, чтобы убить советского премьера Косыгина во время его визита в Оттаву. Кроме этого шумного дела, он пять лет подряд брал призы на соревнованиях КККП по стрельбе. Значки, говорящие о его победах, усеивали его форменный пиджак; но сейчас Рабидовски был в рубашке.

— Попомните мое слово, — продолжал он, — адвокат с каменным лицом не доведет клиента до добра.

— Ну, дальше, — сказала женщина.

— Пойдите, — прервала их Спэн. — Можно мне пройти?

— О Боже, еще одна красотка, — вздохнул Рабидовски. — Их тут, как собак нерезаных.

— Жалеешь о добрых старых временах? — саркастически осведомилась Спэн.

¹ Американский актер, игравший гангстеров и «благородных мстителей» в фильмах 60-х гг.

— Естественно, — искренне ответил Бешеный Пес.

Спэн промолчала. С таким отношением она сталкивалась постоянно, со времени начала обучения в полицейской школе в Риджайне в 74-м; именно в том году в конную полицию стали брать женщин. Предыдущие сто один год это был элитный мужской клуб. В глубине души до сих пор большинство мужчин не хотели работать с женщинами, боясь, что те подведут их в нужную минуту.

Конечно, в рутинной полицейской работе большинство мужчин привыкли к присутствию лиц противоположного пола, но только не Рабидовски.

— Ты будешь работать со Скарлеттом? — спросил он. — Постарайся не разочаровывать его, ладно? А то он не сможет работать. Вообще он хороший парень.

Закончив фразу, он сунул в рот сигарету и ловко зажег спичку о ноготь большого пальца.

Спэн повернулась к женщине:

— Он правда такой хороший?

— Правда, — ответила та с улыбкой. — Только, интересно, он всегда так дергается?

— Всегда, — сказал Рик Скарлетт, спускаясь сверху.

— Познакомимся. Я Моника Макдональд.

— Кэтрин Спэн.

— А это Рыжий Льюис. Мы с ним входим в один из летучих патрулей.

— Я тоже. Вместе с этим вот парнем.

— Рик Скарлетт, — представился Скарлетт, пожимая всем руки. — Как дела, Бешеный Пес? Давно тебя не видел.

— Как могут идти дела у копа, которого осаждают столько баб?

— «Осаждают»! — фыркнула Спэн. — Какое громкое слово.

— Я вижу, ты знакома с Бешеным Псом, — улыбнулся Скарлетт.

— А откуда это прозвище? — поинтересовалась Моника.

— У него от жары изо рта течет пена, — пояснила Спэн.

— Ох уж эти бабы! — Рабидовски закатил глаза.

— Мы сократили его фамилию до «Рабид»¹, — пояснила Спэн уже серьезно. — И поверь, он этого заслуживает.

— Никогда бы не подумала.

— Прошу не ценить его слишком дешево, — добавил Рик Скарлетт. — Он лучший стрелок, какой был у Конных за всю историю.

— Сомневаюсь, — сказала Спэн. — Я слышала, Деклерк был лучше.

— Ага, если говорить про лук, — иронически заметил Рабидовски.

— Арбалет, — поправила Спэн. — Говорят, он едва не попал на Олимпийские игры.

— И попал бы, если бы арбалеты не вышли из моды еще в средние века.

— Смотри-ка, — обратилась Спэн к Монике Макдональд. — Он еще и историю знает!

— В том, что касается оружия, леди, я знаю куда больше вас.

— Посмотрим.

— И хватит надо мной смеяться, понятно?

— Постойте, — вмешалась Моника. — Деклерк — это наш суперинтендант?

— Конечно, — ответил Рик Скарлетт. — Странно, что ты о нем не слышала. Этот человек — настоящая легенда.

— Так расскажите мне, — попросила женщина. Рядом с высокой светловолосой Спэн она казалась неказистой. Ее темные волосы были связаны в пучок; плотную фигуру портили широкая талия и слишком короткие ноги. Ее единственной привлекательной чертой были полные чувственные губы.

— Бабы — повторил Рабидовски, будто отвечая на вопрос. Какое, в самом деле, значение имеют для женщин славные имена и традиции?

¹ «Бешеный» (англ.)

Рик Скарлетт начал:

— Это было в октябре 70-го, во время Квебекского кризиса. Тогда Роберт Деклерк был лучшим специалистом по убийствам в Конной полиции. По достижениям его имя ставили в один ряд со Стилом и Блейком. Когда ФЛК¹ похитил Кросса и Лапорта, а потом убил министра труда, Деклерка привлекли к расследованию. Это он обнаружил сеть террористов.

— Как?

— Никто не знает. У него было много знакомств в Монреале. Много информаторов. Но после того, что случилось потом, он так никому их и не раскрыл.

— А что случилось?

— Его жену и дочь похитили. А потом убили.

— О Господи!

— Ты правда об этом не слышала?

— Нет.

— Расскажи ей, — попросила Спэн Рика.

— Через две недели после того, как Кросс был освобожден, а Шанье и его ячейка бежали на Кубу, трое типов вломились в квартиру Деклерка, когда он был в Оттаве. Жену убили на месте, разнесли из автоматического пистолета. А дочь забрали с собой. Ей было всего лет пять. Все тогда думали, что это месть ФЛК, но в итоге оказалось, что это сделали какие-то монреальские бандиты, просто примазавшиеся к квебекскому движению. Конечно, Деклерка не допустили к этому делу — из-за личной заинтересованности, — но он не подчинился. С помощью тех же связей он провел свое расследование и нашел место, где держали девочку. Это было в лесах у реки Св. Лаврентия. Он пошел туда один, чтобы спасти ее.

Моника Макдональд сощурила глаза:

— И ему это не удалось.

— Нет, — сказал Скарлетт. — Она была уже мертва.

¹ Фронт освобождения Квебека — террористическая организация.

— Говорят, что он убил пятерых на том самом месте, — добавил Рабидовски. — Первого, когда он пошел за дровами, и еще троих, которые пошли его искать. Еще говорят, что он застрелил их из арбалета, бесшумно. Не знаю, правда ли это. Последнего он убил голыми руками, когда вошел в дом. Но дочь он не спас. Накануне у этих сволочей вышел спор, и те, кто победил, сломали ей шею тем же утром.

Моника только покачала головой.

— Поэтому Деклерк и вышел в отставку, — заключил Рик Скарлетт. — Он не выполнил приказ, а вы понимаете, что это значит.

Кэтрин Спэн добавила:

— Было проведено внутреннее расследование. Как обычно, у него не было адвоката, и ему назначили защитника. Это был Франсуа Шартран.

— Комиссионер?

— Тогда он еще был инспектором.

— И что случилось?

— Деклерка оправдали. Симпатии были на его стороне, но с работы ему пришлось уйти.

— Теперь Шартран — комиссионер, — сказала Спэн. — А Деклерк вернулся. Интересно, так ли он хорош, как говорят?

— Увидим, — сказал Рик Скарлетт.

Рабидовски кивнул, но на губах его была усмешка.

Спэн повернулась к нему:

— Ты что-то знаешь, Эд? Давай, выкладывай. Мы четверо знаем, что делаем здесь. А что делаешь ты?

— Осуществляю огневую поддержку. Я уже говорил, что знаю об оружии больше вас всех.

— А я уже говорила: давай проверим.

— погоди.

Рабидовски залез в свой шкафчик и достал оттуда пиджак. Моника Макдональд посмотрела на Спэн, потом перевела взгляд на стриженный затылок Рабидовски.

— В чем дело, Эд? Ты боишься проверить ее?

— За просто так не хочется, — бросил тот.

— Десять долларов, — сказала Моника.

— Кто разобьет?

— Пускай будет он, — Спэн кивнула на Рыжего Льюиса.

— Ладно, — сказал Рабидовски. — Изложу условия задачи. Мы говорим об оружии, так?

Кэтрин Спэн кивнула.

— Тебе дали команду из четырех стрелков, и нужно, чтобы они простреливали все пространство вокруг. Скажи, чем ты их вооружишь.

— Сперва ты. И укажи причины.

— Что ж, — ухмыльнулся Рабидовски, — начнем с длинноствольного. Двоим я дам «Ремингтон» 870-й модели. Почему, понятно. Третьему — снайперский «Ремингтон-250» модели V 22-го калибра. Он стреляет маленькими пулями, очень точно и почти по прямой траектории. А последний получит «Геклер и Кох» 33-й модели, калибр 223 с телескопическим прицелом. Все-таки немецкая техника лучшая в этой области. Конечно, в американской больше автоматизма, но это для меня не главное. И далее, — продолжал он, — каждому дам по короткому стволу. «Беретта» 92-й модели, 9-го калибра. Вместимость магазина 15 патронов, плюс один в стволе. Превосходное оружие. Итак, леди, давайте ваши соображения, а потом Льюис отдаст мне деньги.

— У Джеймса Бонда была «Беретта», — напомнил Рик Скарлетт.

Спэн только рассмеялась.

— Моя очередь.

— Давай, Спэн. Лучше представь, что ты сама будешь в той команде, так будет легче.

— Ладно. С длинными стволами я бы взяла то же самое. А вместо «Беретты» — четыре «Рюгера» 6-й модели для службы безопасности. Или, может быть, «Магнум-357». Он тоже двойного действия и легко пристреливается.

— Леди, вы дура. У «Рюгера» только 6 патронов, а у «Беретты» 16 патронов. Помните, что главное для нас — огневая мощь.

— А для меня главное — точность. Если не попасть с первых выстрелов, то скоро все четыре женщины в команде будут мертвы, и никакого...

— Женщины! — фыркнул Рабидовски. — Мы говорим о деле, а не о бумажной работе.

— ...никакого значения огневая мощь иметь не будет. К тому же, она вся в длинных стволах. Если ты промахнешься из «Беретты», тебе конец. А с «Рюгером» достаточно еще раз нажать на курок.

— Какая умница! — Рабидовски прищурился. — А ты не забыла, что полуавтомат гораздо удобнее и компактнее, чем твой громоздкий револьвер. К тому же перезарядка почти не требует времени; просто отсоедини магазин и поставь другой. Как тебе это?

— Сомнительно. Ты что, никогда не слышал о скоростной зарядке револьвера? К тому же «Беретту» гораздо чаще заедает. И патроны к ней подходят только одного вида. Так что твой выбор совсем ни к черту не годится.

Рабидовски уже открыл рот, когда обнаружил, что у него нет аргументов. Поэтому он только моргнул.

— Кроме того, — продолжала Спэн, — «Беретта» при каждом выстреле разбрасывает гильзы. Что, если одна из них попадет твоему напарнику под рубашку? И потом я вообще не понимаю, зачем вам спотыкаться на стеклянных гильзах? И вообще, у вас есть длинные стволы, и если вы подпустили врага близко, значит, вы паршивые стрелки. Но и в этом случае вам куда лучше иметь «Рюгер», чем «Беретту».

— Аминь, — сказала Моника и повернулась к Льюису. — Ну, что ты думаешь?

Рыжему Льюису было 29 лет. Он был чуть полноват и вечно казался полусонным, но в целом обладал вполне привлекательной внешностью.

— Кэти выиграла, — сказал он.

— Господи, Бешеный Пес! — воскликнул Рик. — Женщина уложила тебя на лопатки!

Моника притворно вздохнула:

— Кэти, ты избавила меня от укулов против бешенства!

Все рассмеялись.

Кроме Рабидовски.

11.56

— Как ты его разделала, — сказал Рик Скарлетт.

— Ну у тебя и друзья!

— Не такой уж он мне друг. Просто работаем вместе. Откуда ты все знаешь? Я прямо не ожидал.

Кэтрин Спэн сердито взглянула на него:

— А что ты ожидал? Что я ударюсь в слезы, едва речь зайдет об оружии? Не будь идиотом.

— Ладно. Не буду. Давай лучше сменим тему. Не забудь, нам приказано работать вместе.

Они сидели в кафетерии на углу Кэмби и Кинг-Эдвард и ждали заказанный ланч. Они заказали бургеры с жареным картофелем. Скарлетт пил кофе, Спэн — чай.

Когда они заканчивали есть, Рик Скарлетт сказал:

— И еще одна проблема. Мы — летучий отряд и должны ловить этого Охотника. Как ты думаешь, с чего начать?

— Сначала, — ответила Спэн. — Изучим материалы следствия.

12.37

Моника Макдональд и Рыжий Льюис вошли в кафетерий, как только Спэн и Скарлетт вышли оттуда. Они сели за тот же столик и заказали по отбивной.

— С чего начнем? — спросил Льюис, отпивая кофе.

— Выбор у нас небогатый. Оперативный отдел работает с местной информацией, поэтому я считаю, что нам лучше отправиться на юг.

— И что? Запрашивать ФБР?

— Помнишь, пару лет назад здесь похитили ребенка? Потом нашли в Орегоне. Я работала над этим делом с парнями из ФБР и познакомилась с одним работником Бюро из Сиэтла.

— Ты с ним общаешься?

— Нет, но он должен меня помнить. Поэтому я предлагаю сегодня же двинуть в штат Вашингтон. Поработаем с их материалами и, может быть, обскачем другие отряды.

— Звучит заманчиво. Кто поведет машину, ты или я?

— Я, — сказала Моника. — У тебя слишком усталый вид.

14.45

Отдел экономических преступлений.

Объект: Стив Ракстроу (Лис).

Начало записи: 31 октября, 9.00.

Конец записи: 31 октября, 11.30.

Абоненты: «Хорек»

(установленный как Джон Линкольн Харди)
и неизвестный по кличке «Волк».

Местный звонок.

Хорек: Привет.

Лис: Здорово.

Хорек: Как дела?

Лис: Сам такой.

Хорек:

(смеется): Эй, ниггер, что происходит?

Лис: Готовься... сам знаешь. Уже скоро.

Хорек: Готов.

Лис: А как дом? Барнети?

Хорек: Порядок. Все съехали.

Лис: Отлично.

Хорек: Жаль, там были классные девочки.

Лис: Ага.

Хорек: Заводили белых ребят с пол-оборота.

Лис: Ладно, хер с ними. Так ты точно готов?
Скоро получишь свое «худу».
Хорек: Скорей бы.
Лис: Ладно, все.
Хорек: Пока.
Лис
(смеется): Пока, пока.

15.57

Междугородный звонок.

Лис: Алло.
Оператор: Вам звонит мистер Волк. Будете разговаривать?
Лис: Да. Конечно.
Волк: На 6-й заваривается каша. Закипит к пол-уночи.
Лис: Я готов. Вас встретят.
Волк: Тогда скоро увидимся.
Лис: Ну, бывай.
Волк: Оревуар.

16.01

Местный звонок.

Хорек: Алло.
Лис: Слышишь, всем «худу» пора собираться. Это на 6-й.
Хорек: Понял. Я буду.
Лис: Передай привет маме... ты меня понял?
Хорек: Понял. Увидимся.
Лис: Бывай.

Хэллуин

18.15

Луна сегодня почти полная. И еще сегодня Хэллуин. Есть те, кому не надо смотреть в небо или заглядывать в календарь, чтобы знать, что наступило полнолуние. Это полицейские, пожарные, психиатры и шоферы «скорой помощи». Годы опыта подсказывают им, что в ночи перед полнолунием гораздо больше насилия, внезапных вспышек эмоций, конфликтов. Гораздо больше странных вещей.

В психиатрических лечебницах давно замечено, что самое странное поведение больных приходится на сутки или двое перед полнолунием. Теперь этому нашли научное объяснение; оказывается лунный магнетизм воздействует на магнитные поля Земли. Ученые из Чикаго предположили, что это воздействие влияет на человеческую психику и физиологию.

Но Хэллуин не имеет никакого отношения к науке.

Хэллуин всегда имеет отношение только ко злу.

Так случилось и в этот год.

В 18.15. из ворот монастыря вышла монахиня. Думая о чем-то благочестивом, она прошла краем парка, вдоль сонного пруда и направилась к остановке автобуса.

Хэллуин ждал новую жертву.

Библиотека располагалась на первом этаже штаб-квартиры. Долгие годы ее использовали как склад, и вдоль всех четырех стен стояли полки, заваленные всякой всячиной. Несколько больших столов, находившихся в комнате, были так же завалены бумагами-фотокопиями материалов, относящихся ко всем трем убийствам.

За одним из столов сидели Скарлетт и Спэн.

— Если приглядеться, фактов не так уж много, — шепотом сказала женщина.

— Я только что подумал о том же.

— И этот стог растет быстрее, чем мы успеваем отыскать в нем иголку.

— Точно.

— Хочешь перекусить?

Скарлетт взглянул на часы:

— Вообще-то я уже собирался уходить.

— Свидание?

— Нет, мать. Она живет в Ист-Энде и ужасно боится бандитов. Мы с сестрой приезжаем к ней каждый Хэллуин.

— Извини. Не знала, что ты такой внимательный сын.

Рик Скарлетт пожал плечами, словно хотел сказать: «*А что ты вообще знала?*» Но сказал он другое:

— Что же делать? Нужно выбрать какую-то одну линию, иначе мы потонем во всем этом.

— Надо взглянуть на фотографии. Может быть, они что-то подскажут.

— Тогда давай сделаем это прямо сейчас.

— Они еще не готовы.

— Так давай заглянем к суперинтенданту. Он же говорил, что его дверь всегда открыта.

Двадцать минут спустя они уже стучали в дверь кабинета Деклерка. Никто не ответил, и Скарлетт повернул ручку. Дверь была незаперта. Они вошли и включили свет.

Плоды работы суперинтенданта поражали. Две стены от пола до потолка были покрыты фотографиями и копиями документов. Спэн присвистнула и принялась разглядывать отчеты, протоколы и телексы на стенах. Потом повернулась к своему напарнику:

— Завтра поедem в город. Выпьем пива в каком-нибудь притоне.

— Ага, замечательно. Пить в рабочее время. И где же ты намереваешься совершить это профессиональное самоубийство?

— Начнем с «Рук лунного света».

— Главный штаб наркоманов? Уважаю твой вкус.

— Там я однажды встретила этого парня. Есть шанс встретить его еще раз.

Рик Скарлетт проследил движение ее пальца, указавшего на фото Джона Линкольна Харди, предполагаемого сутенера Хелен Грабовски.

20.17

Негр ворвался в квартиру с лицом, искаженным от гнева. Он хлопнул дверью так, что дерево затрещало.

— Джонни? — окликнула она, поднимаясь с кушетки.

Он схватил ее за волосы. Он был сильным человеком, и от одного его толчка она пролетела через всю комнату. Она налетела на стол, сбила с него лампу; по всему полу рассыпались осколки. Прежде чем она смогла встать, он подскочил к ней и схватил рукой за подбородок. Внезапно она почувствовала страх. Очень сильный страх.

— Где оно? — прошипел он, брызгая слюной ей в лицо.

— Я... я не знаю, о чем ты.

— Не вилай, сука! — он почти кричал. — Ты отлично знаешь!

— Прошу тебя, Джонни, пусти. Мне больно.

— Заткнись или я перережу тебе горло!

Ее глаза расширились от ужаса, рот раскрылся в беззвучном крике. Но она не могла выдать ни звука, поскольку он все сильнее сдавливал ей лицо.

— Теперь послушай меня, — его глаза от ярости сузились в щелки. — Это не просто какой-то кусок дерева. Это моя *религия*, поняла, сволочь! Где оно?

— Джонни... прошу тебя, — выдохнула она еле слышно. — Мне было так плохо. Ты пропал, совсем пропал, и тебя не было. Я уж думала, что-то случилось. Я чуть с ума не сошла...

— Где оно? — выплюнул он сквозь сжатые зубы и внезапно хлестко ударил ее по щеке. — Где? — еще один удар. — Где? Где?

— О Боже! Я продала его! Прошу тебя, перестань!

Он отпустил ее, и она упала на пол и осталась лежать, тихо всхлипывая. Услышав металлический щелчок, она вскинула голову и увидела, что на нее нацелено лезвие ножа. На его стальной поверхности плясали блики света от люстры.

— Что ж, бэби, — глаза его были полузакрыты, как будто у него сильно болела голова. — Пора нам поболтать немного. Жаль, что так все получилось.

22.19

Дождь начался внезапно.

С утра у горизонта собирались темные облака, но высокое давление не давало им скатиться с гор. Но теперь битва была проиграна. Сперва пошла мелкая морось, потом с неба хлынул целый поток воды. Не успев уйти с остановки, монахиня промокла насквозь.

Но это не беспокоило ее. Дождь — такой же Божий дар, как и все остальное.

Она медленно прошла по тропинке вдоль монастырского сада, мимо бассейна, покрытого теперь рябью дождевых капель, мимо уединенных скамеек, где не раз

сидела днем. Она была погружена в свои мысли. Полная луна наверху спряталась в тучах.

Монахиня провела день со старой женщиной, доживающей свой век в ветхом домике в Ист-Энде. Ее руки были скрючены артритом, глаза почти ослепли, и она едва могла двигаться, но упорно отказывалась переехать в дом престарелых. Это упрямство напомнило монахине ее детство, в котором та же женщина, ее мать, так же упорно внушала ей веру в Христа. Теперь она проклинала Бога за свои страдания, и дочери было больно это слушать.

Сегодня она с особым нетерпением спешила к вечерне.

Внезапно горло ей сжала чья-то рука. Дыхание прервалось, и она не смогла даже вскрикнуть. Рука швырнула ее на землю. Сверху ее придавило тяжелое тело: рука зажала ей рот, и монахиня почувствовала, что задыхается.

Глаза ее расширились, когда она услышала треск рвущейся материи. Над собой она видела черную нейлоновую маску, в отверстиях которой блестели глаза. Третьим отверстием был рот, оскаленный в усмешке. Потом она почувствовала между ног что-то твердое,двигающееся. *«О Господи, это изнасилование!»* — промелькнула мысль. Внезапно она вспомнила о сестре, на которую напали в Нью-Йорке. О других сестрах, изнасилованных и убитых в Сан-Сальвадоре. *О Господи, как же Ты допустил все это?*

Тут над ней сверкнул нож.

И вонзился ей в горло.

Джек-с-фонарем

Понедельник, 1 ноября, 1.03

Роберт Деклерк видел больше смертей, чем большинство других людей, но так и не смог привыкнуть к этому зрелищу.

Как все мужчины и женщины, имеющие дело со смертью, Деклерк постоянно сталкивался с объективным воплощением самого субъективного из человеческих страхов — страха смерти. Он не мог заставить себя относиться к этому ни с профессиональным цинизмом, ни с кладбищенским юмором. Постепенно он выработал в себе главное чувство, с каким встречал смерть, — печаль. Печаль о потере еще одного человека.

Тридцать лет это работало, но только не сегодня.

Сегодня главным чувством Деклерка был гнев.

Тело монахини лежало на земле футах в тридцати от дороги. Вокруг нее сустились люди, профессии которых тоже связаны были со смертью. Одни из них шелкали вспышками, другие водили по земле металлоискателями. С поводка рвались немецкие овчарки. У ног трупа склонился Джозеф Авакумович; рядом стояли инспектор Макдугалл и суперинтендант. То, что сделали с монахиней, не могло не вызвать у Деклерка гнев.

— Тот же почерк, — сказал Авакумович, поднимаясь и показывая на то место, где должна была быть голова. — Видите, под горизонтальной линией обезглавливания —

вертикальный разрез. Мне нужна гортань для исследования.

Инспектор Макдугалл кивнул. Он тоже был зол: уже второе тело в Северном Ванкувере, в пределах его компетенции. Нужно поспешить с раскрытием дела.

— Изнасилование, — сказал русский, — и разрез на груди, — Он нахмурился. — Очень жестокое преступление.

— Вы имеете в виду, что она была девушкой?

— Не в этом дело. Этот парень — настоящий дикарь.

— Вещи разорваны или разрезаны? — спросил суперинтендант.

— И то, и другое. На животе и ниже он действовал ножом, а от шеи до талии разорвал руками.

— Ее убили здесь?

— Да. Слишком много крови. Дождь смыл все следы, но кажется, что ее оттащили с дороги в кусты. На дороге имеются следы борьбы.

— А кто ее нашел?

— Другая сестра, — ответил Макдугалл. — Она вышла запереть ворота и увидела горящую свечу.

— Скорее бы узнать, что за извращенец вытворяет все это.

В этот момент из просвета в тучах выглянула полная луна и осветила троих мужчин, молча стоявших над трупом монахини. Каждый думал о случившемся по-своему, но ни один из них не мог понять ход мысли Охотника. Несомненно, они имели дело с маньяком. Деклерк думал о том, что Охотник, должно быть, преследовал свою жертву или поджидал ее в кустах. Он изнасиловал ее, убил, а потом отрезал голову. Что может быть проще? Беспокоил его вертикальный разрез на горле. Он знал, что так часто делают убийцы, чтобы жертва издавала меньше шума. Но здесь было что-то другое. Это чудовище не только отрезало монахине голову, но и поместило на ее место Джека-с-фонарем. В тыкве были вырезаны два треугольных отверстия для глаз и рот, искривившийся в злобной усмешке. Внутри горела свеча,

и именно ее свет увидела сестра, вышедшая закрыть ворота. Теперь свеча догорела, и тыква смотрела пустыми глазами на обезглавленное тело.

К Макдугаллу подошел капрал с испачканными землей руками и мундиром. Он только что закончил обыскивать пруд.

— Ничего, шеф. Мы использовали собак и детекторы, но безрезультатно. Насколько я могу сказать, в пруду тоже ничего нет.

— Ищите дальше, — коротко бросил Макдугалл. Капрал кивнул и пошел выполнять приказание.

«О Господи, — подумал Деклерк, — четыре тела и никаких улик. Это более чем странно».

Авакумович что-то пробормотал.

— Извини, Джозеф. Я отвлекся.

— Я говорю, что попытаюсь снять с тыквы отпечатки пальцев.

— С тыквы, политой дождем?

— Именно. У меня с собой суперклей.

Увидев недоуменный взгляд Деклерка, Макдугалл улыбнулся:

— Он говорит о «Визупринте». Я вижу, вы отстали.

— Похоже, что так. Расскажи мне, Джозеф.

— Все, что у нас есть, — это тыква. Мы знаем, что убийца принес ее с собой в качестве заменителя головы. Вырезал он ее не здесь, и на ней могло что-нибудь остаться — пыль из его дома, следы химикатов, что-то в этом роде. Можно узнать что-то из характера надрезов. А можно найти на ней отпечатки пальцев. Несколько лет назад полисмен и Онтарио по фамилии Бурдон клеил суперклеем бачок для проявления пленки. После этого он обратил внимание, что на пластиковой поверхности проступили его отпечатки пальцев. Исследования показали, что химикат, входящий в состав клея, — это цианоакрилат, — соединяясь с жидкостью, оставляет отпечатки пальцев человека на любой поверхности и проявляет их, что невозможно при использовании старых технологий с порошком или парами йода. Этот

метод уже помог раскрыть не одно преступление. В одном случае уликами послужили отпечатки пальцев на бутылке, выловленной у места стоянки украденной яхты, в другом — отпечатки на взломанной металлической кассе.

— Да, сильно я устарел, — заметил Деклерк.

— Это не твоя епархия, — успокоил его русский. — Кстати, я хочу кое-что попросить.

— Что же?

— Помнишь, ты просил меня взглянуть на кости, найденные теми двумя девочками? Так вот, я хотел бы взглянуть на останки всех четверых. Я могу найти что-нибудь, чего не заметили патологоанатомы.

— Хорошая идея.

— Нужен ордер. Остатки Портмэн уже отправили родителям, но остальные еще доступны, — он взглянул на тело монахини.

— Завтра у тебя будет ордер, — пообещал суперинтендант.

— Думаете, имеет значение, что Портмэн и монахиня были католичками? — спросил Макдугалл. — Может быть, какой-нибудь сатанинский культ. Что-то вроде черной мессы.

— Может быть, — сказал Деклерк.

— А пока нам лучше пойти и немного поспать. Когда начнется паника в газетах, будет не до сна.

— Согласен, — сказал Авакумович.

Поколебавшись, Деклерк согласился с ними. Он взглянул на часы: до обычного времени его подъема оставалось четыре часа. Он чувствовал себя вымотанным. А ведь предстояло еще вынести то, что начнется днем.

— До завтра, — сказал он. Двое других кивнули.

Повернувшись спиной к трупам, Деклерк пошел к воротам. Возле них, у скопления полицейских машин, уже собирались зеваки и репортеры. При его появлении замерцали вспышки. Он знал, что за их молниями последует гром вопросов. У самых ворот он обернулся.

У серебряной статуи, изображавшей распятие, сбились в испуганную кучку несколько монахинь. За ними белел монастырь.

Роберт Деклерк давно уже не ходил в церковь. С того самого дня, как вышел на дорогу в Северном Квебеке с мертвой дочерью на руках.

«Как там сказал Христос? — подумал он. — «Блаженны не видевшие и уверовавшие». Так что же остается мне? Не будут ли прокляты те, кто видел слишком много и все-таки не уверовал?»

Роберт Деклерк ехал домой.

Бунт

Рассвет

Страх распространился утренними газетами, как чума. Потом он пополз из уст в уста, охватывая город неконтролируемой эпидемией. Из каждого почтового ящика выглядывал зловещий заголовок «Охотник за головами появляется вновь», набранный самым крупным шрифтом на первой полосе «Провинс». Ниже, чуть поменьше: «Четвертая жертва — монахиня».

Впервые со времени окончания Второй мировой войны новость разошлась по городу так быстро. Даже когда убили президента Кеннеди, такого не было.

Следом за новостью шла паника.

7.00

Арти Фрипп шел в магазин считать прибыль. Как обычно, его работники первого ноября гуляли.

Припарковав свой «корвет» на площадке, обозначенной надписью «президент», Арти вошел через заднюю дверь и пробрался в контору мимо полок, заваленных всячиной. Бизнес перед Хэллуином шел на редкость удачно: были распроданы страшные маски, фейерверки и надувные скелеты, а цены на конфеты взлетели

на тридцать один процент. Было похоже, что Арти удастся провести лето на Карибском море.

Дойдя до отдела порнографии — журналы и сексуальные игрушки этой осенью тоже продавались отлично, — Фрипп улыбнулся, думая, сколько еще онанистов выложат денежки за эту муру, пока он в шортах, под тропическим солнцем, будет наслаждаться зрелищем натуральной почти обнаженной женской плоти. А может, и не только зре...

В этот момент Арти Фрипп, президент компании «Лови момент», споткнулся о двенадцатидюймовый искусственный член, валявшийся на полу. Накануне служащие во время празднования Хэллуина использовали его в собственном варианте игры в «бутылочку» и, видимо, забыли положить на место.

Арти налетел на шкаф и уронил на себя грудку порнографических изделий: зажигалки в форме члена с лаконичной надписью «Пососи», стопки книжек в мягких обложках, банки со стимулирующим кремом, анальные вибраторы с набором батареек, куклы «Нимфоманка Сьюзи». Что-то из этого сильно ударило его в пах.

— О, черт! — завопил Фрипп. Удар пришелся как раз по тому месту, что он растянул прошлым летом в Вегасе, занимаясь любовью с блондинистой сучкой по имени Белинда.

Только через пять минут Арти смог дотащиться до телефона и позвонить в службу охраны.

— Эй, вызовите доктора, — прохрипел он в трубку.

— Арти, это ты? Это Флэшмен.

— Флэшмен, вызови скорее доктора. Моя сексуальная жизнь в опасности. Все решают минуты.

— Арти, детка, некогда. Ты же слышал новости. Телефон прямо раскалился. Дамы требуют свистки — те самые, что вопят, как банши¹.

¹ Ирландские духи — женщины, чей плач по ночам предвещает смерть.

— Флэшмен, урод, я умираю. Зови доктора или я...

— Арти, я заказал уже две тысячи.

— Флэшмен, ты ублю... — внезапно Арти Фрипп замолчал. Он вспомнил, что прибыль при продаже этих свистков составляет четыреста процентов.

— Флэшмен, ты уже сделал заказ?

— Да. И дал объявление в завтрашние газеты. Нужно пользоваться моментом, пока паника не утихла.

Как только телефон освободился, Арти Фрипп, мигом забывший о своем увечье, начал звонить поставщикам. К 11.00. персонал, вышедший на работу за двойную плату, разбирает поток заказов. Только тогда улыбающийся Фрипп смог присесть и полюбоваться на мелькающие в японском калькуляторе зеленоватые цифры. Кто знает, может в этом году ему светит что-нибудь получше Багам. Допустим, Французская Ривьера.

«Да, Ривьера, — подумал Арти, набирая номер. — Там все бабы загорают без лифчиков».

8.05

Авакумович закончил работу.

Комната пропахла суперклеем, а голова у него кружилась от химикатов. Он встал из-за стола, потер красные от усталости глаза и подошел к окну глотнуть свежего воздуха. Где-то неподалеку запела птица.

Вернувшись за стол, он взял в руки тыкву. Он был доволен собой — удалось получить три довольно четких отпечатка.

Теперь об их владельце было хоть что-то известно.

9.00

Школа кун-фу «Маленький Дракон» находилась на Марин-драйв, в самом сердце Северного Ванкувера. Она была открыта всего три дня в неделю, и ее владельцем и

единственным работником был парень по имени Брюс Вонг, главным горем в жизни которого было то, что он не родился Брюсом Ли.

29 октября, в пятницу, Вонг напечатал рекламу своего заведения в «Норз Шор Ньюс» и стал ждать клиентов. К понедельнику их было двое. Когда вечером этого дня лавина звонков наконец стихла, к ним прибавились еще четыре — все женщины.

В середине дня Брюс Вонг сбегал в соседнюю парикмахерскую, позвонил оттуда и договорился о съеме дополнительного помещения.

9.40

— Что ж, — сказал инспектор Чан. — Позвольте мне начать. Он стоял у черной доски в актовом зале штаб-квартиры рядом с Макдугаллом. На стульях расположились сотрудники оперативного отдела.

— Во-первых, вам следует знать, что наша компьютерная система имеет доступ к центральной полицейской справочной сети в Оттаве, что позволяет немедленно получить любые сведения о преступности в любой части страны. Во-вторых, наши специалисты разработали специальную программу для этого дела под кодовым названием «Головорез». В первую очередь в нее введены файлы всех документов, поступивших во все полицейские отделения страны за последний год. Эта система — мы называем ее «простыня», — связана с ИНТЕРПОЛом. В дополнение — прошу обратить на это особое внимание, — туда введены данные о всех сексуальных преступлениях, выявленных при расследовании дела Клифффорда Олсона. Программа, снабженная специальными критериями поиска, включает все данные об этих лицах, такие, как номера их машин и место жительства.

— Что конкретно? — спросил один из полицейских.

— Критерии поиска включают в себя имя, дату рождения, возраст, рост, вес, расу, цвет волос и глаз, место

жительства и номер машины и лицензии. Конечно, данных может быть и меньше, — Чан прервался и отпил остывшего кофе из стоящей рядом чашки. — Как только мы получим хоть какое-то описание Охотника, мы соотнесем его черты с имеющимся списком сексуальных преступников. А теперь прошу вопросы.

Вопросов не было, и Макдугалл подвел итог:

— Ладно. Вы все знаете, что случилось ночью, и знаете, что это значит. Все слушали вчера суперинтенданта. Так что все ясно.

Макдугалл повернулся к инспектору Чану, и тут кто-то из собравшихся заметил:

— Ну вот, он даже не сказал: «А теперь начинается настоящая работа».

Но никто не засмеялся. Полицейские редко смотрят детективные сериалы.

10.35

В информационном центре КККП в Оттаве было 24 тысячи отпечатков пальцев из одной только Британской Колумбии.

Сержант Джеймс Родейл пришел в компьютерный центр, чтобы получить информацию, обещанную летучим патрулям. Случайно он оказался рядом, когда телетайп передал из Оттавы ответ на запрос Авакумовича. Сержант застыл на месте, глядя, как бумажная лента выползает из отверстия. Отпечатки на тыкве, как говорилось в ответе, принадлежали некоему Фрицу Сапперстейну, проживавшему, по последним данным, в Ричмонде.

Родейл жил там же. Он оторвал листок, оставив Авакумовичу копию, и отправился искать Бешеного Пса — Эда Рабидовски.

Утро добропорядочные жители Ванкувера и его пригородов провели в нетерпеливом ожидании выхода «Сан». Появившись, газета была распродана в считанные минуты. Надежды горожан оправдались: убийству монахини было посвящено две страницы плюс две дополнительные полосы фотографий.

В дополнение газета поместила несколько интервью с женщинами на улицах. Вот что они говорили: «Теперь я не выхожу из дома без кухонного ножа в сумочке. Пускай полиция говорит, что это противозаконно. Охотник за головами меня просто так не возьмет».

«Монахиня! Господи Боже! Неужели ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности? Если Городскому совету не хватает средств на полицию, пусть взыщут по 10 центов с каждого мужчины в городе».

«И чего все так шумят? Охотник — это просто крайнее выражение опасностей, которым подвергаются женщины каждый день. Я езжу на автобусе, и, поверите ли, не проходит дня, чтобы какой-нибудь пьяный урод не попытался меня облапать. А на днях один подошел ко мне и начал: «Вы одна? Неужели не знаете, что по городу бродит убийца? Позвольте проводить вас до дома». Ну, я ему сказала — не буду повторять. Так вот, неужели мы позволим, чтобы мужчины под предлогом нашей безопасности провожали нас домой и лезли с грязными предложениями? Да скорее ..., простите, просто не хватает слов!»

«Я бы у всех сексуальных маньяков — а по-моему, это большинство мужчин, — отрезала их вонючие причиндалы. Вот и все, сестры».

В детстве Мэттью Полу Питта поставили ошибочный диагноз «замедленное развитие, но без психических от-

клонений». В результате из 28 лет, прожитых им, 24 этот австралиец провел в различных лечебницах.

Мэттью Пол Питта патологически ненавидел свою мать. Она покончила самоубийством, когда мальчику было четыре года. Отец Питта поместил обоих сыновей в интернат; одного он позже забрал, а маленького Мэттью оставил. С тех пор он ненавидел мать — если бы она не убила себя, семья бы не распалась.

Его действительной болезнью была дислексия — расстройство ума, при котором даже нормально развитый человек не может читать, писать или считать из-за неспособности сосредоточиться. Первоначальный неправильный диагноз так и не был впоследствии изменен, и озлобленный, замкнутый ребенок провел почти всю жизнь в школах для отстающих, окруженный людьми, с которыми не мог и не хотел общаться. В результате он действительно повредился в уме и к моменту бегства из Куинслендской психиатрической больницы два года назад был типичным субъектом с пограничной психикой.

К полудню Моника Макдональд и Рыжий Льюис многое узнали и об этом человеке, и о пограничном состоянии психики. Вчера днем, сразу после встречи с Деклерком и посещения кафе, они отправились на 1150 миль к югу, в Сиэтл. Там они встретились со знакомым Моники из ФБР (по его ухмылке Льюис заключил, что он помнил Моника *слишком* хорошо), который сказал им:

— Конечно. Вы получите все, что нужно, только скажите.

— Спасибо, Дэрил, — Моника одарила его почти такой же широкой улыбкой.

«Ага», — мрачно подумал Льюис.

Весь вечер два детектива изучали данные ФБР о сексуальных преступниках. В штате Вашингтон еще недавно орудовали банда Ночных душителеев и пресловутый Убийца с Грин-Ривер. С помощью компьютерщика ФБР канадцы составили к полуночи список из 67 человек, каждый из которых мог оказаться Охотником за головами.

Во главе списка красовался австралиец Мэттью Пол Питта. ФБР разыскивало его по подозрению в ряде убийств, совершенных за последние полтора года. В каждом случае после изнасилования жертве перерезали горло, а у двух жертв голова была отделена от тела. Одно убийство было совершено в Лос-Анджелесе, одно — в Таксоне, Аризона, два — на плато Стактон в Техасе, одно — на дороге вблизи Уичиты, Канзас, три — в двенадцати милях от Чейенна, Вайоминг, и два — между Споканом и Эвереттом, Вашингтон. ФБР пришло к выводу, что все они совершены одним лицом. Все убийства произошли на шоссе; у всех жертв отрезаны соски. В машине женщины, убитой в Техасе, были найдены отпечатки пальцев. Путем сложных поисков с привлечением Международной организации криминальной полиции удалось установить, что отпечатки принадлежат сбежавшему из клиники в Куинсленде Мэттью Полу Питта.

— Думаю, этот парень — наша главная надежда, — сказала Моника Макдональд, выкладывая объемистую пачку досье ФБР на свой кухонный стол, рядом со спящей кошкой.

— Я тоже, — пробубнил Льюис, дожевывая сэндвич с болонской колбасой. Капля горчицы упала на ксерокопию, и он смахнул ее, оставив желтоватый след.

— Покажи мне еще раз фото, — попросил он, и Моника, порывшись в разложенных на столе бумагах, подала ему фотографию. Питта на ней выглядел лет на десять старше. У него были черные волосы, нечесанные неделями, а то и месяцами, и густая черная щетина. Одет он был в грязную рубашку, открывающую на шее следы порезов. Льюис был почему-то уверен, что рубашка выпущена из штанов, хотя снимок доходил только до пояса. Лицо австралийца, костистое и осунувшееся, украшали остановившиеся глаза узника концлагеря.

— Жуткий тип, — сказал Льюис.

— Тебе не нравится? Тогда усишь свои чувства в сто раз и получишь представление о том, что чувствует женщина, увидев такую рожу наяву.

Она читала теперь больничную карту Мэттью Пола Питта. Судя по ней, австралиец был довольно странным молодым человеком. Кроме порезов на шее, у него было по сотне шрамов на каждой руке и ноге. Когда во время просмотра вестерна один из врачей заметил у Питта эрекцию, тот объяснил:

«Я люблю смотреть на кровь по телевизору, но еще больше люблю собственную кровь. А правда, что у женщин кровь краснее?»

Моника пробежала взглядом несколько страниц, найденных в палате Питта после его бегства.

«Странные у меня сны. Жаль что я не могу их вспомнить. Похоже кто-то заставляет меня их забыть, чтобы я не мог и запесать. Сегодня я видел во сне девуку с большими сиськами. Если увижу ее зафтра напишу об этом пападробнее. Спакойной ночи, хороших снов и никаких клопов.

Спакойной ночи.

Сиськисиськисиськисиськи! СИСЬКИ!

Девки как двери — если их часто хлопать они разбалтываются».

Закончив читать, Моника спросила:

— Видел эти каракули Питта?

— Ага.

— Я бы тоже сказала, что у него задержки в развитии.

— Это ничего не значит. Он ненормальный и со всеми задержками вполне способен убить.

— Удивительно, как он попал в Штаты.

— Ничего странного. Помнишь, пару лет назад один псих, обвиненный в убийстве, сбежал из Штатов в Австралию? Почему же это не может сработать наоборот?

— Точно. И он хороший кандидат на роль нашего Охотника. Раны на груди, отрезанные головы и главное — полная ненормальность.

— Да, но как нам его найти?

— У меня есть идея. ФБР распространило по всем штатам его отпечатки и фото, и в штате Вашингтон один

полицейский вспомнил, что видел этого типа на дороге. Они отправились на то место и нашли там, в лесу, заброшенную палатку. В ней были обнаружены отпечатки пальцев Питта и рюкзак.

— Напоминает ту палатку, что нашли девочки.

— Точно. В рюкзаке были таблетки и гашиш, а также семьдесят семь коробков спичек.

— Сколько же косяков он скурил! — заметил Льюис с усмешкой.

— На каждом коробке была реклама одного из американских стрип-шоу.

— Выходит, ты предлагаешь, чтобы мы начали расследование, шатаясь по стриптиз-барам?

— Фу, Льюис, как тебе не стыдно? Тебя извиняет только то, что я... и в самом деле это предлагаю.

— Что ж, давай, — Льюис пожал плечами.

12.47

— У нас проблемы, мистер Шмидт.

— В чем дело?

— Три женщины только что вошли без билетов.

— Сейчас иду, — Шмидт встал из-за своего стола.

Курт Шмидт совершенно не хотел лишних проблем. У него и так болела голова. Каждую неделю возникали проблемы с таможней, не позволяющей провести из Лос-Анджелеса какую-нибудь интересную штучку. Каждый месяц к нему являлись полицейские, подстрекаемые святошами, и пытались найти в его деятельности что-нибудь противозаконное. Вчера он едва смог вырвать из лап цензора занятный фильм, снятый скрытой камерой в Нью-Йорке: «Горячие девушки на холодных камнях». Теперь вместо того, чтобы хоть день отдохнуть от проблем, он вынужден разбираться с какими-то сучками.

— Ну, где они?

В фойе кинотеатра не было никого, кроме билетерши Дорис. Она испуганно указала на дверь зрительного зала, откуда доносились вопли и ругань.

Шмидт распахнул дверь и замер, не веря своим глазам.

Три женщины в широкополых шляпах, скрывающих лица, бросали в экран что-то похожее на стеклянные шарики с краской. Потeki краски уже почти скрыли «Горячих девушек».

— Этот экран стоит тысячу баксов! — завопил Шмидт, когда еще три шарика со звоном разбились о поверхность экрана. Только тут он понял, что кричат и ругаются не посетители кинотеатра, а пришедшие женщины.

Шмидт схватил ближайшую из них за руку:

— Ты, сучка, я тебя...

Тут в воздухе сверкнуло лезвие, разрезав ему рубашку и майку. Шмидт застыл, глядя на ручеек крови, стекающей по его животу; в это время женщины вышли, в последний раз выкрикнув угрозы в замерший зал.

12.52

Рабидовски подогнал машину к дренажной канаве и выключил зажигание. Они с Родейлом вышли и направились по дороге вниз, мимо бескрайних скошенных полей. На горизонте виднелись фермерские домики, но единственным зданием поблизости был притулившийся у дороги магазин Инга. Туда они и направились.

На полках громоздились груды свежих овощей и фруктов, в которых озабоченно рылись несколько покупателей с корзинами. Полицейские подошли к человеку в кожаном фартуке, стоявшему возле пирамиды румяных яблок.

— Полиция, — Рабидовски достал удостоверение.

Человек вежливо улыбнулся.

— Чем могу быть полезен?

Рабидовски расстегнул куртку. Оба они были в штатском. Родейл никогда не работал с Бешеным Псом, но знал, что в деле тот творит чудеса.

— Мы ищем Фрица Сапперстейна, — объяснил Родейл. — Нам сказали, что он здесь работает.

Человек нахмурился:

— Это я. В чем дело? Я давно уже завязал.

— Мистер Сапперстейн, не буду вилять. Прошлой ночью одной женщине отрезали голову и подложили вместо нее тыкву. На тыкве отпечатки ваших пальцев. Как вы можете это объяснить?

Сапперстейн моргнул, переводя взгляд с одного полицейского на другого. Под пиджаком Рабидовски ясно вырисовывался пистолет. Наконец он сказал:

— Я покажу вам кое-что. Это здесь, за дверью.

Родейл кивнул:

— Только без шуток.

У выхода Рабидовски легко придержал Сапперстейна за руку. Вышедший следом Родейл увидел пятисотакровое поле, засаженное тыквами.

— В последние десять дней мы собрали их тонн десять. Вы помните, что вчера был Хэллуин?

Рабидовски выпустил его руку и посмотрел на Родейла.

— Дайте мне портрет, и я, может быть, смогу его вспомнить, хотя шансов очень мало. Повторяю, тут побывало не меньше тысячи покупателей. Но я никого не убивал.

Рабидовски убрал руку из-под пиджака.

14.11

В Ванкувере не было конных из Конной полиции. На лошадях ездили только полицейские Ванкуверского отделения.

Когда пришел вызов, в офисе в Стенли-парке дежурил сержант Скотт Бартелми. Сразу за офисом распо-

лагались стойла, и запах бумаги и чернил вытеснялся стойким ароматом конского навоза. Было тихо, кроме случайного фыркания и стука копыт. Даже черно-белый кот Бандит, устав играть с клочком соломы, улегся на окне.

Сержант Бартелми повесил трубку и издал стон. Он работал здесь уже давно и помнил, какой шум поднялся после применения конных полицейских для разгона толпы обкурившихся хиппи на Мэйпл-стрит в 1971-м.

15.46

Демонстрация началась мирно, но неорганизованно. К собравшимся на Робсон-сквер подходили зеваки — в основном женщины-служащие, возвращавшиеся после ланча. Несколько женских организаций, устроившие митинг, сами не ожидали такого резонанса. К трем часам на площади собралось до семи тысяч человек.

Несколько активисток устанавливали громкоговорители на ступенях старого суда. Другие держали плакаты: *«Женщины, объединяйтесь против насилия!»*, *«Каждый мужчина — потенциальный насильник!»* и самое оригинальное: *«38-й калибр не изнасилуешь!»*

В 15.11 две женщины лет сорока в синих джинсах и высоких кожаных сапогах растянули между двумя колоннами здания суда картину. На ней был изображен мужчина с мускулами Шварцнеггера, но без головы. В левом углу помещалась дама пик, срисованная с диснеевского мультфильма, изо рта которой выходила фраза: «Голову долой!»

В 15.15 собравшиеся женщины начали скандировать одно слово. Казалось бы, они осуществляют законное право на свободу собраний, но само это слово и еще два обстоятельства изменили все к худшему.

Одним из обстоятельств было то, что в тот же день в десяти милях собрались на ежегодный чемпионат по футболу до 10 тысяч мужчин, большинство из них пья-

ные. В какой-то момент те, кто читал утренние газеты, — а таких было довольно много, — начали скандировать: *«Охотник — четыре, женщины — ноль! Охотник — четыре, женщины — ноль!»*

Через минуту этот клич подхватили трибуны:
— Охотник — четыре, женщины — ноль!

К несчастью, матч транслировали по радио, и на заднем фоне отчетливо слышались крики. Одной из тех, кто их слышал, была женщина по имени Джоан Тристлуэйз, запертая в автомобильной пробке на Робсон-сквер. Она тут же ознакомила с услышанным одну из женских активисток, которая пробралась к микрофону и оповестила толпу. Шокированные известием, женщины начали скандировать: *«Смерть свиньям!»*

Но даже тогда столкновения можно было избежать. Группа на Робсон-сквер, несмотря на свою воинственность, оставалась управляемой. Но по второму злосчастному совпадению именно там решил поработать Фернандо Зиполи.

Зиполи был маленьким человечком с кривыми зубами и лохматыми эйнштейновскими волосами на лысеющей голове. В юности он жил в Риме, куда приезжало множество американок, только и мечтающих о прикосновениях пылки латинянок к их губам и прочим мягким частям. Зиполи часто вздыхал по тем дням, жалея, что переехал в Канаду, где женщины далеко не так отзывчивы. Он уже имел семь приводов в полицию за приставание в общественных местах.

К несчастью для себя, восьмого он получить не успел.

Обычная его тактика заключалась в том, чтобы затеяться в толпу женщин и медленно проталкиваться среди них, стараясь дотронуться до чьей-нибудь груди или задницы.

Особенно он любил рыжих. Рыжих женщин в свитерах, обтягивающих упругую грудь. Таких было много на этом сборище. Протолкнувшись к одной из них, он с приглушенным «ох, извините», — ухватил ее за груди под свитером. Она потеряла равновесие и качнулась

вперед, подставив Зиполи зад, за который он не замедлил взяться.

— Смерть свиньям! Смерть свиньям! — продолжала скандировать толпа.

Зиполи в экстазе ничего не замечал. С напрягшимся членом и восторженными глазами, он не отпускал рыжую, пока одна из стоящих рядом женщин не сняла с ноги туфлю на высоком каблуке и, пронзительно выкрикнув «Смерть свиньям», не вонзила этот каблук в левый глаз Зиполи.

Его вопль на миг заглушил все звуки на площади.

Когда по изуродованному лицу итальянца потекла кровь, его окружили и начали избивать. Его били, даже когда он был мертв.

Происшедшее окончательно вывело толпу из-под контроля. Именно тогда сержант Бартелми и вызвал на площадь конных полицейских.

Через двадцать минут на Робсон-сквер ворвался взвод полиции. Центр города взорвался топотом копыт, криками боли и глухим стуком дубинок.

Одна из женщин с криком «Хватит насилия!» — стащила полицейского с седла и пнула его в пах. В следующий миг дубинка вышибла ей все зубы.

В 16.30 битва на Робсон-сквер завершилась. Но даже после этого полиция продолжала галопировать по близлежащим улицам, разгоняя тех женщин, что еще не попали в больницу или в участок.

17.20

Говорят, что мужчина с сексуальными проблемами часто тянется к оружию.

О том, что это утверждение не вполне верно, свидетельствует статистика смертей от огнестрельного оружия. В Японии в 1980 г. их было 48, в Канаде — 52, в Израиле — 58, В Западной Германии — 42, в США — 10728.

Даже учитывая разницу в населении, складывается впечатление, что американские мужчины остро нуждаются в советах сексопатолога. А может быть, что-то не так в американских законах.

Две женщины, выехавшие утром из Ванкувера в Сиэтл, оправдали последнее предположение, когда вернулись обратно ближе к вечеру. Обычно канадская таможня проверяет каждую пятидесятую машину, и машина, на которой ехали женщины, оказалась как раз пятидесятой. К своему изумлению, таможенники обнаружили в ней пятьдесят два револьвера «Смит-энд-Вессон» 38-го калибра, купленных в Сиэтле в этот день.

Все в соответствии с лозунгом: *«38-й не изнасилуешь»*.

17.46

Первым догадался об этом капрал Уильям Типпл из отдела экономических преступлений. Он был не из тех людей, которых помещают на рекламных проспектах КККП, — пяти футов ростом, тощий, с вечно присыпанными перхотью плечами. Воротник рубашки у него вечно был грязным, и та же грязь застряла под ногтями; но на работе его ценили за оптимизм и неугасимую энергию. Он попал в полицию как специалист по электронике, но воспользовался случаем, чтобы поступить в штат. Ему нравилось носить форму, хотя на ней перхоть была еще заметней.

В понедельник днем капрал зашел в штаб отряда по поимке Охотника — просто понаблюдать за работой, приобщиться к коллективу. Войдя в здание, он прошел по коридору, здороваясь со всеми встречными, и открыл дверь библиотеки.

Там было полно народа.

Мужчины и женщины читали за столами, прислонясь к стене и даже сидя на полу. Типпл, желая поучаствовать в общей активности, переходил от стола к столу. У стола с фотографиями он задержался. Там лежали десятки фотоснимков — тела, отрезанные головы, места обнаружения трупов, фото медсестры на выпускном вечере, снимки сотен мужчин, большинство из которых несло на лицах печать порока.

Человек рядом с ним держал в руках два фото. На одном — голова женщины на шесте, на другом — та же женщина на снимке из полиции.

— Похоже на куски мозаики, — заметил Типпл. Мужчина взглянул на него без улыбки.

— Билл Типпл. Отдел коммерческих преступлений.

— Эл Флад, — представился мужчина. — Отдел убийств Ванкуверской полиции.

«Они тоже над этим работают», — подумал Типпл не без неудовольствия. Чужак из городской полиции был здесь своим, а он, Билл Типпл из КККП, — чужим. Это неправильно.

— Все это напоминает склад Компании Гудзонова залива, не так ли? — жизнерадостно спросил капрал.

Флад только покачал головой и вернулся к фотографиям.

Пожав плечами, Типпл продолжил осмотр. Наравне с другими он рылся в устилавших стол снимках, отбрасывая одни и тут же хватая другие. Потом ему в руки попал снимок негра и еще одно фото женщины из полицейского досье.

— Вот, — толкнул он Флада. — Еще один фрагмент вашей мозаики.

— Спасибо, — буркнул детектив, взяв фото желтыми от никотина пальцами. Глаза у него были припухшими.

«Циник какой-то», — подумал Типпл.

— Это из нашего отделения, — Флад кивнул на фото в своей правой руке. — Это наркоманка по фамилии Грабовски, одна из убитых. А второе фото из полиции Нью-Орлеана. Черный, чье фото вы держите, тоже как-то связан с ней. И с Нью-Орлеаном.

При словах «Нью-Орлеан» в голове у Типпла что-то промелькнуло.

— Можно посмотреть? — он вежливо взял из рук Флада оба фото.

Минуты две он изучал фотографии и подписи на их обороте — имена изображенных лиц. Потом достал из кармана записную книжку и, перелистав пару страниц, показал ее Фладу.

— Черт меня побери, — торжественно объявил он, — если это не то, что вы ищете.

На странице большими буквами было написано то же имя, что красовалось на обороте одной из фотографий.

Джон Линкольн Харди.

21.45

Роберт Деклерк только что приколот к стене рядом с фото Джона Линкольна Харди справку из отдела экономических преступлений, когда заметил, что у него дрожат руки. «Недоспал», — подумал он. День был на редкость тяжелым.

Покинув монастырь, он отправился домой и попытался уснуть. Но сон не шел. Как он ни старался, не мог избавиться от чувства напряженности, вызванного последним убийством. Охотник действовал с такой скоростью, что город готов был взорваться. И вот теперь взрыв, кажется, произошел.

Днем он полчаса провел на вокзале, наблюдая за отправкой тела Джоанны Портмэн. Потом поехал в университет, а оттуда — в отделение психиатрии университетского госпиталя, где нашел кабинет доктора Джорджа Рурика.

Деклерк достиг той стадии расследования, когда стало необходимым на основании имеющихся данных составить психологический портрет Охотника. Конечно, он знал, что индивидуальную психологию очень трудно подогнать под какой-либо тип. Но он был женат на психологе и знал, что под влиянием расстройства ума люди начинают проявлять знакомые симптомы. Поэтому знание этих симптомов могло в конце концов привести к больному.

Это была слабая надежда, но она была.

— Надеюсь, он в силах таскать тяжести, — сказала секретарша доктора Рурика, указывая на большую коробку с книгами у двери. — Джордж отобрал вот это, но

сказал, что у него есть еще. И он просил оставить ему имеющиеся данные.

— Вот, — Деклерк положил бумаги на стол.

— Он заберет их после вечерней лекции.

— Скажите ему, что я жду его звонка завтра после девяти.

— Ладно. А телефон он знает?

— Женестьева — моя жена. Думаю, он уже ей звонил.

— Ладно, — повторила женщина.

В штаб-квартире Отряда по поимке Охотника суперинтендант попросил инспектора Макдугалла купить ему сэндвич и взялся за коробку с книгами.

Когда Макдугалл вернулся со свежей расшифровкой от Типпла из отдела экономических преступлений, Роберт Деклерк уже с трудом различал буквы и обрадовался возможности сделать перерыв.

— Есть хорошие новости, — сказал инспектор. — Только что прислали факс из Оттавы. Интерпол установил принадлежность костей. Немка по имени Лиз Грейнер покинула Швейцарию восемь месяцев назад и отправилась с палаткой куда-то в Северную Америку. О ней не было известий с прошлого августа. Шесть лет назад она попала в автомобильную аварию и сломала несколько костей. Они прислали рентген, и сейчас Джозеф сравнивает его со скелетом из Северного Ванкувера.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Вскрытие монахини не выявило следов спермы.

Должно быть, его спугнула сестра, вышедшая закрыть ворота.

— Вряд ли. Успел же он зажечь тыкву.

Капрал Типпл из отдела экономических преступлений считает, что на одной из пленок записан сутенер Грабовски. Они следят за неким Стивом Ракстроу, он же Лис. Ему иногда звонит кто-то, называющий себя «Хорек», и Типпл считает, что это Джон Линкольн Харди. Он двоюродный брат Ракстроу, а иногда там появляется и его родной брат по кличке Волк. Типпл записал некоторые их разговоры и прислал нам.

— Что говорит Чан?

— Через пару дней программа будет готова. Он хочет как можно быстрее заложить в нее психологический портрет.

— Завтра он его получит. Я уже пишу.

— Хорошо. Не буду больше вам мешать, — Макдугалл коротко кивнул и вышел.

Суперинтендант едва закончил прикреплять расшифровки разговоров к стене, как инспектор появился вновь. Обернувшись, Деклерк увидел у него в одной руке конверт, а в другой — маленький магнитофон. У него застучало сердце.

— Опять? — спросил он тихо.

— Монахиня.

В конверте оказались кассета и фотография «Полароида». На ней была изображена голова монахини на шесте, на том же белом фоне, все еще в черном чепце. При виде ее выкаченных глаз Деклерк почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Из уголка одного глаза стекала тонкая струйка крови.

— Это нашли под скамьей в кафедральном соборе, — пояснил Макдугалл. — Я уже проверил. Никаких отпечатков, и никто ничего не видел.

За дверью Деклерк увидел священника с опасливо-потрясенным выражением лица.

— Поставьте пленку, Джек, — попросил он так же тихо. Инспектор включил кассету.

Сперва они услышали звуки гитары, потом слова:

Меня спросили — где Джимми-джаз?

*Я ответил: «Его нет, но он будет не раз,
и ты скоро узнаешь, что такое Джимми-джаз.*

— О Господи, — прошептал Макдугалл.

*...отрежет тебе уши, отстрижет твою башку.
Полиция ищет, где Джимми-джаз...*

— Что это? — спросил в изумлении Деклерк. Инспектор пожал плечами:

— Не знаю. Но скоро выясним.

*Так ищи его где хочешь, пока не найдешь,
но потом не удивляйся, коль напорешься на нож!
Полиция ищет, где Джимми-джаз...
Вжик! Вжик!*

Вторник, 2 ноября, 1.12

— Это же рок! — воскликнул Скарлетт.

— В штаб-квартире! — подхватила Спэн.

Они поглядели друг на друга, не веря своим ушам. В это время суток если в штабе и раздавались какие-то звуки, то это был стук пишущей машинки или негромкий разговор патрульных. Услышать в этом месте рок-н-ролл казалось невозможным.

Весь день и вечер они провели в забегаловках самого низкого пошиба, пытаясь разыскать Джона Линкольна Харди или индейца, который мог вывести на него. Оба оделись в потертые джинсы и рубашки не первой свежести, а на лице у Скарлетта проступала двухдневная щетина. За последние тринадцать часов они видели больше травы, таблеток, «снежка» и «ангельской пыли»¹, чем проходит за год по судам во всей Британской Колумбии. Они несчетное число раз слышали разговоры о цене, качестве и порциях наркотиков и к концу дня чувствовали себя вываленными в грязи с ног до головы. Но они не нашли никаких следов тех, кого искали.

Подъехав к штабу, они оставили машину без опознавательных знаков за зданием и вошли внутрь. Рок-н-ролл преследовал их:

¹ Таблетки фенциклидина.

*...Эй, ребята, отвяжитесь от меня,
Я скажу, что достала меня эта херня.
Все закончится, когда придет Джимми-джаз,
Джи-а-зы-зы Джи-а-зы-зы!*

Перед магнитофоном сидел парень лет восемнадцати в черных джинсах, черных высоких ботинках и черной кожаной куртке с серебристыми цепочками. Его засаленные волосы были сзади связаны в хвост. Скарлетт поискал взглядом модный гребешок «крысиный хвост», и, конечно же, он торчал из его кармана.

Вокруг него собрались другие слушатели — все, кроме Деклерка и Макдугалла, в форме КККП. Они выглядели встревоженными, а парень безмятежно раскачивался на стуле в такт музыке.

— Это «Джимми-джаз», — сказал он наконец. — Группы «Клэш». Третья песня на первой стороне с двойника «Звонок в Лондон». Клевый диск.

— Когда он вышел? — спросил Роберт Деклерк.

— В 73-м. На «Эпик рекорде».

— А что такое Джимми-джаз? — поинтересовался инспектор Макдугалл.

— Не знаю, — парень пожал плечами. — Наверное, доза. Вы что, все время тут такое слушаете?

— Не совсем. А где можно купить этот альбом?

— В любом магазине пластинок. «Клэш» сейчас на подъеме. Если хотите, могу дать вам то, что есть у нас на радио.

— Пожалуйста. И желательно сегодня.

Скарлетт и Спэн обогнули группу меломанов и поднялись на второй этаж. Они хотели еще раз взглянуть на выставку в кабинете суперинтенданта. Уже наверху Скарлетт сказал:

— Тьфу! Это не панк-рок, а какой-то пакость-рок!

— А мне нравится кое-что из «Клэш», — задумчиво заметила Кэтрин Спэн.

— Хозяин—барин, — пожал плечами Рик.

Женщина чуть подняла одну бровь:

— Ты ведь о них ничего не знаешь. И не хочешь знать со своей ограниченностью.

— Думаешь, Кэти? Я все же не Рабидовски. «Клэш» из Англии, как и «Секс пистолз». Первая волна нового музыкального течения.

— Ох ты! А я думала, ты полный болван.

Первое, что они увидели, войдя в кабинет Деклерка, это разбросанные кругом книги. Оба взяли по одной и поглядели названия. Одна книга называлась «Убийства на почве секса», другая — «Сексуальная патология».

— И зачем ему все это? — озадаченно спросил Скарлетт.

— Должно быть, он в душе маньяк, — ответила Спэн.

Теперь все три обитых досками стены были покрыты разнообразными документами, а в некоторых местах они уже наслаивались друг на друга. Спэн немедленно устремилась к расшифровке телефонных разговоров. Скарлетт тоже стал читать их, выглядывая из-за ее плеча. Закончив, она подошла к окну и встала там, задумчиво глядя на ночной город.

— Интересно, о чем они говорили? — спросила она сама себя. — Что такое «худу»?

— Кто из нас болван? — осведомился ее коллега. — Похоже, с географией у тебя слабовато. «Худу» — это выветренные утесы песчаника. Индейцы верили, что в них живут духи. Такие утесы есть в нашей Долине мертвых, но их гораздо больше в Альберте, в Скалистых горах.

— Что ж, буду знать, — сказала Спэн чуть обиженно. И они замолчали.

5.15

Роберт Деклерк встал до рассвета. Он пошел на кухню, сварил себе кофе и вернулся в спальню, чтобы одеться потеплее. Потом вышел с чашкой кофе в теплицу и оттуда на берег моря. Было еще темно, и воздух наполняло дыхание осени. Он сел в плетеное кресло и начал думать. Море этим утром яростно билось о берег, выплевывая клочья пены, но суперинтендант не обращал на это внимания.

Больше всего его беспокоило поведение убийцы. Были и раньше убийцы, нарочно дразнившие полицию, — среди них Джек-Потрошитель и таинственный Зодиак, — но похоже было, что Охотник дразнил персонально его. Это началось, когда его назначили начальником Отряда по поимке.

«Почему? — думал Деклерк. — Для этого есть какие-то причины. Но какие?»

Он пока этого не знал.

Еще его беспокоили позы последних двух тел, когда их нашла полиция. И выражение глаз на снимках «Полароида». Убийца хотел добиться чего-то большего, чем простой страх. Но чего?

Он долго сидел и думал об этом. Потом взошло солнце, окрасив нежным ониксовым светом сердцевину беспокойных волн. Баклан стремительно спикировал вниз, целясь

на что-то невидимое в воде; но, когда он вынырнул, его клюв был пуст.

Суперинтендант встал.

Пока он думал, перед ним поочередно пронеслись сцены всех четырех убийств, и приятного в этом было мало. Это тоже означало, что Охотник их дразнит. Слева вдалеке мигал маяк на мысе Аткинсон.

Деклерк медленно прошел по тропинке к дому. Внутри он снял одежду, мокрую от брызг, оделся в сухое и сварил себе еще кофе. Потом взял книгу Лазарфельда «Мужчина глазами женщины» и пошел с ней в теплицу. Следующие два часа Деклерк читал, одновременно мучительно разыскивая в уме приметы того, что его беспокоит.

Снаружи бледное солнце осветило слова, написанные по краю солнечных часов. Надпись гласила: *«Времени больше, чем вы думаете»*.

5.20

Авакумович чувствовал себя отвратительно.

Без сомнений, главной причиной этого было то, что он стоял посреди комнаты в госпитале Лайон-Гайт, окруженный парой трупов в разных стадиях разложения. Но этим ему приходилось заниматься и раньше.

Отчасти его самочувствие зависело от времени суток. Никогда раньше он не работал с мертвецами среди темноты и безмолвия ночи. Запах был тошнотворным, и ему пришлось надеть хлорофилловую маску. В одной руке он держал лупу, в другой — скальпель. Ему было жутко.

Где-то кто-то невидимый протяжно вздохнул.

Где-то капала вода.

Где-то раздался тихий смех.

Скальпель закрипел о кость.

Он отвернулся от скелета из ямы и подошел к монахине.

Авакумовичу пришлось работать в это время; с утра помещение понадобится живым.

Днем он изучал останки Хелен Грабовски в госпитале Ричмонда. Там не нашлось ничего интересного.

Тело Джоанны Портмэн еще не отправили, и ученый надеялся все же успеть получить к нему доступ.

В отличие от доктора Сингха, Авакумович предпочитал начинать с менее уродливых случаев. Поэтому монахиня была первой. Сперва он просветил тело рентгеном в поисках металлических частиц, потом применил ультразвук, пытаясь выявить в мягких тканях неметаллические образования. Звуковые волны, как ему казалось, отражались только от костей.

Оставался скелет из ямы.

В течение получаса Авакумович сравнивал повреждения костей с рентгенограммой Лиз Грейнер, присланной Интерполом. Все совпадало: несколько трещин в бедренных костях, перелом левой малоберцовой кости; фрагмент подвздошной кости слева отколот, как и левой плечевой. Левая лучевая кость треснула, но не была сломана.

И тут, рассматривая через лупу тоненькую трещинку в нижней части таза, он обнаружил щепку. Крошечную, тускло-черную щепку, которой не было на интерполовском снимке.

Конечно, щепка могла попасть в кости, когда на них наткнулась девочка.

«Из ботинка? — думал Авакумович. — А может быть, занесли в морге?»

Что бы это ни было, больше он ничего не нашел.

Когда рано утром на дежурство пришел первый патологоанатом, Авакумович попросил у него стеклянную пластинку и пинцет, чтобы подготовить срез.

Психопат

9.30

— Вам понравилось? — спросил доктор Рурик.

— Интересно, — сказал Деклерк. — Но тяжело.

Психиатр кивнул.

— И каковы ваши выводы?

— Если не возражаете, я хотел бы просто поговорить об этом. Может быть, возникнут какие-нибудь ассоциации.

— С удовольствием, — сказал доктор. — Давайте начнем.

Доктор Джордж Рурик был человеком в годах и весьма уважаемым. Жена Деклерка Женестьева очень высоко отзывалась о его способностях и удивлялась, что полиция редко обращалась к нему за помощью. Суперинтендант ценил ее мнение, и во многом поэтому он и сидел сейчас в плетеном кресле напротив психиатра, глядя, как солнечный свет, проникая сквозь стекло теплицы, играет на лепестках роз. У Рурика были очки в проволочной оправе и козлиная бородка, делавшая его немного похожим на Фрейда. Включая микрофон, Деклерк подумал: *«Почему все психиатры отпускают бороды? Что они под ними прячут?»*

Он поставил кассету.

— Эта пленка, — начал он, поставив микрофон на стул между собой и доктором, — относится к делу Охотника

за головами. Со мной говорит доктор Джордж Рурик из отделения психиатрии Университета Британской Колумбии. Цель нашей встречи — обсудить возможный психологический портрет убийцы. Я хочу, чтобы этот разговор прежде всего отвлек вас от поиска легких решений. Скажите, доктор, какие предположения стоит заведомо исключить?

— Во-первых, я скажу, что всецело согласен с вашим предупреждением. Не так давно убийца по прозвищу «Бостонский Душитель» буквально терроризировал город. Собравшиеся на встречу психологи, психиатры, криминалисты и полицейские пришли к выводу, что разыскиваемый убийца является шизоидом, неженатым, латентным гомосексуалистом со скрытым эдиповым комплексом. Когда же Альберт Десальво был наконец пойман, оказалось, что у него жена и двое детей. Поэтому я повторяю: избегайте решений, кажущихся очевидными. Однако я уверен, что мы можем сделать несколько предположений о характере Охотника. По меньшей мере одно из них обязательно окажется истинным.

Между фразами доктор извлек из кармана твидового пиджака трубку и пачку табака и меньше чем за минуту завершил ритуал Шерлока Холмса. Как только из трубки вырвалось облако сизого дыма, Деклерк невольно пожалел растения.

— Как известно, психиатрия знает три типа душевного расстройства. Это психоз, невроз и общее расстройство психики. Страдающий психозом или психотик наиболее соответствует бытовому понятию «сумасшедший». Определяющим симптомом психоза является потеря связи с реальностью; иными словами, психотик замещает те или иные детали окружающего мира порождениями собственного больного воображения. Можно привести несколько примеров. Питер Сатклифф, известный Йоркширский Потрошитель, стоя в выкопанной им могиле — он работал на кладбище, — услышал глас Божий, повелевающий ему искоренить всех проституток. Дэвид Берковиц — нью-йоркский «Сын Сэма», — получил приказ убить

шестерых человек от говорящей собаки своей соседки. Неврозы, второй главный вид душевных заболеваний, явно не имеют отношения к нашему случаю. Гораздо важнее для нас третий вид — общее расстройство психики, — поскольку здесь мы имеем психопата или социопата с ярко выраженным стремлением к убийству. При общем расстройстве проявляется не разрыв с реальностью, а компромисс с ней. У пораженного болезнью субъекта вместо внешних признаков, таких, как галлюцинации или неестественное поведение, развиваются глубинные деформации в характере. Часто это проявляется в смещении моральных критериев. Больной сохраняет связь с реальностью, но делает то, что считает нужным или правильным, не учитывая общепринятых норм и мнения окружающих. Часто это выражается в садизме — вот почему садистов не трогают мольбы и уговоры их жертв.

— Значит, по-вашему это психопатия? — спросил Роберт Деклерк.

— Да. Большинство массовых убийц страдает именно этим видом душевных болезней. Психопаты в свою очередь делятся на две главные категории. Первая — *неконтролируемые агрессивные психопаты*, субъекты, не сдерживаемые общественными нормами поведения. Они часто совершают немотивированные акты агрессии и, как правило, состоят на учете полиции. К таким я отношу Клиффорда Олсона. Гораздо опаснее вторая категория — *контролируемые агрессивные психопаты*. Такой человек обычно способен контролировать свое поведение и кажется совершенно нормальным. Однако в критических ситуациях у него прорываются обычно тщательно скрываемые агрессивные инстинкты. Это можно сравнить с извержением вулкана. Когда давление ослабевает, этот человек опять возвращается к нормальному типу поведения. Вы понимаете, почему такого убийцу крайне трудно найти. Невозможно определить даже, какие именно факторы вызывают такой взрыв. Они могут различаться у разных людей. Искать

убийцу этого типа не легче, чем найти иголку в стоге сена.

В разговоре возникла пауза, и Деклерк вставил:

— Доктор, в книгах, которые вы мне дали, упоминается «обманщик». Расскажите, пожалуйста, об этом термине поподробнее.

— «Обманщиком» мы называем редкий, но чрезвычайно сложный случай психопатии. Это субъект, которого не ограничивают ни нормы общественной морали, ни собственные комплексы. Он может играть любую роль, и иногда вся его личность является не более чем маской. Опасность такого «обманщика» состоит в том, что окружающие общаются с его внешним образом, а не с подлинной сущностью, которая скрыта дважды — во-первых, его собственным притворством, а во-вторых, надетой помимо воли маской. Как гласит китайская пословица: «Рыба видит червяка, а не крючок».

— Это значит, — медленно сказал Деклерк, — что Охотника трудно распознать, даже если он наш сосед?

— Это значит, что Охотник может *быть* нашим соседом. Вернее, наш сосед может быть Охотником, даже не подозревая об этом. Такие случаи раздвоения личности не раз встречались. Может быть, наш убийца создал «обманщика» в своем сознании, и тот постепенно вытеснил его подлинную личность. Именно такую ситуацию описал Стивенсон в истории доктора Джекила и мистера Хайда. Правда, там это было выражено явно, а мы говорим о процессе, происходящем только в сознании. В этом случае «обманщик» может убивать и потом даже не помнить этого, а мы ходим с ним рядом и ничего не подозреваем.

— Психические болезни передаются по наследству? — спросил Роберт Деклерк.

— Вот этого мы не знаем. Конечно, они переходят из одного поколения в другое, но это может быть объяснено как наследственностью, так и условиями среды.

— А теперь не могли бы вы, доктор, высказать ваши соображения по поводу убийцы, которого мы ищем?

— В ответ я задам вопрос, — сказал доктор Рурик. — Почему исчезают головы? Вот в чем загадка, и у меня есть четыре варианта ответа:

- чтобы затруднить опознание жертвы;
- чтобы утолить людоедское пристрастие убийцы к этой части женского тела;
- чтобы стать экспонатом в коллекции трофеев;
- потому что убийца испытывает пристрастие к женским волосам.

Рассмотрим их по очереди. Пытался ли Охотник затруднить опознание трупов? Сомневаюсь. Хотя имеются прецеденты — так поступил Йоркширский Потрошитель со своей шестой жертвой, Джин Джордан, — тогда он должен был бы отрезать и пальцы. В первый раз он мог об этом забыть, но не все время. Итак, у нас остаются три возможности. Является ли Охотник каннибалом? Очень может быть. Я отметил в одном из ваших документов, суперинтендант, что убийца может быть приверженцем каннибальского культа. В связи с этим вы вспомнили «Зебру» и индейцев квакиютль, но мне приходят в голову более близкие примеры. Вспомним преступления, ставшие основой сюжета двух культовых фильмов — «Психопата» Хичкока и «Бойни в Техасе». Эд Гейн был фермером в Плэйнфилде, штат Висконсин. По отчету психиатров, его мать была религиозной фанатичкой и имела очень сильное влияние на своего сына. После ее смерти Гейн, очевидно, прочитал об операциях по изменению пола и пожелал стать женщиной — своей матерью. Сперва он извлекал тела из могил, потом стал убивать женщин. В сарае на своей ферме он вскрывал тела и сдирал с них кожу. Потом надевал ее на себя и часами расхаживал так, представляя себя таким образом женщиной. На этом случае основан сюжет Хичкока. Что касается «Бойни в Техасе», у нее тоже был реальный прообраз.

Когда Гейна арестовали, местный шериф явился к нему на ферму и нашел обезглавленное тело женщины, подвешенное на потолке сарая. В самом доме повсюду были жуткие трофеи: браслеты из человеческой кожи, четыре женских носа в чашке на столе, пара губ на леске, натянутой на окне, полоски человеческой кожи на спинке стульев, пуговицы из кожи нескольких женщин. Также там висели на стенах восемь масок, сделанных из лиц убитых женщин, а из их черепов Гейн сделал чаши, распилив их по линии бровей. В холодильнике были обнаружены замороженные человеческие органы, а в сковородке на плите — человеческое сердце. По заключению шерифа, найденные останки принадлежали как минимум пятнадцати женщинам, но никто не знает, сколько всего их убил Гейн за несколько лет.

В декабре 1957 г. Гейн признался в осквернении могил, труположестве и каннибализме и был помещен в лечебницу для психически больных преступников, где, по всей видимости, находится и сейчас. Таких случаев можно привести множество. К сожалению, общество забывает, насколько они обычны. Если Охотник совершает свои убийства именно по этим мотивам, то вероятнее всего, что он поедает мозги.

Деклерк переставил кассету, и доктор воспользовался этим, чтобы снова набить трубку. Выпустив клуб дыма, он продолжал:

— Собирает ли Охотник головы в качестве трофеев? Мне кажется, это возможно. Здесь снова можно вспомнить Эда Гейна и восемь масок из женских лиц на стенах его дома. В этом случае действует психология охотника, вешающего над камином голову убитого им зверя. И последнее: может быть, Охотник испытывает ненормальное пристрастие к женским волосам? Тоже не исключено. Вы отмечали, суперинтендант, что у первых трех жертв были длинные черные волосы. Убийство монахини также вписывается в эту схему: ее чепец мог символически восприниматься как волосы. Как известно, фетишист воспринимает предмет своего влечения именно символически.

чески. Психологическая связь волос и секса уходит корнями в глубь столетий. Проститутки давно это поняли и часто пользовались париками, чтобы привлечь разных по психологии клиентов. Здесь возникает проблема: как это связано с манией? В случае мании большое воображение концентрируется на каком-то одном объекте, связанном символически с сексом. Волосы — наиболее частый пример. Возьмем Джона Реджинальда Хэллидея Кристи, сексуального маньяка, совершившего с 1940 по 1953 гг. восемь убийств. Перед захоронением тел он сбрасывал волосы у них на лобке и помещал в большую банку из-под табака, над которой потом мастурбировал.

В этом месте доктор Рурик поискал глазами пепельницу, и Деклерк пододвинул ему пустой цветочный горшок.

— Итак, — начал доктор опять, — на чем мы остановились? Я думаю, на том самом главном вопросе: почему исчезают головы? Вот настоящая загадка — и ключ к заболеванию Охотника. Все вертится вокруг этих голов; в последнем случае убийца пошел на большой риск, чтобы не только отрезать голову, но и оставить ее заменитель. Такое поведение типично для психопата, считающего, что он лучше и выше всех. С каждым нераскрытым убийством он все больше убеждается в своей исключительности и действует все более дерзко. Поэтому, уверяю вас, все дело в этих головах.

Рурик прервался и взглянул на море за стеклом теплицы. Над волнами летали бакланы, то и дело ныряя в воду. Проследив за ними взглядом, доктор опять повернулся к собеседнику.

— Теперь нам нужно вернуться к вашему вопросу. Вы спросили, каковы мои соображения по поводу этого убийцы. По всей видимости, это сексуальный психопат с одним из трех извращений, касающихся голов, — каннибализм, охота за трофеями или фетишизм в отношении волос. Менее вероятно, что он является психотиком с одним из тех же извращений. Но есть и еще одна возможность.

— Какая же? — Деклерк чуть нахмурился.

Это маловероятно, суперинтендант, но не исключено, что мы столкнулись с самым опасным типом. Возможно, Охотник представляет собой сочетание заболеваний — садист-психопат с психотическим подтекстом.

Вернувшись домой, Женестьева Деклерк застала мужа сидящим на берегу. Над городом собирались тяжелые тучи.

— О чем думаешь? — спросила она.

Помолчав, Роберт Деклерк ответил:

— О том, как жизнь влияет на детей. И как они, когда вырастут, меняют эту жизнь.

Вдалеке над водой взмыл баклан с серебристой рыбой в клюве.

Цена головы

11.50

Этим утром, когда доктор Рурик ехал вверх по Чэнселлор-бульвару на встречу с Деклерком, навстречу ему ехали Спэн и Скарлетт. До этого они пытались найти капрала Уильяма Типпла, чтобы выйти через него на Джона Линкольна Харди, но у Типпла был выходной. Дежурный сказал, что капрал, по всей видимости, рыбачит на северном побережье и вернется только завтра.

Прошлым вечером они решили последовать примеру Деклерка и все утро читали книги по психологии.

— Ладно, — сказала Спэн, поднимая голову от очередного толстого тома. — С меня хватит. Я узнаю этого типа даже в крошечной темноте. Поехали по барам.

— А может, дождемся Типпла? Могли бы сэкономить время.

— Все равно нам больше нечего делать.

— Ладно, только подожди немного. Я как раз на самом интересном месте, — книга, которую он читал, называлась *«Происхождение сексуальных импульсов»*.

— Увидимся наверху в каталоге. Я пойду на воздух.

Пройдя мимо длинного ряда полок с книгами, Спэн поднялась по лестнице наверх. Через десять минут Скарлетт нашел ее в каталоге копающейся в карточках.

— Ты погляди, — она указала на одну из карточек, где было написано: *«Худу. См. Воду»*.

Две минуты спустя они опять были в хранилище, разыскивая книгу под названием: *«Воду и худу: сегодняшняя практика»*. Взяв книгу, Скарлетт наугад раскрыл ее, прочитал абзац и тут же ощутил себя полным идиотом.

«Сегодня детективы завершили поимку шайки грабителей могил, арестовав ее последнего, пятого члена. Они заявили, что арестованные похищали из могил черепа умерших женщин. Эти зловещие сувениры используются в культе Воду, и их цена на черном рынке доходит до тысячи долларов. По-видимому, с этим никак не связана вчерашняя жуткая находка в Бронксе. В одном из заброшенных домов обнаружили алтарь, черепа человека и козы, засохшую кровь и перья. По всей видимости, там проходили водуистские ритуалы. Расследование продолжается».

«Нью-Йорк пост», 18 ноября 1977 г.

Прочитав это, Спэн сказала:

— Похоже, теперь мы знаем, что случилось с этим «черным худу».

— Ага, — кивнул Скарлетт. — И знаем, что «худу» — это не утесы в Скалистых горах.

21.00

Вечером они сидели вдвоем на краю моря, прижавшись друг к другу, чтобы спастись от холода надвигающейся зимы. Луна висела в небе перезревшим фруктом — зловеще оскаленная луна Охотника. Иногда на земле шуршали сухие листья, гонимые ветром.

Потом они зажгли камин, разделись и попытались заняться любовью, но у Деклерка не было эрекции. Когда они, наконец, оставили попытки, он опять заметил, что у него дрожат руки.

— О боже, — прошептал он, закрыв глаза.

Женевьева села в постели.

— Ляг на живот, — тихо посоветовала она. Потом начала гладить ему спину и сразу ощутила весь накопившийся в нем стресс. Расслабься. Просто расслабься.

Она передвинулась к его ногам — самой важной для релаксации части человеческого тела.

— Когда же ты будешь меня слушать, Роберт? Да расслабься же, я чувствую, какая у тебя напряженная нога. Ты меня слышишь?

— Слышу, Дженни, — сказал он тихо.

— Тогда слушай, — она продолжала разминать его ноги. — Роберт Деклерк, я уже много раз говорила: не держи себя так крепко. Ты цепляешься за ценности ушедшего времени, а потом удивляешься, что чувствуешь себя старым.

— Но это начинает сказываться, Дженни.

— Что? А, ты про то, что мы не смогли сегодня... видишь, я говорю «мы». Думаешь, я теперь начну искать какого-нибудь юнца для сексуальных услуг? Глупый, тебе же всего пятьдесят пять, и я еще надеюсь попользоваться тобой в этом отношении.

Ее руки перешли ему на спину.

— Ты все время думаешь об этом проклятом убийце, и немудрено, что у тебя не получается переключиться на более приятные темы. Но неужели ты думаешь, что я буду обвинять тебя в этом? Милый, ты единственный мужчина, которому мое сексуальное удовлетворение дороже собственного. А это значит, что я всегда буду с тобой.

Она дотронулась до его плеч.

— Что тебя так беспокоит?

— Он смеется надо мной, Дженни. И может быть, у него есть на то причины.

— Роберт, всем известно, что ненормальные смеются без причины. Это так не похоже на тебя. Я всегда думала, что ты из тех, кто верит в порядок вещей, торжествующий над хаосом.

— Может быть, но не сейчас.

— Поверь мне, если бы ты не был до сих пор лучшим, они бы тебя не позвали. По правде говоря, ты столько прочитал за эти годы, что теперь подготовлен еще лучше. примени свои знания и опыт — и ты победишь.

Помолчав, Деклерк сказал:

— Дженни, мне снятся кошмары. Вернее, один кошмар, снова и снова.

— Так расскажи мне, — попросила она.

Во сне все было серебряным.

Он видел серебряную комнату с серебряными стенами и окнами и с серебристой дымкой в углах. Даже звук рыданий был каким-то металлическим. И серебряное лезвие ножа, нацеленное ему в живот.

За окном стояло дерево без листьев.

Его руки сжимали горло человека, разрывая жилы и хрящи, по которым в мозг поступало питание. Серебряные глаза человека вылезли из орбит, потом со стуком упали на пол. Вслед за этим его серебряный язык выскользнул изо рта, как угорь из норы.

Серебро, сплошное серебро. Серебряные рыдания наполнили воздух оглушительным звоном.

Внезапно одноцветный сон взорвался красками. Лицо человека, которого он держал, сделалось густо-синим, и он выпустил его шею.

«Дженни!» — прошептал он. Ведь это она рыдала в комнате.

Повернувшись, он увидел серебряную фигуру на кровати в углу. Он кинулся к ней, прижал к груди и вдруг в ужасе отшатнулся. У нее не было головы, а рыдания шли из пульсирующего дыхательного горла.

С криком он заметался по комнате.

Головы нигде не было.

— Роберт, что этот сон значит для тебя?

Он подумал и сказал:

— Что я никогда не найду эти головы.

— Это ошибка. Это означает, что ты боишься их никогда не найти. Понимаешь разницу?

Деклерк выдавил улыбку:

— Дженни, Джека-Потрошителя так никогда и не поймали. И Зодиака в Сан-Франциско. И Мясника в Нью-Орлеане. И Нагого убийцу с Темзы. И...

— Ну и что? Никто из них не имел дела с КККП. Ее убежденность заставила его замолчать на полуслове.

— Вспомни Стила, Уолша, Макилри. Ты же сам писал о них в книге. Я знаю, что в легенде о мужчинах, носящих мундир, есть зерно истины. И многие другие это знают.

И что с того?

— Пусть их сила будет с тобой. И в постели тоже.

Он наконец улыбнулся по-настоящему.

Она подождала, пока он уснет, и заснула сама, прижавшись к его теплему телу.

В три ночи Роберт Деклерк проснулся весь в поту. Сон пришел снова. Он лежал несколько минут, слушая сонное дыхание жены, потом встал, оделся и вышел на берег моря.

Утром Женевьева нашла мужа в теплице со старым револьвером, которому было больше ста лет. Шестизарядный «Энфилд» 476-го калибра.

Суперинтендант не рассказал ей про свой сон.

21.45

Придя вечером домой, Кэтрин Спэн обнаружила на кухне таракана. Вернее, целых три.

Покинув библиотеку, они со Скарлеттом опять отправились по барам в поисках индейца или Джона Линкольна Харди. До девяти они никого не нашли и поехали по домам на «форде» Рика. Ветер дул с моря, играя отражением луны на серебристых плитках тротуаров. У дома Спэн машина остановилась.

— Приятного чтения, — сказал Рик, закрывая за ней дверь.

Спэн минуту постояла на обочине, слушая завывание ветра в кронах деревьев, потом достала ключи и, отперев калитку, вошла во двор. Земля была наполнена запахом мокрых листьев, которые шуршали у нее под ногами, как конфетные обертки. Спэн направилась к домику сторожа, стоящему на краю Сассекского поместья. Руки она держала в карманах, а под мышкой у нее были библиотечные книги про воду. Холодный ветер свистел в щелях особняка, напоминая тонкий крик забытого в темноте ребенка. Где-то хлопал оторвавшийся ставень.

«Подходящая ночь для Хэллуина», — подумала Кэтрин Спэн. В такие ночи нужно сидеть дома, потому что по улицам бродят духи.

С высоко поднятым воротником она дошла до двери домика и включила свет. Тут она и увидела на полу кухни таракана.

Как у всех его сородичей, у этого было тонкое блестящее тело, шесть волосатых ног и длинные усы. Он сосредоточенно грыз какую-то крошку, но, как только зажегся свет, пустился наутек. Но Кэтрин Спэн оказалась быстрее и настигла насекомое у самой раковины.

С отвратительным чавком тяжелый ботинок женщины размазал таракана по полу. Она уже вытирала его бранные останки, когда увидела еще двух на крышке мусорного ведра. Двумя точными ударами она расправилась и с ними.

Сперва она подумала, что во всем виноват возраст здания. *«Кто же виноват, детка, что ты живешь в развалинах времен Эдуарда?»* Она уже собиралась выйти из кухни, думая о покупке какого-нибудь зелья против насекомых, как вдруг до нее дошло. Дело было не в Эдуарде, а в ней.

На кухне не было ни одной чистой тарелки или чашки. Раковину наполняла посуда, украшенная объедками блюд, которые она когда-то ела. Как давно она мыла пол? Месяц назад? Или два? Нет, наверное, уже полгода. Тут она почувствовала и вонь в кухне. Как это она не чуяла ее раньше?

Закрыв дверь кухни, Спэн перешла в комнату. Там картина была не лучше.

В распахнутом шкафу болтались скелетообразные вешалки, а его содержимое было разбросано по всей комнате. На кровати, на кресле, на полу валялись свитера, части униформы, белье. В одном углу возвышалась куча туфель и ботинок. На столе одиноко расположился лифчик, что напомнило ей картину Дали.

«Конечно, детка, ты не любишь заниматься хозяйством, но это уже чересчур».

Стоя среди всего этого хаоса, она подумала, что виной всему ее работа. Она вспомнила наставления инструктора в Риджайне: «Если хотите работать в полиции, забудьте

свои бабские штучки. Никакой стирки. Никаких вылизываний перед зеркалом. Никакого мытья. Помните, вас запускают в джунгли, и выжить там может только грязный и злой».

Это был мудрый совет. Спэн вспомнила свой первый день среди наркоманов и лишний раз убедилась в этом. Она выжила, но теперь ее запихнули в Отряд по поимке Охотника, не дав почиститься и прийти в себя. Тут уж не до домашней работы. *И признайся, дорогая, тебе это нравится. Подумать только, каждый день возиться с этим дерьмом!*

Почти два часа она приводила дом в порядок. В полдвенадцатого, надев куртку, она выволокла за калитку шесть больших пакетов с мусором.

Ветер снаружи завывал, как стая пьяных банши. Покрытое сыпью лицо луны скалилось сверху; за ним проносились темные облака. Внезапно Спэн почувствовала дрожь, будто кто-то ледяным пальцем провел ей по позвоночнику. Она оглянулась на окна особняка, ожидая увидеть одну из живших там сестер — старшую, без зубов и волос. Вечерами она любила сидеть у окна, — Спэн несколько раз видела там её призрачный силуэт. Сегодня, однако, ее не было.

Женщина направилась в сарай садовника и вернулась оттуда с большим топором. Следующие пятнадцать минут она колола дрова, потом затащила их охапку в дом и разожгла камин. После разделась, вошла в ванну и минут десять стояла с закрытыми глазами под теплой струей воды. Вытеревшись досуха мохнатым полотенцем, она надела голубую пижаму и теплые носки и пошла сушиться к жарко потрескивавшему камину.

Окруженная теперь порядком и уютом, Кэтрин Спэн раскрыла книгу про воду, уселась в кресло перед очагом и начала читать.

Корни воду уходят в племенные верования Африки — это она знала. Ей нужно было узнать, что представляет собой эта штука сейчас.

Ветер за окнами продолжал завывать.

В статье от 26 сентября 1973 г. торонтская «Глоб энд майл» сообщала, что восемьсот французских парашютистов высадились в Центральноафриканской республике и поддержали бескровный переворот, свергнувший императора Жана-Беделя Бокасса. Бывший император заблаговременно бежал из страны. Выступая перед журналистами, новый президент Давид Дако сказал, что во дворце Бокасса были обнаружены холодильники, набитые человеческим мясом.

«Трудно отказаться от старых привычек», — подумал Рик Скарлетт и отложил книгу. Вырезка из газеты была подколота к ее последней странице.

Больше часа полицейский читал о том, как распространена практика каннибализма и человеческих жертвоприношений в современной Африке. В начале 50-х этот культ вырвался на поверхность в Кении, во время восстания Мау-Мау. По мере продвижения посвященного в иерархии тайного общества обряды становились все более жестокими. Одно из испытаний требовало, чтобы член общества убил европейца, вырезал у него глаза и выпил их.

В послесловии к книге говорилось, что подобные обряды часто сопровождаются сексуальными оргиями, в том числе извращенными, с участием детей и животных. Обычно это были овцы, козы и собаки. Отчеты об этом «по причине их специфического характера» не вошли в книгу, но желающие могли ознакомиться с ними в библиотеке министерства по делам содружества в Лондоне.

Хотя восстание Мау-Мау было подавлено англичанами в 1956 г., такой же тип преступлений наблюдался в Сан-Франциско во время бесчинств «Зебры». Может ли это повториться здесь?

Рик Скарлетт думал об этом, пока у него не заболела голова. Тогда он закрыл книгу и откинулся в кресле. Забросив Спэн домой, он вернулся в штаб, надеясь

отыскать там Рабидовски или еще кого-нибудь. Рик чувствовал, что находится в полной заднице.

С самого начала эта женщина взяла их летучий патруль в свои руки. От нее исходили все разумные идеи. В детстве Рик много времени провел в прериях, где служил его отец. Он помнил, как они бродили среди песчаниковых утесов, где когда-то вершили правосудие легендарные люди вроде Сэма Стила и Уилфрида Блейка. Понятно, что слово «худу» в первую очередь ассоциировалось у него с этими утесами.

«О Господи, — подумал Скарлетт. — И ведь это случилось сразу после того, как Деклерк предупредил нас об опасности простых решений».

Вместо Рабидовски он нашел в штабе группу полицейских, слушающих запись лекции какого-то типа по имени Джордж Рурик. Надеясь хоть в чем-то перешеголять Спэн, он присоединился к ним, но тут один из полицейских повернулся к нему и спросил:

— А разве это не нарушает твою независимость? Я слышал, ты в летучем патруле.

Вставляя ключ в замок своей квартиры, Скарлетт подумал, какова Кэтрин Спэн в постели. Должно быть, горячая.

Теперь, в 23.30, он вдруг подумал о том же.

Скарлетт встал и подошел к окну взглянуть, не будет ли Мисс Бюст танцевать сегодня вечером. Но окно напротив было темным, занавески закрыты.

Со вздохом Скарлетт надел пиджак и направился к выходу.

Среда, 3 ноября, 0.31

Со второго этажа Сассекского поместья старуха смотрела вниз, туда, где в доме сторожа горел свет. Кэтрин Спэн читала.

Самым интересным в развитии воду было соединение африканских верований и культов с католицизмом. Рабы,

привезенные в Новый Свет, тоже имели свой пантеон богов и святых и легко совместили его с католическим.

Типичный алтарь этой рабской религии представлял собой статую, окруженную цветными олеографиями св. Петра, св. Георгия и св. Патрика. Африканцы называли их соответственно Лоа-Легба, бог, охраняющий переход в иной мир; Огун, бог войны дагомейцев, и Дамбалла, бог-змея. Под алтарем держали бутылки с ромом и виски, а также белые фарфоровые горшочки, в которых, как считалось, жили *лоа* и духи умерших. Этих духов часто называли африканским словом *зомби*.

Среди рабов были жрецы воду, лекари и колдуны. Именно жрецы соединили африканский пантеон с римско-католической религией. Колдуны же, страдавшие в Африке от войн и голода, быстро воспользовались страхом и угнетенным состоянием рабов и заменили собой жрецов, а потом и лекарей. Результатом этого и стала колдовская практика воду.

Распространение воду было поразительно быстрым, поскольку оно являлось единственным оружием африканцев против ненавистного белого человека.

После восстания рабов на Гаити в 1804 г. тысячи французов покинули остров, увозя с собой черных невольников. Не менее десяти тысяч их оказались в Нью-Орлеане, где вскоре пышным цветом расцвела практика воду.

Скоро на Конго-сквер уже происходили дикие пляски; культ змеи и ритуальное питье крови сделались обычным явлением. Ритуалы культа совершались в лесу прихода св. Таммани. Когда воду начинали преследовать, оно на некоторое время уходило в подполье.

Немногие знают об этом, но с самого начала среди приверженцев воду были белые. В августе 1850 г. нескольких белых женщин арестовали за то, что они плясали обнаженными на кровавом водуистском празднике.

В каждом большом городе есть хотя бы один парк, где жители могут спастись от суеты и суетолюки. В Лондоне это Гайд-парк, в Нью-Йорке — Сентрал-парк, в Париже — Булонский лес. В Ванкувере таким местом является Стэнли-парк.

Скарлетт приготовился к финальному забегу. Он пробежал уже семь миль по периметру парка, и теперь ему осталась всего миля. Тяжело дыша, он двинулся по направлению к острову Мертвеца, минуя мыс Броктон с тотемными столбами.

Луна теперь была сзади, и тень Скарлетта бежала впереди него, делаясь все длиннее и длиннее. Иногда от нее отделялась вторая тень — результат отражения лунного света от волн залива. Кроваво-красные листья кленов шуршали под ногами. Потом луна мгновенно скрылась за тучами, и стало совсем темно. К тому же пошел дождь.

Пока Скарлетт двигался до дома в Вест-Энде, он вымок до нитки.

Сбросив мокрые вещи, он залез под душ и долго с наслаждением плескался под горячей струей. Дождь и душ освежили его мысли, и он смог сосредоточиться на трех основных возможностях.

Во-первых, Охотник мог быть убийцей-психопатом, действующим в одиночку. Сильной стороной такой теории была ее простота. Она отлично соответствовала многим случаям, в том числе и делу Олсона здесь, в Ванкувере. В конце концов Ванкувер, как все порты, был богат преступниками любого сорта, а ведь он был еще и центром ввоза наркотиков в Северную Америку.

Вторая и более сомнительная теория возникла после прослушивания кассеты доктора Рурика. Насколько Скарлетт понял, Охотником мог действительно оказаться любой житель этого города. Днем он занимался своей обычной работой в какой-нибудь конторе, а вечером отправлялся на поиски очередной жертвы. По тому, что

доктор рассказывал об «обманщике», можно предположить, что убийца мог и сам не знать о том, что он Охотник за головами. В крайнем выражении это могло означать, что убийцей может быть и один из их отряда, который ищет сам себя, не подозревая об этом.

И наконец, была теория, которую они с Кэти, возможно, подтвердили сегодня. Теория, что Охотник — участник культа водуистов, каннибалов или еще кого-то. Быть может, такой культ возник в результате массового психоза. Днем Скарлетт прочел в одной из книг по психологии о явлении, называемом *folie a deux*¹. В этом случае безумие передавалось от одного члена какого-либо коллектива к другим. Культ «преподобного» Джонса в Гайане можно объяснить именно так. Быть может, в Ванкувере существует культ воду, орудием которого служит Джон Линкольн Харди. Все может быть.

Выйдя из ванны, Рик протер запотевшее зеркало и полюбовался на свое тело. Он всегда любил это делать. Он гордился полным отсутствием жира, крепкими мускулами, плоским животом и широкими плечами.

«Если бы я был женщиной, — подумал он, усмехаясь, — я бы мечтал о таком мужчине».

Он принял перед зеркалом несколько поз, и тут перед ним опять предстало видение Кэти без одежды.

«Черт побери, где же твой самоконтроль!»

Он попытался вернуться к предположениям насчет Охотника. Думая об этом, он вошел в комнату, и тут сердце у него подпрыгнуло. В окне напротив горел свет. Скарлетт быстро потушил свет у себя и бросился в спальню за биноклем.

Несколько лет назад, когда он снял эту квартиру, отсюда открывался вид на Стэнли-парк. Но это продолжалось недолго, и вскоре на пустом месте построили новый дом — окна в окна. Скарлетта это просто бесило, пока в квартиру напротив не въехала Мисс Бюст. Скарлетт никогда не общался с ней, но прозвал ее Мисс Бюст,

¹ Безумие на двоих (фр.)

посмотрев фильм Хичкока «Окно во двор» с Джимми Стюартом. Мисс Бюст, похоже, танцевала где-то и каждый вечер тренировалась перед сном. Она была молодой блондинкой с потрясающей фигурой. К тому же постепенно у нее вошло в привычку танцевать голой.

Так было не всегда. Сперва Рик видел ее исполняющей пируэты в разноцветном трико. Потом, ближе к лету, она переделалась в бикини, а одним особенно жарким августовским вечером сняла и его.

Конечно, ему приходила в голову мысль, что Мисс Бюст знает о том, что он подсматривает за ней. Иначе почему она не закрывает занавески? Может быть, ей это даже нравится. Его не раз подмывало пойти и спросить ее об этом, но это могло кончиться плохо — она действительно начала бы закрываться от него.

Поэтому он, как обычно, уселся у окна, держа бинокль в левой руке, а правую оставив свободной.

«Если тебе так хочется, чтобы на тебя смотрели, — подумал он, — что ж, я готов».

Мисс Бюст вышла на сцену.

Поиски Джека

12.55

Моника Макдональд насмотрелась достаточно.

Последние два дня они с Рыжим Льюисом обходили один стриптиз-клуб за другим, и это оказалось очень скучным занятием. Когда-то Моника подумывала о художественной карьере и до сих пор иногда рисовала углем обнаженную натуру. Но то было человеческое тело в его классической форме; Здесь же она столкнулась с чем-то другим.

Сейчас они с Льюисом сидели за маленьким столиком в десяти футах от эстрады. Оба были в гражданском и потягивали пиво. Женщина на эстраде была не в гражданском — ее единственным одеянием были высокие атласные сапожки и набедренная повязка. Она казалась совсем молодой, лет восемнадцати.

По клубу было расставлено несколько репродукторов, из которых доносился голос Оливии Ньютон-Джон, поющей про желание быть земной.

Пока Моника и Льюис разглядывали посетителей в поисках Мэттью Пола Питта или другого лица из их галереи, стриптизерша танцевала рядом со столиком одинокого британского моряка. Раздвинув ноги, она сорвала с себя повязку и осталась полностью обнаженной. По залу пронесся шквал аплодисментов. Моряк смотрел на нее, побагровев; его Адамово яблоко судорожно двигалось. Женщина облизала губы. Взволнованный моряк попы-

тался надеть очки, чтобы лучше видеть, но она ловко выхватила их у него и начала вытирать о волосы у себя на лобке, чуть прикусывая губки, как школьница. Потом она водрузила очки обратно ему на нос и, выгнувшись, начала вертеть бедрами перед самым лицом остолебневшего англичанина.

Зал заполнили свист и смех. Надо всем взлетел чей-то пьяный голос:

— Эй, леди, пойдем покатаемся!

Моника Макдональд вздохнула. *«И что приводит женщин в такие места?»* — подумала она.

— Может, хватит? — спросила она Льюиса, и тот коротко кивнул. Он допил пиво, и они вышли, пройдя мимо продолжавшей ритмично дергаться стриптизерши.

Монике нравилось думать, что у нее широкие взгляды, поэтому она пыталась смотреть на происходящее с клинической точки зрения. Сама она не сталкивалась в жизни с какими-либо извращениями, если не считать дяди Гарольда, который как-то пытался затащить ее и ее четырнадцатилетнюю старшую сестру в постель, когда их родителей не было дома. Моника тогда пожаловалась матери, и дядя Гарольд перестал приходить к ним на Рождество.

Посмотрев тридцать два выступления в стриптиз-барах, Моника окончательно убедилась в полном отсутствии у себя сексуальных тенденций. Поэтому она перенесла свой интерес на Льюиса.

Во-первых, странно, что он в свои почти тридцать так застенчив. Когда первая стриптизерша продемонстрировала им свои гениталии, Льюис покраснел, как его парадная форма.

— Тебя поэтому называют Рыжим? — спросила Моника. Он лишь покраснел еще сильнее и отвернулся.

По правде говоря, он ей нравился. Большинство мужчин в Конных относились к женщинам так же, как Скарлетт и Рабидовски. Форма еще добавляла им самоуверенности и властолюбия. Застенчивый человек был в КККП редким явлением.

— Спросим у бармена, — предложила Моника, — а потом пойдем отсюда.

Буфет паба «Фантом» находился в тридцати футах от эстрады. Бармен, типичный англичанин с носом картошкой и маленькими глазами болотного цвета, подошел к ним:

— Чего вам?

Льюис сунул ему в нос удостоверение.

Моника достала фотографию Мэттью Пола Питта.

— Видели этого человека?

Англичанин поднял на нее глаза:

— Ищете Джека?

— Да так, просто хотим задать ему несколько вопросов.

— Копы не просто задают вопросы, красотка.

— Так вы его видели?

— Нет. Но я видел много похожих на него.

Моника и Льюис поглядели друг на друга.

— Значит, вы ищете Джека? Нашего Охотника за головами?

— Верно, — сказала Моника. — Именно его.

— Вы из бригады по грязным делам? Ищете того, кто ходит в такие места просто посмотреть, а потом идет и мочит женщин? Что ж, таких здесь много, но вот этого я не видел.

Он отдал карточку обратно Монике.

— Будь я на вашем месте, я бы не тратил времени с этой фоткой.

— Почему?

— Потому что только в этом баре десятка три людей, которые отдали бы правую руку за возможность сделать то, что сделал этот Джек.

7.45

— Роберт, что ты делаешь?

Женевьева Деклерк, стоя в дверях теплицы, смотрела на револьвер в руках ее мужа. Суперинтендант взглянул на нее и отложил оружие.

— Ты об этом? Я только что читал про Уилфреда Блейка. Это его личное оружие. Его нашли в снегу в горах, где Блейк исчез.

Женевьева бросила взгляд на стол. Там лежала книга *«Мужчины, носящие мундир»*. Она знала, что муж читает ее, когда хочет подкрепить свои силы. *«Спал ли он сегодня?»* — подумала она.

— Набрался сил? — спросила Женевьева.

— Вроде бы, — он улыбнулся, но лицо его было усталым.

— Боюсь, что сегодня утром мне придется поехать на конференцию. Но к обеду обязательно вернусь. Сегодня моя очередь готовить.

— Дженни, я тоже уеду. Завтра важная операция, и у нас в штабе назначен сбор. Увидимся вечером.

«Завтра и твой день рождения», — подумала Женевьева.

Она уже собралась уходить, но потом обернулась:

— Пообещай мне, что не будешь волноваться.

— Ладно, — сказал он, но в голосе его не было уверенности.

Женевьева хотела сказать еще что-то, но потом повернулась и молча вышла. Через несколько минут он услышал шум отъезжающей машины.

Снова один в своей теплице, Роберт Деклерк сидел и слушал, как дождь барабанит по стеклянной крыше. Звук напомнил ему торжественную дробь барабана на похоронах сотрудников КККП. Отложив «Энфилд», он подошел к двери, чтобы взглянуть на бурное море. Весь мир казался тусклым и серым.

Он думал об инспекторе Блейке. Что это был за человек? Ни один другой герой Конных не оставил по себе такой странной памяти. Конечно, по официальной версии он был лучшим детективом КККП за всю историю. Никто не превзошел его по числу арестов, а его поведение в бою, еще до приезда в Канаду, прославило его во всей британской армии. Этот человек буквально не знал страха. Крест Виктории ему присвоила сама королева.

Но ходили о нем и другие слухи.

Когда Деклерк писал «Мужчин, носящих мундир», он встречался со всеми еще живыми ветеранами Конных. Некоторые из них служили еще в Северо-Западной полиции.

За несколько коротких лет, проведенных в КККП, Уилфред Блейк прослыл непревзойденным следопытом даже среди индейцев. Если дело казалось безнадежным, на поиски посылали Блейка. И он всегда возвращался с арестантом.

Но слухи упорно твердили, что большинство тех, с кем он возвращался, были мертвыми.

Некоторые говорили, что комиссионеру Херчмеру не нравились методы Блейка; поэтому инспектор и не рос в чине. Другие считали, что Блейк сам отвергал повышение, чтобы продолжать такую желанную для него охоту за людьми.

При всем при том послужной список инспектора был безупречен. Сплошные поощрения, и ни одного взыскания. Удивительным казалось то, что каждый год одиннад-

цать месяцев он проводил в погоне за преступниками — один. Без напарника.

Многие объясняли это самоотверженностью.

Теперь Деклерк подумал: что делал бы Уилфред Блейк, если бы сейчас с ними искал Охотника за головами?

Он делал бы, что считает нужным. Как и ты.

Он опять взял «Энфилд» и поглядел на пятнышки ржавчины, оставшиеся от долгого пребывания в снегу.

«Да, нужно делать то, что считаешь нужным», — подумал он и сел за стол.

Инспектор Чан закончил свой компьютерный список подозреваемых, совместив его с психологическим портретом, данным доктором Руриком. Здесь были все сексуальные преступники провинции за последние годы. Второй список охватывал остальную часть страны.

Завтра отряд должен был провести облаву на подозреваемых. Каждого из найденных предполагалось допросить и в случае необходимости задержать. Для их размещения правительство выделило Деклерку специальное здание.

Конечно, суперинтенданту не очень хотелось нарушать совсем недавно принятую Хартию прав. Но ему нужно было найти опасного преступника. И он знал, что население города в нынешних условиях поддержит любое нарушение прав.

Следуйте за ним

12.17

Капрал Уильям Типпл чувствовал подъем сил.

Вернувшись на работу, он нашел записку с просьбой позвонить Рику Скарлетту или Кэтрин Спэн в штаб. Дело касалось Джона Линкольна Харди. Но было и еще более важное послание от инспектора Макдугалла, который просил подготовить расшифровки всех телефонных разговоров Ракстроу.

Типпл начал прослушивание телефона Ракстроу по мелкому делу о мошенничестве. Потом к этому добавились подозрения в незаконной музыкальной индустрии и сутенерстве. Но все это была ерунда в сравнении с убийством, тем более таким, о котором говорил весь город.

Капрал Уильям Типпл был рад, что участвует в этом деле.

Он стучался в двери славы.

12.42

У наркомана нет праздников или выходных. Его время измеряется дозами; его тело живет неровным ритмом сокращения и сжатия клеток от укола до укола. Наркоман — тюремщик, стерегущий собственные клетки.

В Ванкувере число наркоманов на душу населения самое большое в Северной Америке.

Не так давно какой-то мудрец в городском совете решил закрыть Гренвилл-стрит, главную артерию торговли наркотиками, и превратить ее в шоссе. Прямое, как стрела, бетонное шоссе.

Если бы члены совета хоть немного знали современную музыку, они могли бы послушать песню «Роллинг стоунз» «Изгнанник на главной улице» и понять, насколько безразлично наркоманам их внешнее окружение. И тогда Ванкувер не заполучил бы в самый центр уродливую глыбу бетона, вокруг которой с прежним оживлением кипела наркоманская жизнь.

Машина КККП медленно ехала вниз по шоссе.

С пассажирского сиденья Кэтрин Спэн внимательно вглядывалась сквозь серую завесу дождя в лица на обочине.

Она пропустила женщину с рыбьими глазами, ловящую взглядом что-то невидимое.

Она отвела глаза от юноши с отвисшей челюстью, дергающегося, словно марионетка на ниточке.

Она равнодушно взглянула на мужчину в женском платье, призывно покачивающего тощими бедрами.

Она не обратила внимания на бредущего вдоль дороги мужчину с мертвенно-бледной кожей и беззвучно раскрывающимся ртом. Потом он упал и начал корчиться, так же беззвучно разевая рот. Правый рукав у него был засучен, и на локтевом сгибе виднелась капелька крови.

Сегодня ее не интересовали обычные обитатели Наркотауна. Она искала индейца или Харди.

— Здесь ничего, — сказала она. — Поехали обратно.

Они уже ехали по Майпл-три-сквер с ее узкими улочками и адвокатскими конторами, когда Спэн внезапно вскрикнула:

— Справа, Рик! Это он!

Индеец бросился бежать еще до того, как они остановились.

Когда нога Рика Скарлетта коснулась тротуара, индеец уже перепрыгнул низкое проволочное ограждение и

побежал к воде. Ограда отделяла город Ванкувер от провинции. Какую-то долю секунды силуэт индейца качался на фоне далеких снежных гор; потом он скачками понесся по мокрым от дождя железнодорожным рельсам. Спэн и Скарлетт бежали за ним.

Рик зацепился за проволоку и вырвал большой лоскут из брюк, но это его не остановило.

— Осторожно, поезд! — вскрикнула Кэтрин.

Но навстречу им уже несся закопченный дым, срывающийся за собой длинный хвост цистерн с горючим.

Индеец в последний момент успел перескочить на другую сторону. Скарлетт ухватился за лестницу на одной из цистерн, вскарабкался наверх и прыгнул в десяти футах от места, в котором сел. К сожалению, его правая нога поскользнулась на птичьем помете, и он упал лицом вниз.

Пока он приходил в себя, поезд уже проехал, и к нему подбежала запыхавшаяся Кэтрин Спэн. На другой стороне путей лежала дорога в гавань. Индеец, видимо, побежал по ней налево — справа, в гавани, он мог оказаться в руках охраны.

Скарлетт с трудом поднялся и увидел, что Спэн бежит влево, по направлению к приземистому административному зданию. Он осмотрелся и увидел невдалеке грузовой.

Милт Моулсворт был любителем полицейских сериалов и не очень удивился, когда к нему в кабину влетел полицейский в порванных брюках. Это сразу напомнило ему программу «Следуйте за ним». Он решил, что сейчас Конный скажет именно эти слова.

Рик разочаровал его.

— Давай двигай! Быстрее, черт побери! — крикнул он, махнув рукой в направлении станции.

— Как скажете, — Моулсворт нажал на газ. После тридцати пяти лет перевозки ящиков неплохо поучаствовать в погоне.

Между ними и дорогой проходили вторые пути, и по ним теперь ехал поезд. Выворачивая шею, Скарлетт

видел в просветах между вагонами бегущую Спэн и снующие в гавани катера. Потом показался индеец, пытающийся открыть дверь здания.

— Стой! — приказал Рик, когда индеец, оставил свои попытки и побежал дальше.

— Как скажете, — повторил Моулсворт и затормозил.

Скарлетт выпрыгнул из кабины и побежал через пути навстречу Кэтрин Спэн. В лицо ему ударили соленый ветер и брызги. Индеец бежал к Баррард-стрит, мимо элитного Ванкувер-клуба. Из окон на него, потягивая джин, с любопытством смотрели посетители.

Спэн уже была рядом, когда индеец нырнул в отверстие под причалом и исчез в переплетении балок, пахнувших креозотом.

— Черт! — воскликнула Спэн и бросилась за ним.

Под причалом было темно и сыро. Сверху лились ручейки воды из отверстий в асфальте, а внизу сердито плескалось море. С балки шмыгнули испуганные водяные крысы. Спэн и индеец, медленно продвигались вперед, между ними было не больше семи футов.

Впереди было второе отверстие, а за ним — пирс, уходящий в море. До спасения беглецу оставалось два шага, когда с причала на пирс спрыгнул Рик Скарлетт и выставил вперед пистолет.

— Полиция, — сказал он спокойно.

Индеец остановился, и Спэн уже протянула руку, чтобы схватить его. Но тут он отбросил ее пинком и, перепрыгнув перила, бросился в море.

— Черт! — повторила Спэн и, вдохнув побольше воздуха, прыгнула за ним.

Рик Скарлетт подождал, пока головы обоих появятся на поверхности. Ему совсем не хотелось прыгать в воду, на которой плавали масляные пятна. Но тут ему пришло в голову, что Спэн опять обскакала его.

— Черт! — рывкнул он и, недолго думая, тоже плюхнулся в воду.

Он удачно попал тяжелым ботинком прямо в голову индейца, поднявшегося глотнуть воздуха. Индеец без

звука ушел под воду, и им оставалось только дотащить его до берега.

— О Боже, Блонди! — воскликнул индеец, узнав женщину. — Я ведь не делал из тебя наркоманку!

— Все мы иногда ошибаемся, — Спэн присела и сняла с него туфлю. Оттуда вывалилось что-то красное.

— Твое? — она подняла капсулу с героином.

— Я никогда этого не видел. Должно быть, вы подбросили.

Скарлетт закатал его правый рукав. Весь сгиб руки был исколот. Вены давно исчезли, вжавшись в кость, чтобы избежать встречи с иглой.

— Требую адвоката, — сказал индеец, уже начиная дрожать.

— Требую информации, — ответила Спэн.

Зрочки индейца выкатились. Он конвульсивно содрогнулся, будто его одежда была отравленной. Спэн знала, что наркоманы не выносят прикосновения воды к коже и поэтому не любят мыться. У индейца потекло из носа, и он начал потеть, несмотря на холод. Скоро должна была начаться ломка.

«Остается только немного подождать», — подумала она и сама вздрогнула.

— Я замерз, — сказал Скарлетт. — Давай отвезем его в город.

Индеец задрожал еще сильнее.

— Моя кожа! — простонал он.

Спэн посмотрела на часы и убедилась, что вода в них не попала.

— Я жду, — напомнила она.

— Х-х-хер тебе! — выдавил индеец, но тут желудочный спазм согнул его пополам.

— О тебе же заботимся. Сперва назови свое имя.

Индеец молчал.

— Скажи то, что нам нужно, и мы дадим тебе дозу.

— Д-д-да уж. Б-б-больше я не ошибусь.

— Обещаю, — Спэн повертела красной капсулой у него перед носом.

Индеец, продолжая дрожать, вскинул голову и посмотрел на нее.

— Ч-ч-что вам нужно?

— Где можно найти Джона Линкольна Харди, того черного, с которым у тебя дела?

— Идите к черту! — индеец попытался сплюнуть, но у него пересохло в горле.

— Скажешь, рано или поздно. Мы подождем.

— Дай мне ширнуться, сучка, если ты такая честная.

Рик схватил индейца за волосы, но Спэн оттолкнула его руку.

— Не надо вестернов, — прошипела она. Скарлетт хмыкнул, но послушался.

— Слушай меня. Выбора у тебя нет. Ты проходишь по трем делам, а сейчас мы нашли у тебя наркотики. К тому же тебе срочно нужно ширнуться. Поэтому я предлагаю честную сделку. Скажи, где Харди, и тебе не придется давиться собственными кишками в камере. Мы все равно его найдем, но твоя честность позволит нам сэкономить время. Поэтому думай. Я не могу тебя отмазать, но могу забыть об этом, — она кивнула на капсулу, — и дать тебе дозу. Думай.

Над водой с рокотом пролетел самолет. Индеец сморщился от этого звука, прижав к животу дрожащие пальцы.

Спэн вынула из капсулы пять желатиновых бело-розовых пилюль. Потом взяла одну, отделила белую половинку от розовой и высыпала на землю белый порошок. Индеец с ужасом смотрел на нее.

— Где Харди? — она взялась за другую пилюлю. Она дошла до четвертой, когда индеец сдался.

— Ч-черт, Блонди! Не знаю я, где он! Дай мне ширнуться.

— Твое имя?

— Д-джо. Джо Виналагилис.

— Где твой шприц?

— В другом ботинке.

— Рик, сними с него туфлю.

Скарлетт с недовольным видом подчинился.

— А теперь пошли.

Прежде чем уйти, Скарлетт приковал индейца к себе наручниками. Они сошли с пирса, прошли вдоль рядов грузовиков у складов и достигли места, где мусор и утонувшие бревна скопились у берега, образовав небольшой мыс. Рядом стоял небольшой катер, качаясь на черных от мазута волнах. Его нос указывал в сторону Стэнли-парка и тотемных столбов на мысе Броктон.

Все трое влезли на борт катера и сгрудились на корме, вдали от любопытных глаз. Кэтрин Спэн разделила пилюлю и высыпала ее содержимое в ложку, также найденную в туфле индейца.

— Мне нужно две, — сказал Виналагилис.

Спэн без слов вытряхнула туда же вторую пилюлю. Дождь еще шел, и вода нашлась быстро. Пока Рик светил им зажигалкой, Спэн приготовила раствор и набрала его в шприц.

— Возьми мою повязку, — предложил индеец. Она туго перетянула ему руку выше локтя и попыталась прощупать вену. Это оказалось почти невозможно.

— Ну что, готов? В обмен ты расскажешь нам все, что знаешь о Харди.

Индеец кивнул, продолжая дрожать.

— Быстрее, Блонди! Ширни меня! — прохрипел он.

Спэн ввела иглу. В шприц брызнула темная кровь.

— Давай же!

Но Спэн не торопилась.

— Что ты делаешь, сволочь?

— На случай, если ты решишь нас надуть, — спокойно сказала женщина. — Тогда мы пустим слух, что ты стукач, и тебя грохнут еще в тюрьме. Ты понял?

— Ч-черт, да! — простонал Виналагилис.

Спэн развязала повязку и впустила наркотик в кровь. Понемногу индеец расслабился. Его лицо просветлело, с губ сорвался вздох удовлетворения. Он закрыл глаза и несколько блаженных секунд не открывал их. Когда он это сделал, глаза были уже стеклянными.

— Ладно. Где Джон Линкольн Харди?

— Что?

— Харди! Твой дружок! Где он?

— Я не знаю, — Виналагилис улыбнулся.

Скарлетт взглянул на Спэн, и в его взгляде она прочла: «Ну вот, наконец, прокололась». Больше всего ее огорчило это его удовлетворение.

— Где ты встречаешься с ним? — голос Спэн сделался жестче.

— Что? А-а... с ним, — пауза. — Он сам меня находит.

— Где?

— Где находит?

— Слушай, Джо, хватит играть дурачка. У вас есть условленное место встречи. Где оно находится?

— Ты не понимаешь.

— Я понимаю, что мы заключили сделку. Он снабжает тебя наркотиками, и я хочу знать, где это происходит.

— Ты ошиблась, Блонди.

— Смотри, как бы тебе не пришлось ошибиться, Джо.

— Ты ошиблась. Это не он меня снабжает.

Спэн в замешательстве поглядела на Скарлетта.

— Это я снабжаю *его*, — сказал квакиютль.

15.10

Отправиться в японскую баню предложил Скарлетт.

Когда они отвезли Джо Виналагилиса в городскую тюрьму, все трое насквозь промерзли и дрожали, как наркоманы. Охранник на третьем этаже оценивающе поглядел на них и сказал напарнику:

— Держу пари, двоим из них пневмония обеспечена.

Напарник взглянул на них и отказался спорить.

На обратном пути Скарлетт спросил:

— Как насчет пара?

— Ты о чем?

— Пока мы доберемся до дома, превратимся в ледышки.

Тут недалеко есть старая японская баня с отдельными кабинками. Если ты не помешана на скромности, можем

поехать туда согреться и высушить вещи. А если помешана, высади меня и езжай домой.

Кэтрин Спэн, стуча зубами, согласилась.

Через пятнадцать минут Рик сидел один в маленькой комнатке с обернутым вокруг талии полотенцем и предвкушал появление Спэн из бани.

Они сдали вещи улыбчивому молодому японцу, обещавшему вернуть их через час, после чего Спэн скрылась в бане. Скарлетту осталось сидеть и воображать, как она раздевается.

Его воображение дошло уже до лифчика, когда дверь запахнулась. Рик поспешно опустил глаза. Спэн в полотенце, по-полицейски обернутом вокруг талии, подошла к паровому отделению и остановилась у входа, вдыхая горячий воздух. Ее грудь мерно вздымалась. Наконец она вошла и села на деревянную лавку. Только тогда Скарлетт отважился на секунду поднять глаза.

— Ну как?

— Неплохо, — ответила она спокойно.

Когда он взглянул на нее в следующий раз, она закрыла глаза и расслабилась. Он медленно оглядел ее с головы до ног, потом взгляд его остановился на груди.

«Лучшие буфера, какие я когда-либо видел», — подумал он.

Спэн не открывала глаз, полностью уйдя в мир чудесной теплоты и неги. Скарлетт перенес внимание на нижнюю часть ее тела, которую туго облегало намокшее полотенце. Он испытал вдруг неодолимое желание броситься на нее и сорвать полотенце, и ему пришлось ущипнуть себя за ногу.

«Да, сэр. Я очень хочу кусочек этого».

Но больше всего он хотел скорее выйти из бани.

Подарок

16.45

Скарлетт и Спэн вернулись в штаб без четверти пять. Там было полно народу — Конные готовились к завтрашней операции. Всем раздавали списки подозреваемых с фотографиями. На доске объявлений висел приказ о распределении функций, и Скарлетт начал искать в нем их роли. В это время Спэн позвонила капралу Типплу из отдела экономических преступлений и нашла его на месте.

— Отлично, — обрадовался Типпл. — Я как раз жду вашего звонка. Вам нужны расшифровки разговоров Харди?

— Именно.

— Может, встретимся завтра перед операцией? Я сейчас как раз работаю над делом «Дамбалла».

— Дамбалла? — Спэн помнила, что это имя как-то связано с воду.

— «Дамбалла Энтерпрайзис». Так называется компания Ракстроу. Завтра я вам все расскажу.

— Где и когда?

— Сбор назначен на семь. Как насчет встречи в 6.15 в актовом зале?

— Я буду.

— Отлично. Захватите очки. Читать придется много.

— Опять один, Роберт? — спросил Авакумович.

— А, Джозеф, — Деклерк отвернулся от окна. — Я как раз думаю о завтрашней операции.

— Я не мешаю?

— Нет, что ты. Наоборот.

Близилась полночь, и комнату наполняли причудливые тени от лампы. Стол был завален отчетами, компьютерными распечатками и записками самого Деклерка. На нем оставалось место только для фотографии в серебряной рамке. Русский взял фото и посмотрел на женщину.

— У нее умные глаза, — сказал он, — и очень красивое лицо.

— Да, мне с ней повезло.

Что-то в его голосе привлекло внимание Авакумовича. Он поглядел на суперинтенданта более пристально. Деклерк выглядел плохо: морщины, синие круги под глазами. Угол рта дергался, хотя он пытался это сдержать. Казалось, что он в любой момент готов рухнуть под навалившейся на него тяжестью. Но больше всего русскому не нравилась ирония в голосе друга.

Он бережно вернул фотографию на место, поставив ее так, чтобы Деклерк мог видеть женщину. *«Единственная проверка дружбы, — подумал он, — это окажется ли друг рядом, когда он тебе нужен».*

— Можно сказать прямо?

— Говори, Джозеф.

— Ты слишком жесток к себе.

— Смешно. То же самое утром говорила мне Дженни.

— Ты слишком много берешь на себя. Я ведь так же сильно хочу поймать этого типа.

— Наверное.

— Так раздели этот груз со мной! Охотник задирает тебя, потому что ты главный его противник. Он вел бы себя как же, если бы на твоём месте сидел кто-то другой. Разве ты не видишь, что он только и хочет, чтобы ты вышел из себя и играл в обороне, если тут уместен шахматный язык.

— Может быть.

— Роберт, попробуй меня понять. Удары Охотника по тебе ранят и меня. Я ведь тоже полицейский, хоть и не в форме. Для меня много значат и Конные, и ты сам. Помнишь, когда я оказался здесь, совсем один? Тогда ты пришел ко мне на помощь. За мной долг, Роберт, и я хочу его уплатить. Позволь мне работать с тобой и взять на себя часть твоего груза.

Несколько минут суперинтендант молчал. Потом он встал, положил руку на плечо Авакумовича и подвел его к стене. Теперь бумаги покрывали ее в несколько слоев.

— Видишь, Джозеф? Что со всем этим делать?

Авакумович улыбнулся:

— Есть два предложения. Во-первых, предложить всем продавцам пленки для «Полароида» записывать фамилии покупателей. Раздать им список подозреваемых и дать телефон штаба.

— Отличная идея. А второе?

— У меня для тебя подарок ко дню рождения. Посмотри и скажи, что ты об этом думаешь.

«Ну и память!» — подумал суперинтендант.

— Пошли. Он у меня в лаборатории.

Деклерк отправился с ним в подвал. Комната была погружена в темноту; только на столе горела лампа, освещая большой микроскоп и стеклянную ванночку рядом с ним.

— Смотри. С днем рождения.

Деклерк заглянул в микроскоп и увидел тускло-черную щепку.

— Это я нашел в лобковой кости Лиз Грейнер, — сказал сзади Авакумович. — Это могло быть занесено извне при извлечении костей, и тогда не имело бы никакой ценности. Но там не могло быть такого материала. Мне пришлось повозиться, прежде чем я определил, что это такое.

— И что же это?

— Щепка черного дерева.

Дамбалла

Четверг, 4 ноября, 7.45

— По-моему, он выглядит неважно, — сказала Моника Макдональд.

— Кто, Деклерк?

— Ага.

— Представляю, как на него давят, — заметила Кэтрин Спэн.

Рик Скарлетт спросил:

— Как вы думаете, почему он велел обращать внимание на все, сделанное из черного дерева? Да еще сообщать об этом лично ему?

— Не знаю. Может, это как-то связано с его предупреждением против простых решений. Хочет все время держать нас настороже, чтобы чего не пропустили.

— Похоже на то, — согласился Типпл. — По-моему, он вообще немного повернут на своей работе.

— Да, — согласился Льюис. — Но как ты думаешь, он правда считает, что мы выполняем «священную обязанность»?

— Не знаю. Вся эта облава вообще довольно сомнительна. Если мы кого-то и поймаем, тут же на нас накинутся адвокаты и прочая братия. Не забывайте про хартию прав.

— Я думаю, он больше заботится не об этих правах, — сказал Льюис, — а о каком-то другом праве... моральном, что ли.

— В любом случае, мне его жалко, — подвела итог Моника.

— Мне тоже, — согласился Льюис. — Надо поработать как следует.

Открыв дверь, они вышли в накрапывающий дождь. В холле штаба остались Типпл, Скарлетт и Спэн.

— Можно еще раз посмотреть? — попросила Кэтрин Спэн.

Капрал передал ей расшифровки. Пока она читала, Скарлетт спросил:

— Как, по-твоему, можно найти Харди?

— Не знаю. Я его не видел. Собственно говоря, я занимаюсь Ракстроу, а не Харди.

— Странно, что они еще не заметили, что их слушают.

— Ничего странного. Ты бы видел, какой там бардак.

Скарлетт замолчал, глядя в окно. Тучи собрались еще гуще, предвещая уже не дождь, а настоящую бурю.

— А Ракстроу? Его где найти?

— Скорее всего он в студии. Он держит музыкальную студию как владелец фирмы «Дамбалла Энтерпрайзис».

— Дамбалла — это бог-змея в культе воду.

— Знаю. Еще его можно поискать в «Звонке из Лондона». Это клуб на Пендер-стрит.

Типпл порылся в кармане и достал помятую рекламку, на которой было написано:

Приходите к нам в четверг вечером, 4 ноября 1982!

ЧУДО-КОНЦЕРТ ПРЯМО ИЗ АНГЛИИ!

Будут важные гости!

«БОГИ ВОДУ» снова с вами!

Спасите ваши души!

«Звонок из Лондона» 742, Уэст-Пендер-стрит.

— А почему ты думаешь, что он там будет? — спросил Рик Скарлетт.

— «Боги воду» — это его группа.

Спэн наконец дочитала расшифровки и отдала их Типплу.

— А откуда звонили по межгороду, Билл?

— Сейчас посмотрим, — Типпл взял один из листов. — Тот, что говорит «Оревуар» — волк. Он звонил из Нью-Орлеана.

8.36

Сперва они взялись за торговцев порнографией.

Рик Скарлетт вошел в секс-шоп на Гренвилл-стрит, надев поверх формы дождевик. Фуражку он тоже снял, и с его головы текли струйки воды. Магазин был пуст, и полицейский быстро прошелся по нему, пробежав глазами по рядам книжек в мягкой обложке, надувных женщин и искусственных членов. Потом подошел к продавцу и молча встал перед ним.

Продавец, лысый толстый мужчина лет сорока, своими сальными глазками и пухлыми влажными губами навел на мысль, что секс занимает его мысли не только на работе. Оторвавшись от книжки «Виды анального сношения», он поднял глаза на стоящий перед ним дождевик и сразу заподозрил неладное. В этом он не ошибся.

Рик Скарлетт распахнул плащ, открывая форму полицейского.

— Ах, черт! — воскликнул продавец, и его пальцы рванулись к кнопке звонка. Но Скарлетт перехватил их и сжал железной хваткой.

— Ни звука, — предупредил он, — не то пожалеешь.

Толстяк уронил руку, и тут в магазине появилась Кэтрин Спэн. Она сразу прошла в заднюю часть, где за занавеской открылись шесть кабинок для пип-шоу¹. В

¹ Эротическое шоу, заключающееся в подглядывании за половым актом через маленькое отверстие.

одной из них под дверью виднелись две пары мужских ног. За кабинками в стене была еще одна дверь. Подергав ее, Спэн обнаружила, что она заперта.

Разбежавшись, она изо всех сил ударила в дверь ногой, и та влетела внутрь, рассыпая щепки. Внутри на лавочке сидели двое мужчин. Один из них уже основательно накурился, и голова его тонула в облаке зеленоватого дыма. В руках он нежно перебирал детские трусики. Второй, Курт Шмидт, владелец кинотеатра «Серебряный экран», как раз настраивал видеокамеру. Живот его все еще был забинтован в том месте, где феминистки полоснули его бритвой.

Лучи света слева и справа от них освещали небольшую эстраду, на которой стояли двое детей. Девочка лет девяти или десяти была одета в черный кожаный корсет и белые чулки; лицо густо намазано, как у шлюхи. Рядом с ней — мальчик того же возраста, голый, в соломенной шляпе и с игрушечным ружьем в руках. Его гениталии были раскрашены ярко-красным.

— О Господи, нет! — воскликнул Шмидт, увидев вбежавшую Спэн. Он успел открыть камеру и засветить пленку, потом повернулся к выходу. Спэн схватила его за руку, но он вырвался и размахнулся для удара. В этот момент в помещение влетел Рик Скарлетт.

Курильщик только сейчас начал понимать, что происходит. С идиотской улыбкой он поднялся с места, но Скарлетт уже выхватил пистолет:

— Стоять! Полиция! — крикнул он, нацеливая дуло в живот Курта Шмидта.

10.50

Макдональд и Льюис не ожидали, что дверь им откроет этот человек. Декстер Флеш не был похож на свое фото в полицейском архиве, но с тех пор прошло уже восемь лет.

Они удивились, еще когда узнали, что Д. Флеш по-прежнему живет по указанному в 1974-м адресу. Тогда

его признали виновным в одиннадцати сексуальных нападениях на женщин и приговорили к году тюрьмы и двум годам обязательного наблюдения у психиатра. Уже тогда у врачей возникли сомнения в его психическом здоровье.

10 мая 1974 г. Декстер Флеш в белом халате и со стетоскопом на шее вошел в гимнастический зал местной школы, где занимались 12 девочек. Показав карточку медицинского колледжа, он отозвал в сторону учительницу и доверительным шепотом сообщил, что школьный совет поручил ему проверить учениц старших классов на лобковых вшей. Есть подозрения, что эти паразиты имеются именно у девушек этого класса. Не знает ли она (учительница), кто это может быть?

Да, подтвердила учительница, у одной или двух девушек на ногах появилась сыпь.

«Тогда посмотрим», — сказал Флеш.

Устроив по соседству временный кабинет, доктор Флеш велел заводить к нему школьников по очереди. К несчастью для него, вскоре в гимнастический зал явилась директриса — узнать подробности несчастного случая, происшедшего там накануне. Она очень удивилась, застав Декстера Флеша спускающим трусы с очередной жертвы.

В каком-то смысле ему повезло. Еще минута, и его обвинили бы в двенадцати сексуальных нападениях.

С тех пор прошло восемь лет. Дверь полицейским открыл совсем другой человек. Моника поглядела на Льюиса, а тот на нее, и оба подумали: «Как все меняется!»

— Что вам угодно? — спросил Флеш голосом, нежным, как птичье молоко.

— Мы хотим поговорить с Декстером Флешем, — сказала Моника, нахмурившись.

Человек перед ними облизал губы, как котенок. Его огненно-рыжие волосы спадали на плечи пышным каскадом. Лицо его покрывала косметика, при взгляде на которую Моника определила, что ее накладывали не меньше двух часов.

Еще больше поражала его фигура. Ее изящные линии подчеркивались одеждой — черный французский лиф-

чик, плотно облегающий грудь, и черная блузка с открытым воротом. Внизу были белая свободная юбка и сапоги из «змеиной кожи». Картину дополняли ухоженные алые ногти, серьги в ушах и золотой браслет-змейка на левом запястье. Если честно, то Рыжий Льюис подумал, что, может быть, он никогда не видел женщины привлекательней, чем этот мужчина. Правда, как-то приближалась к нему адвокатша по имени Лорелея Эш, которая сделала из него полного дурака на одном процессе. Но у нее не было таких глаз.

«Господи, хоть бы не было эрекции!» — подумал Льюис, невольно улыбаясь.

— Боюсь, что Декстера больше нет, — сказал Флеш.

— А где он? — осведомилась Моника.

— Его нет, и все.

— Кто же вы, мисс Флеш? — тихо спросила Моника. — Трансвестит или транссексуал?

Мужчина, ставший женщиной, пожал плечами:

— И то, и это. Всего понемногу.

— Не возражаете, если мы войдем?

— Боюсь, что возражаю. Уже поздно, и мне надо работать.

— А кем вы работаете?

— У меня студия макияжа. Я делаю из домохозяек настоящих женщин. А теперь прошу извинить...

— Мисс Флеш, мы из полиции. Отряд по поимке Охотника за головами, — сказал Льюис.

— Н-не понимаю. При чем тут я?

— Вы можете дать отчет о своих занятиях за последние три недели? — спросила Моника.

— О чем? Вы думаете, что я... Вы с ума сошли, сестра!

— Я вам не сестра, мисс Флеш. И требую прямого ответа. Где вы были в про...

Кошачьи глаза расширились, и Флеш резко шагнул назад, попытавшись одновременно захлопнуть дверь. Но Льюис успел просунуть туда ногу.

— Вы... вы... свиньи! — взвизгнул Флеш.

— Полегче, — сказала Моника. — Не пере...

— Отстаньте от меня, чертовы свиньи! — в глазах транссексуала зажегся истерический огонек. — Это же надо, обозвать меня... МЕНЯ... насильником!

— Никто вас не обвиняет! — Льюису пришлось тоже повысить голос.

— Убирайтесь отсюда! Оставьте меня в покое!

— Успокойтесь! — крикнул Льюис, но Флеш резко повернулся, налетев на стеклянный столик в коридоре. Скрежет чего-то металлического по стеклу добавил полицейским неприятных впечатлений. В следующий момент Флеш распустил ремень и резким движением сдернул с себя юбку и трусы.

Моника Макдональд с трудом могла поверить, что смотрит на мужчину и видит анатомически безупречную женскую вульву, с которой и близко не могло сравниться все, что они видели на стриптиз-шоу.

— Может, теперь вы что-нибудь поймете! — выкрикнул Флеш, побагровев от гнева. — Я НЕ НАСИЛЬНИК! Я ЛЕСБИЯНКА!

Взрыв эмоций прошел, и без лишних слов Декстер Флеш опустил на пол возле стеклянного столика и заплакал.

Моника подошла к нему и, осторожно взяв за руку, помогла подняться. Но чудо косметики на его лице уже потекло и расплылось безобразными пятнами.

12.20

Сигнал поступил вскоре после полудня. Ближе всех к месту оказались Скарлетт и Спэн, пытавшиеся отыскать в разваливающемся доме в Ист-Бродвее шесть раз судимого педераста. Поймав сигнал по патрульному радио, они уже через пятнадцать минут прибыли туда, где их ожидала промокшая Моника Макдональд.

— Может быть заваруха, — сказала она. — Мы ждем Рабидовски.

— А где клуб? — спросила Спэн.

— За углом через квартал. Рыжий следит на ним.

— А что случилось? — Это уже спросил Скарлетт. Кэтрин Спэн из достала из кобуры свой 38-й и щелкнула затвором.

— Мы искали рокера по фамилии О'Брайан. Кличка «Бич». Он из Эдмонта, там ездил с «Варварами», но здесь перешел к «Железным черепам».

— Судимости есть? — спросила Спэн.

— Семь лет назад, пять и два в Калгари, за изнасилование и хулиганство. Опасный тип.

— Он в клубе?

— Да, вместе с еще десятью рокерами. Они подъехали сюда полчаса назад на мотоциклах и привезли с собой девушку. Похоже, она вовсе не хотела идти с ними. Возможно, похищение.

— Черт! А где Рабидовски?

В этот момент из-за угла вырулила полицейская машина, в которой сидел Бешеный Пес. Он вышел, и следом из фургона выскочили еще трое здоровяков с «ремингтонами».

— Кто знает, куда идти? — коротко спросил Рабидовски.

— Я, — ответила Моника.

— Тогда ты и Скарлетт со мной. Спэн, бери этих ребят и заходи справа. Когда я открою дверь, вбегайте все сразу. Понятно?

Спэн села за руль машины, трое подручных Рабидовски забрались назад, и они поехали направо. Сквозь пелену дождя впереди встало кирпичное обшарпанное здание, где правили бал «Железные черепа». Спэн едва успела затормозить, как фургон Рабидовски, вывернувшись из-за угла, с грохотом ударил в тяжелую дверь клуба.

— Давай! — крикнул Бешеный Пес, хватая револьвер.

Фургон прогрохотал семь футов по коридору и встал возле зала, где проходило торжество. Макдональд и Скарлетт тоже выскочили наружу.

В зале шла настоящая вакханалия.

В его центре возвышался восьмифутовый человеческий череп, украшенный железными пластинами. Из его глаз били мощные лучи прожекторов — единственный источник света в зале. В зубах мертвой головы, тоже сделанных из стали, был зажат топливный бак «Харлей-Дэвидсона».

Лицом к черепу стояла девушка, привязанная к железной решетке. Ее платье было разорвано в клочья. Возле нее, схватив ее одной рукой за волосы, а другой за грудь, стоял человек с лицом, покрытым шрамами. Его длинные волосы свисали сальными прядями; единственной одеждой была джинсовая куртка с оторванными рукавами и надписью на спине: «*Бойся варваров!*» Кожа его блестела от машинного масла.

До того, как появилась полиция, рокеры — а их было человек тридцать, — сидели на стульях, попивая пиво и глядя на представление. У всех у них были мощные мускулы, накачанные за годы возни с железом, и раздутые от многих литров пива животы.

Теперь все они вскочили и схватились за оружие. У большинства были цепи и бейсбольные биты. Первый подбежавший к Рабидовски уже готовился опустить ему на голову стальной прут, когда кулак Бешеного Пса швырнул его назад. Потом Рабидовски поднял свой «Геклер-энд-Кох» и выстрелил несколько раз в потолок.

Когда сверху полились капли дождя, Рик Скарлетт уже второй раз за день гаркнул:

— Стоять! Полиция!

И снова все замерли на месте.

Черное дерево

23.12

Они вошли в «Звонок из Лондона», одетые в штатское, и тут же окунулись в атмосферу пятидесятых.

Зал клуба был выстроен в конце второй мировой, пережил великую эру джаза и благополучно дожил до времени психоделики. В конце шестидесятых, при Никсоне, он был известен как «Синапс-цирк», и здесь выступала группа «Посмей стать великим». Теперь тут играли старый добрый английский рок-н-ролл — конечно, в американском стиле.

А сегодня героями дня были «Боги воду».

Когда они вошли, зажглись все огни. Оба полицейских сразу обратили внимание на деревянную конструкцию в задней части сцены, на которой держались прожектора и динамики. На ней были укреплены штук пятьдесят масок воду.

— Хочешь пива? — спросил Скарлетт.

— Конечно, — ответила Спэн. — В таком месте так и хочется покурить тайком в туалете и посмотреть фильм с Джеймсом Дином¹.

— А как насчет меня?

— Никак. Ты не Марлон Брандо.

¹ Американский киноактер, кумир молодежи, трагически погибший в 1955 г.

— О, не будь такой жестокой, — прорычал Рик голосом Пресли.

Они удачно заняли столик и теперь разглядывали посетителей. Большинство мужчин в зале были коротко подстрижены, некоторые с напомаженными коками. Некоторые носили пиджаки с широченными накладными плечами и галстуки-«гадючки».

Пока музыканты настраивали инструменты, Спэн изучила и женщин. Некоторые из них были одеты под Бренду Ли — красное атласное платье в обтяжку с широченным разрезом. Другие раскрасили волосы всеми цветами радуги, а тела утопали в широких мужских рубашках с выпущенным из брюк хвостиком. Были там и молоденькие девочки в мини-юбках, с густо подведенными глазами. Были и женщины средних лет с тяжелыми золотыми украшениями, курившие сигареты, держа их всей пятерней.

— Господи! — Скарлетт вернулся с пивом. — Ну и местечко! Такое впечатление, что на всю эту гору мускулов не наберется и унции мозгов. Сейчас возле сортира видел, как один тип тренировался в плеваннии сквозь зубы. Ну и картина!

Спэн отпила пиво и поставила кружку на стол. Только сейчас она заметила, что вся его поверхность исписана и изрезана. Должно быть, еще в 60-х кто-то вырезал классическое изречение тех лет: «Люди бывают странными, но не бывают плохими». Позже кто-то подписал внизу: «Еб твою мать!»

— Вон та дверь слева, — сказал Скарлетт. — Там у них гнездо.

Спэн взглянула на сцену. Там какой-то мужчина собирал маски и укладывал их в большие картонные коробки. Потом он подошел к двери и постучал. Дверь открылась — лишь на мгновение, — и оттуда выглянул высокий негр в желтом костюме.

— Похоже, это и есть Ракстроу. Типпл его описывал именно так.

— Подождем, пока погасят свет. Тогда и нанесем им визит, — Рик Скарлетт ладонью стер с губ остатки пива.

Во время ожидания Рик пытался определить музыку, доносящуюся из динамиков. Многого он не знал, но большинство старых вещей сумел вспомнить — Карп Перкинс, Джин Винсент, Эдди Кохрэн. Когда играли «Вверх по медленной реке» в новомодной аранжировке, какая-то женщина предложила Спэн сигарету с марихуаной.

— Спасибо, — сказала Спэн. — Я уже улетаю.

— Как хочешь, — женщина пожала плечами.

— Мы пропустили начало. Как они?

— Тебе нравится рокабилли? С воду и всеми этими колдовскими штучками?

— Конечно.

— Тогда «Боги воду» — это твое. У них два барабана и тарелки. Мне-то не очень...

Внезапно свет погас, и она замолчала на полуслове. Раздались крики, топот и свист. Потом тонкий луч прожектора выхватил из темноты школьную доску с написанными на ней мелом словами: «*Сотрем уроки жизни!*» Из динамиков раздался голос ведущего:

— Сегодня у нас первый и единственный раз! «Боги воду» приветствуют Ванкувер!

Рука, высунувшаяся из-за доски, провела по ней ногтями, стирая надпись. Микрофон усилил звук в миллион раз, и Рик Скарлетт скривился. Снова вспыхнул свет, и возрожденный Бадди Холли запел «Сегодня хорошо повеселимся».

— Пошли, — сказал Скарлетт.

Они встали и направились к левой стене. Когда они приблизились к двери, Спэн начала изображать пьяную и повисла на плече у Рика. Потом она налетела на стоявшего у двери охранника, и, пока тот пытался ее оттолкнуть, Скарлетт распахнул дверь.

В центре маленькой комнаты двое мужчин — белый и черный, — склонились над зеркалом, на которое был насыпан кокаин.

— Полиция! — крикнул Рик, и белый от неожиданности вдохнул порошок в легкие. Он тут же начал кашлять

и давиться. Остаток кокаина взлетел над столом серебристым облачком.

— Эй, в чем дело? — спросил Желтый Костюм, увидев входящую следом Спэн. Она коротким ударом в живот отбросила кинувшегося за ней охранника и захлопнула дверь.

— Полегче, — сказал Скарлетт, — и никто вам ничего не сделает.

Кроме этих двоих, в комнате было еще шестеро негров — все в кожаных куртках и с коками, как у Литтл Ричарда. Повсюду валялись гитары и барабаны, а на столе лежало несколько масок воду. Теперь они пустыми глазами смотрели на Желтого Пиджака, который молча ждал развития событий.

— Мы ищем Джона Линкольна Харди, — сказал Скарлетт.

— Вы же видите, что его здесь нет.

— А вы кто?

Желтый Пиджак помолчал, потом ответил:

— Ракстроу. Стив Ракстроу.

— А он? — Скарлетт кивнул в сторону продолжающего кашлять белого.

— Спросите его.

— Я повторяю вопрос: кто он?

— Это наш барабанщик. Шли бы лучше посмотрели концерт.

— Где Харди?

— Понятия не имею. Я ему не сторож.

— Кэти, сколько здесь было этой дряни?

— Где-то полторы унции.

— Хранение наркотических веществ, Ракстроу.

— Не докажете. Я иду звонить адвокату.

— Звоните. Наркотики здесь, вы здесь.

— Ваших показаний недостаточно.

— Это вы будете объяснять судье.

Несколько секунд Ракстроу думал. На всех пальцах у него были массивные перстни. Его мощная фигура была втиснута в элегантный костюм с зауженной талией. К

верхней губе будто приклеены тонкие усики, которые теперь презрительно топорщились.

— Ладно, — сказал он наконец. — Поговорим наедине.

— Где? — спросил Скарлетт.

Негр указал на туалет справа. Они с Риком прошли туда, закрыв за собой дверь.

— Зачем вам Джонни? Вы знаете, что он мой кузен?

— Знаю.

— Так в чем дело? — Ракстроу сел на раковину, поставив одну ногу на унитаз.

— Одну из его подружек зверски убили. Мы ищем, кто бы это мог сделать. Известно, что Харди был ее сутенером и снабжал ее наркотиками.

— Ладно. Вы не трогаете меня и ребят, а я через пару дней сведу вас с Харди.

— А где он сейчас?

— Сперва договоримся.

Рик задумался. В такую же игру они играли с индейцем — и проиграли. Но сейчас игрок был другим.

— Предлагаю так. Мы забираем этих двоих, а остальных отпускаем. Их мы отпустим только после встречи с Харди.

— Слушай, начальник, пойми мое положение. У меня турне по сорока городам, и этим парням нужно играть. Они не могут сидеть в кутузке. Вот смотри, — он достал из кармана график. — Ты знаешь, где я буду, и знаешь, что я никуда не денусь. Не трогай их.

Скарлетт поглядел на бумагу.

— Ладно, пойдем на компромисс. Забираю только порошок. И еще — в качестве выкупа я хочу одну из этих масок.

Ракстроу нахмурился:

— Вы не знаете, что просите. Каждой из них больше ста лет. Это уникальные вещи.

— Тогда я возьму две. Иначе потребую таможенную декларацию. Они ведь не здесь сделаны.

— Это произведения искусства. На них не заполняют декларацию.

— Значит, вы не платили налог. Повод найдется.

Ракстроу вздохнул.

— Так где Харди?

— В Лос-Анджелесе.

— Что он там делает?

— Ищет новые записи.

— Когда вернется?

— Не знаю.

— Ладно. Достанете нам Харди — отдаем маски и снимаем все обвинения. Не достаете — привлекаем всю вашу контору. Согласны?

— Черт. Ладно, согласен.

Они вышли из туалета. Скарлетт и Спэн записали имена всех присутствующих и собрали весь рассыпанный порошок, какой смогли. Потом Скарлетт прошелся вдоль шеренги масок и выбрал черного демона с издевательски высунутым языком. Когда он брал маску, она едва не выскользнула у него из рук.

— Боже! — крикнул Ракстроу. — Вы что, не можете осторожнее? Это же культура моего народа! И дерево здесь не простое.

Скарлетт знал. Это было резное черное дерево.

Новые подарки

Пятница, 5 ноября, 24.22

Роберт Деклерк вернулся домой, когда Женестьева уже спала. Он долго стоял в дверях спальни, слушая мерное дыхание жены. Его тень падала на постель, как будто там лежал кто-то еще. Другой мужчина.

Он подумал, как давно они не занимались любовью. Внезапно на него нахлынуло отчаяние, и в этот краткий миг он от всей души пожалел, что вернулся в полицию. Ему хотелось, чтобы она сейчас проснулась, и они любили бы друг друга всю ночь, не думая, что чуть свет ему придется вставать. Хотел потом лежать с ней рядом и болтать о всяких пустяках. Хотел закончить книгу о первой мировой войне. Хотел... *«Да, если бы желания были лошадьми, все бедняки ездили бы верхом»*, — подумал он.

Отвернувшись, он вышел в холл. Он привез с собой из штаба несколько пачек документов, чтобы поработать с ними дома. Теперь бумаги, казалось, стали в десять раз тяжелее. Он едва дотащил их от машины. Голова у него болела, а ноги будто налились свинцом.

Весь день Деклерк анализировал результаты облавы. С каждым новым арестом в его кабинет поступали отчеты и протоколы допросов. К концу дня он пришел в уныние только от одного количества ненормальных и преступников на улицах города.

«Завтра. Разберусь со всем этим завтра», — подумал он и вспомнил, что завтра уже наступило.

Он перетащил бумаги в теплицу, думая, не найдут ли этой ночью очередную жертву Охотника.

Среди бумаг он обнаружил выписанную им справку о гематомании. Никогда раньше он не знал, что вампиризм имеет медицинское подтверждение. Некий Джон Джордж Хейг, совершивший в 1949 г. восемь убийств, набирал из шеи каждой жертвы по бокалу крови и выпивал ее. *«Может, Охотник тоже страдает этим? —* подумал он. *— Нужно поискать сообщения на эту тему».*

На столе он заметил стопку из пяти книг, которых не было утром. Все книги были в роскошных кожаных переплетах и поддерживались двумя бронзовыми подставками, одна из которых изображала улыбающегося толстяка.

Деклерк раскрыл одну из книг. Это были: «Лучшие романы о Ниро Вулфе¹». На первой странице красовалось изображение великого сыщика, сидящего в своей теплице среди орхидей и ждущего, без сомнения, возвращения верного Арчи Гудвина. Напротив красивым почерком его жены было выведено: «Лучшему сыщику из всех. С любовью. Жёневева».

Суперинтендант улыбнулся. Он помнил, что она сказала ему утром. *«Прошу тебя, относись к этому легче».*

— Хорошо, — прошептал он. — Я попробую.

Он вышел из теплицы в гостиную. Он знал, что, несмотря на усталость, не сможет сразу заснуть. Сначала ему надо успокоиться.

Он нашел среди пластинок вальс Шопена, поставил звук на минимум и сел перед проигрывателем. Через три минуты он уже спал.

¹ Знаменитый сыщик, герой романов Рекса Стаута.

Бывают удачные дни и не очень. В жизни всегда так.

Моника Макдональд и Рыжий Льюис вернулись в штаб только без двадцати час. Большую часть дня они снимали показания с рокеров, задержанных в клубе «Железных черепов». Потом опять выехали на операцию и до вечера задержали еще шестерых подозрительных. Все это их совершенно вымотало.

— Увидимся в восемь, — сказал Льюис.

— До скорого, — Моника села в свою «Хонду» и уехала.

Ее путь пролегал мимо ночного клуба «Киска». На входе красовалась неоновая надпись: «Наши девочки снимают все».

Моника не собиралась туда заходить. Больше всего ее в этот момент манили постель и мягкая-мягкая подушка. Но тут над всем этим встало измученное лицо Роберта Деклерка, и она услышала его слова: *«Вы должны охранять закон, чего бы вам это ни стоило»*. Вздохнув, она подъехала к входу. Покопавшись на заднем сиденье, нашла джинсы и свитер и быстро переоделась. Потом вышла и зашла в дверь клуба.

— Женский день у нас в четверг, — сказал хмурый швейцар.

— Спасибо. Но я все равно войду.

— Как хотите. По-моему, вам тут не место.

Войдя в зал, она обнаружила обнаженную стриптизерку, извивающуюся перед толпой мужчин. Они напряженно глядели ей между ног. В вагине у женщины торчала сигарета, из которой шел дым.

Моника уже пожалела, что зашла сюда, как вдруг сердце ее подпрыгнуло.

В первом ряду мужчин сидел Мэттью Пол Питта.

Особое наблюдение

7.45

Поднявшись в свой кабинет, Деклерк обнаружил, что у двери его ждут пять человек. Четверо были члены отряда, пятая — незнакомая женщина. На нее суперинтендант и обратил внимание прежде всего.

После сна Деклерк* чувствовал себя лучше, хотя ему опять снился тот же кошмар. Он был готов подвести итоги облавы и надеялся на прорыв в расследовании. Но даже если его не будет, нужно засучить рукава и работать. В этом и заключается мудрость жизни.

— Я Деклерк, — представился он. — Руководжу расследованием.

— Меня зовут Энид Портмэн. Я мать Джоанны.

«Идиот!» — пронеслось в голове Деклерка. Женщина сидела прямо под фото головы своей дочери на шесте. Как он мог не узнать ее? И как он мог устроить в своем кабинете эту нелепую выставку?

— Простите, что до сих пор мы не расследовали убийство вашей дочери, — сказал он. — Я понимаю, как вам тяжело.

Энид Портмэн было лет пятьдесят пять, но ее волосы уже совершенно поседели. По ее покрасневшим глазам он понял, сколько слез она пролила.

Любой полицейский скажет вам, что самая тяжелая часть его работы — сообщать родным, что их муж, сын, брат больше никогда не придет домой. К этому никогда не

привыкнешь, и каждый раз все происходит по-разному. Иногда матери молча идут на кухню и заваривают чай. Иногда раздражаются истерическим смехом и кричат: «За что? Почему он?» Иногда приходится терпеть оскорбления и даже побои. Каждый полицейский знает о разнообразии эмоций, вызываемых сообщением о смерти. Что можно сказать вдове, потерявшей единственную дочь? Что она еще может выйти замуж и завести детей? *«Не в пятьдесят пять лет»*, — мрачно подумал Деклерк.

— Ее еще будут резать? — спросила Энид Портмэн.

— Да. Будет еще одно вскрытие.

— Это ее фото на стене?

— Да. Простите. Может быть, мы не должны...

— Все в порядке, суперинтендант. Я не буду ни плакать, ни падать в обморок. Мне есть чем занять остаток жизни. Конечно, я разозлилась, когда ваши люди сняли ее тело с поезда, но это прошло. Я буду только рада, если ее вскрытие поможет вам найти убийцу.

Деклерк сглотнул и обнаружил, что горло у него совсем пересохло.

— Я надеюсь, что моя дочь когда-нибудь успокоится. Но этого не произойдет, пока вы не отыщете ее голову.

— Мы отыщем ее, — сказал Деклерк.

Женщина подняла на него глаза, сдерживая слезы.

— И еще, — сказала она. — Мне кажется, что у моей дочери был приятель, хотя она никогда об этом не говорила. Думаю, вам нужно об этом знать.

— Конечно. Но откуда вам это известно?

— Сердце матери.

Суперинтендант нажал на вызов инспектора Макдугалла.

— Вы хотите сделать заявление?

— Да. Скажите, вы француз?

— Да.

— Католик?

— Да, — солгал Деклерк.

— Я тоже. Скажите, колебались ли вы в вашей вере?

— Двенадцать лет назад моих жену и дочь похитили, а потом убили.

Женщина медленно кивнула.

— Мой отец и муж утонули. Десять лет я работала в миссии в Риджайне. Я всегда думала, что Бог печалится, глядя на землю и видя здесь так много религии и так мало христианства. Понимаете, о чем я? Религия — это только слова, а христианство — дело.

Тут в комнату вошел Макдугалл Энид Портмэн встала.

— Но я больше в это не верю, — сказала она. — Я перестала верить в Бога.

«Я тоже», — подумал Деклерк, глядя как она идет к двери.

Пока суперинтендант говорил с миссис Портмэн, Рабидовски, Скарлетт, Льюис и Спэн оставались снаружи. Оба патруля обменивались новостями и теориями, а Бешеный Пес рассказывал, что творится в главном отделении. Моники Макдональд не было — как раз в это время она преследовала Мэттью Пола Питта.

Когда Деклерк, наконец, пустил их, первое, что он увидел, была маска. Скарлетт держал ее в правой руке.

Через полчаса суперинтендант смог обдумать услышанное. Он не очень верил, что рокеры имеют отношение к убийствам, как утверждал Рабидовски. Конечно, убийство могло входить в обряд посвящения, и несколько рокерских клубов в Штатах занимались этим. А отрезанные головы могли как-то быть связаны с символикой «Железного черепа». Но ему уже доложили, что у Спецотдела «Е» имеется агент в группировке и он утверждает, что «Черепа» тут ни при чем.

Вот Мэттью Пол Питта — совсем другое дело. Этот человек, по всей вероятности, уже совершал убийства и вполне мог заняться этим снова. Опыт подсказывал Деклерку, что его лучше не арестовывать сразу, а проследить за ним, и он может вывести к целой пирамиде отрезанных голов.

Он взглянул на Рыжего Льюиса и Рабидовски. Трудно поверить, что два таких несхожих человека могут работать в одной организации. Но Деклерк всегда старался

подбирать сотрудников именно по принципу взаимной дополняемости. «Равновесие» было его любимым словом. Так и здесь — медлительный здравый смысл Льюиса отлично дополнял реакцию и хватку Бешеного Пса.

— И где сейчас этот Питта? — спросил он.

— Не знаю, сэр, но моя напарница следит за ним. Ночью она сообщила, что застучала его в ночном клубе «Киска». Мы несколько дней искали его.

Деклерк поглядел на лежащий перед ним отчет.

— Хорошо. Я выделяю ваше дело и вызываю ОН.

Он повернулся к Скарлетту и Спэн. При взгляде на женщину у него промелькнула странная мысль. «*Могла бы Дженни стать такой?*» — подумал он. Он включил Кэтрин Спэн в отряд из-за ее служебной характеристики, где отмечались ее смелость и самообладание. Особенно она отличилась во время командировки в Иран. В скором времени эти качества могли поднять ее достаточно высоко по служебной лестнице.

Рик Скарлетт для полицейского был чересчур самоуверен и негибок. Но эта негибкость делала его абсолютно надежным в вопросах служебной этики. Так что и здесь принцип дополняемости оправдывал себя.

Харди представлялся Деклерку самым перспективным направлением. Благодаря Скарлетту и Спэн его удалось связать с Грабовски и с перевозкой героина, а Типпл с его записями позволил соединить культ воду с обычаем транспортировки героина в человеческих черепах. Найденное черное дерево, возможно, было как-то связано с находкой Авакумовича. Теперь стоял вопрос о том, какую роль во всем этом играет Нью-Орлеан.

Неплохо бы выяснить, и лучше всего это смогут сделать эти двое.

— Жаль, что не могу поехать с вами.

— Сэр? — Спэн нахмурилась.

— Мои предки жили в Луизиане. Мой отец там родился.

Спэн коротко кивнула. Глаза Скарлетта горели воодушевлением.

— Значит, вы пришли ко мне за разрешением?
— Да, сэр.
— Что ж, вы его получили. Можете лететь в Нью-Орлеан.

11.20

ОН — особое наблюдение, — впервые было применено в деле Клиффорда Олсона. Ядро этой группы составляли десять человек, и о ее существовании мало кто знал даже в полиции. Техника, которую они применяли, была заимствована из опыта английской, американской и израильской спецслужб, но кое-что они придумали и сами. Их арсенал включал компьютеры, инфракрасные камеры, гироскопические бинокли. По одному только подозрению ОН могло направить до сотни людей на слежку за любым человеком.

В 11.20 утра они сменили уставшую Монику Макдональд и начали следить за Мэттью Полом Питта.

Об этой операции знало только руководство КККП.

Королева

НЬЮ-ОРЛЕАН, ЛУИЗИАНА

Суббота, 6 ноября, 15.45

— Ты бывал здесь? — спросила Кэтрин Спэн.

— Только однажды, с отцом — ответил Рик Скарлетт. — Очень давно.

Они долетели на самолете «Эйр Канада» до Сиэтла и там пересели на борт «Интерн Эйрлайнз». Когда самолет уже приземлялся на аэродроме Муасан, Скарлетт взглянул в окно и увидел зеленый океан, в котором там и сям поблескивали прожилки воды. Сеть шлюзов и дренажных станций сводила болота в каналы, которые, в свою очередь, вливались в озеро Поншартрен.

Их встретили двое мужчин, абсолютно не похожих друг на друга. Один, Люк Уэнтворт из ФБР, был белым с короткими рыжеватыми волосами и выдающимся вперед подбородком. Он носил серебристые солнечные очки и шикарный голубой костюм, стоивший не менее тысячи долларов. Спэн он почему-то показался похожим на Пола Ньюмэна.

Черный же смутно напоминал ей Мартина Лютера Кинга. Он представился Джоном Джефферсоном из местной полиции.

— Добро пожаловать в Нью-Орлеан, — сказал он голосом, тягучим, как расплавленное железо.

Канадцы кивнули и обменялись рукопожатиями.

— Я слышал, там, откуда вы приехали, все время идет дождь, — заметил фэбээровец.

— Идет, — кивнула Спэн.

— Это плохо. Терпеть не могу дождь.

Едва выехав из аэропорта, Скарлетт и Спэн сразу вспотели. День был ясным, а воздух — жарким и влажным. Лицо Уэнтворта тоже покраснело, и по щекам поползли капельки пота. Джефферсон, однако, не обращал на жару никакого внимания.

Когда они въехали в город, Скарлетт заметил:

— Эта жара, похоже, плохо действует на людей. Тут много кладбищ.

— Это еще что, — сказал Джефферсон. — Всего в городе их больше тридцати. Нью-Орлеан больше похож на город мертвых, чем живых. Могилы строят под землей из-за сырости. Тут нельзя выкопать яму, чтобы она тут же не наполнилась водой. В колониальные времена гробницы делались, как настоящие дома, с крышей и окнами. Таких много на первом городском кладбище Святого Луи.

— Это там похоронена Мари Лаво? — спросила Спэн.

— Вероятно, но некоторые считают, что ее похоронили в безымянной могиле на втором кладбище Святого Луи. Надгробия сохранились в обоих местах — крест, усыпанный кирпичной крошкой.

— А кто такая Мари Лаво? — спросил Скарлетт.

— О, — Джефферсон повернулся к ним, на секунду выпустив руль. — А мне сказали, что вы интересуетесь водой.

— Я — да, — сказала Спэн, улыбаясь. — А мой друг таскает сумки.

Лицо Скарлетта побагровело, но он ничего не сказал.

— Мари Лаво, — пояснил Джефферсон — была мулаткой и Великой Королевой воду.

— Воду! — фыркнул Уэнтворт. — Кусок дерьма! — это были его первые слова за всю дорогу. В основном он смотрел в окно и явно находил общество гостей скучным.

— Что ж, — сказал Джефферсон, игнорируя мнение джентльмена из ФБР, — если вас интересует вода, я к вашим услугам. Что вы хотите узнать?

— Насколько оно распространено сегодня? — спросила Спэн.

— Очень широко и очень далеко от своих корней. Правда, чистый культ еще существует. И, конечно, остается Гаити.

— Скажите, в этом есть что-то? Понимаете меня? — вопрос удивил Скарлетта и заставил Уэнтворта оторваться от созерцания луизианских пейзажей.

— Сам я родился в Филадельфии, — улыбнулся Джефферсон, — но мой кузен вырос здесь, в маленьком луизианском городке. Я навестил его однажды, когда мне было лет восемь или девять. Тогда я и узнал, что в этом городишке было несколько докторов худу и колдунов. Внешне они не отличались от других, но к ним ездило много людей, даже из соседних штатов. Один из этих колдунов заходил иногда к моей бабушке, и тогда нас с братом выгоняли играть на улицу. Даже мой отец, хоть и получил хорошее по тем временам для черного образование, уважал эти южные обычаи.

Справа Спэн увидела громадный Луизианский супердом, похожий на приземлившееся летающее блюдце.

— На Гаити правда жутко, — продолжал Джефферсон. — Вечером на перекрестке я видел там двоих мужчин, одного в белом, другого в черном, которые кружились без остановки, спина к спине, как сиамские близнецы. Колдуны — там их называют «зобоп», — организуются в группы наподобие масонских лож. Они собираются по зову барабанов на перекрестках и совершают свои церемонии. Гаитяне верят, что можно увидеть едущий пустой автомобиль, который ведет невидимый зобоп.

Уэнтворт достал платок и с шумом высморкался.

— На одной из наших пленок имеется фраза «зомби пошел». Можете объяснить, что это значит?

— Это долгая история.

— Так начинайте сейчас.

— На перекрестках они оживляют зомби путем пролития крови. Я, конечно, не думаю, что вы в это верите...

— Не верю, — подтвердила Кэтрин Спэн.

— ...но основная версия такова. Человеку, который должен стать зомби, сначала дают яд. В тот же день его хоронят — не забудьте, что это жаркая страна, — а на другой день зобопы собираются на кладбище и оживляют его. Когда он выходит из земли, ему дают лекарство, изгоняющее яд, и он становится кататоником, чем-то вроде чудовища Франкенштейна. Потом его заковывают в кандалы, чтобы он не сбежал, — и у зобопы появляется раб.

— Значит, вот как у вас развлекаются? — спросил Уэнтворт. — Ездят охотиться на зомби?

«Достал», — подумала Спэн с раздражением.

— А зомби на Гаити действительно убивают людей? — спросила она.

— Говорят, что несколько человек в год. Но они же просто орудия, они не делают это сознательно. Их посылает зобоп, и они иногда приносят ему какой-нибудь знак того, что работа сделана.

— Интересно, — сказала Спэн.

— Завтра советую съездить в парк Чэлметт, — вставил Уэнтворт.

— А что там?

— Место битвы при Нью-Орлеане, где Энди Джексон расколошматил проклятых англичан.

— Люк, — Джефферсон с улыбкой повернулся к нему, — почему бы тебе не засунуть свой изысканный язык туда, где солнце светит не так ярко?

Уэнтворт в ответ только ухмыльнулся.

— Ну вот, все это идет с Гаити. И, конечно, она оттуда.

— Кто?

— Нынешняя Королева воду.

— Не знала, что она сейчас есть, — призналась Спэн.

Второй раз за время поездки Джон Джефферсон отошел от руля и поглядел на нее.

— Вы ищете Джона Линкольна Харди, — сказал он. — Он вырос в Штатах, но его семья не отсюда. Его мачеха три года назад приехала с Гаити. Ходят слухи, что она и есть наша новая королева. Я думал, что вы об этом знаете.

— Нет, — сказала Спэн. — Мы этого не знали.

Полицейские любят показывать достижения.

В нью-орлеанской полиции обрадовались случаю продемонстрировать канадским гостям свое искусство.

— Вам дается по машине. Смотрите, не разгрохайте, — сказал Эрни Ходж. — В машине «электрические зубы», уже настроенные, так что не перенастраивайте их. Не спугните рыбку и не гоняйтесь сразу за несколькими. Понятно?

— Да, — ответили хором Скарлетт и Спэн.

Эрни Ходж имел четыре подбородка и лицо, которое Рабидовски наверняка назвал бы «бүдкой». Когда он говорил — исключительно на полицейском жаргоне, — изо рта у него брызгала слюна. Что-то в его маленьких глазках заставляло канадцев думать, что его предки с особым наслаждением секли своих рабов. Но полицейским он был отменным; они вынуждены были это признать.

— Тогда послушайте еще три требования. Во-первых, не стрелять без крайней необходимости. Потом будет масса хлопот. Во-вторых, самим никого не задерживать, а дожидаться наших. У нас закон строже в отношении процедуры ареста, чем у вас. И, в-третьих, будьте осторожны. Я вовсе не хочу, чтобы вы отправились кормить рыб. Если они будут уходить за город, свяжитесь с полицией штата. Но тоже в крайнем случае — время вертолетов дорого стоит. Вопросы есть?

— Есть, — сказал Скарлетт, усмехаясь. — Что мы можем делать?

— Можете делать все сами, если хотите.

— Чтобы вы знали, — вставил Уэнтворт, — это говенная работенка.

Эрни Ходж нахмурился. Было ясно, что Уэнтворт и ему не нравится.

— Ладно, — сказала Спэн. — Так где же Джон Линкольн Харди?

Они находились в районе трущоб на берегу Миссисипи. Музыка из баров повисла в напоенном влагой воздухе, сладкая и неотвязная, как запах ночных цветов.

— Четырьмя кварталами вниз по реке вы увидите Джефферсона в машине. Напротив будет аптека, перед которой стоят четыре автомобиля. Харди там со своими приятелями. Поверьте, что это самая странная аптека из всех, какие вы видели.

— Может, и нет, — сказала Спэн, садясь в машину. — В нашем холодном городе есть китайский квартал.

Она включила зажигание.

— Странно, что они отпустили нас без «хвоста», — заметил Рик Скарлетт.

— Это ФБР. Они хотят иметь свободу рук в Канаде.

— Думаешь, поэтому старина Ходж так нервничал?

— Конечно. Если что случится, они его затаскают.

— А как тебе наш Люк Твердая Рука?

— Задница, — лаконично ответила Спэн.

— С чего бы он в такую жару запаковался в костюм? Наверняка у него там «Беретта» или что-нибудь еще более экзотическое.

— Ага, как у Джеймса Бонда.

— И как такого урода держат в ФБР?

— Не знаю. Вид у него скользкий. Не удивлюсь, если по вечерам он подглядывает за раздетыми девицами в соседских окнах.

Рик Скарлетт моргнул.

— Хочешь сэндвич? — спросил он, чтобы сменить тему.

Было все еще жарко. Они купили по большой бутылке апельсинового сока и устроились в проулке неподалеку от аптеки. В соседнем доме с глиняными стенами и ржавой жестяной крышей никто не жил; дверь была сорвана с петель и валялась внутри. Дальше на веранде сидел старик в кресле-качалке. Иногда слышался треск орехов, падающих с деревьев.

Аптека располагалась между двумя маленькими кладбищами.

Среди белых надгробных камней возвышались кое-где монументальные чугунные гробницы. В аптеке за плотно закрытыми ставнями горел свет.

Оставив Спэн в машине, Рик Скарлетт прошелся по улице и зашел в магазин. Над прилавком висела надпись: *«Правила запрещают распивать спиртное перед магазином»*. Он купил два сэндвича: для Спэн с креветками и майонезом по-французски, для себя с устрицами. Себе он купил еще бумажный стаканчик кофе, который выпил на обратном пути. Кофе отдавал цикорием.

Спэн наблюдала за аптекой в бинокль, который передала ему в обмен на сэндвич. Он заглянул в него и увидел, что аптека была грязной и старой, с облезшей краской. Над прилавком громоздилась такая же облезлая полка с книгами и какими-то корнями. Внутри находилось несколько человек, в основном старухи в белом. Они расположились прямо на полу, куря сигары и перебирая артритическими пальцами какие-то маленькие свертки. По-видимому, их сняли с устроенного в глубине комнаты алтаря. Скарлетт разглядел статую, окруженную дешевыми олеографиями Св. Петра, Св. Георга и Св. Патрика. Вокруг алтаря на полу стояли бутылки рома и вермута вперемежку с маленькими фарфоровыми горшочками. Тут к сидящим присоединилась еще одна старуха, одетая в белое, которая держалась руками за голову.

И тут же из двери показались двое. Одна, старая женщина лет семидесяти пяти, была в выцветшем халате и черных лаковых туфлях. Ее седые редкие волосы были связаны сзади в пучок. Зайдя за прилавок, она указала на висящие на стене семь барабанов, четыре из которых были выкрашены зеленым. Потом — на висящий там же кнут.

Второй из вошедших, мужчина, начал снимать барабаны.

— Вот он, — сказал Скарлетт. Мужчина был Джоном Линкольном Харди.

Спэн посмотрела на часы:

— Помнишь запись разговора? «Варево закипит к полуночи».

Что-то должно случиться, и ждать осталось недолго.

Все четыре машины отъехали в 23.00.

Скарлетт и Спэн насчитали семнадцать человек — пятнадцать черных и двух белых, причем все, кроме двух, были женщины.

— Поехали за ними, — сказал Скарлетт. — Если они разделятся, мы сможем проследить.

Каждый из них сел в свою машину и достал «электрические зубы», о которых говорил Ходж. Они имели небольшой экран, на котором высвечивалась та часть города, где они находились. На картах мигали четыре маленьких огонька — преследуемые машины, — а дисплей сбоку отмечал расстояние до них.

Рик Скарлетт и Кэтрин Спэн следовали за Харди до границ города и дальше — в глубь страны «кажунов»¹.

В Луизиане граница между землей и водой весьма условна. Заболоченные рукава рек и речушек, извиваясь, сплетаются между собой и превращают местность в лабиринт, где потеряться — значит пропасть. Там, среди гниения и сырости, в дебрях тростника и пальм, ужас приходит быстро, а следом приходит смерть.

За городом Хума кортеж машин свернул с шоссе на еле заметную проселочную дорогу. Вокруг нее стояли полуразвалившиеся хижины, распространяющие кругом себя густой аромат рыбы, дерьма и отбросов. Вокруг росли манговые деревья с тяжелыми гроздьями плодов. Через несколько миль хижины пропали, и остались только четыре машины среди бескрайних болот.

Полицейские выключили фары и ехали дальше при свете луны, направляемые «электрическими зубами». Через двадцать минут точки на карте остановились.

¹ Так называют потомков французских колонистов в Луизиане

Уже десять миль вокруг них не было никакого жилья. Может быть, не было и дороги, по которой они ехали прежде.

Скарлетт и Спэн отъехали вправо и остановили машины так, чтобы их нельзя было заметить с дороги. Рик выскочил из машины и подбежал к Спэн.

— Пошли скорее, не то они уйдут! — он указал влево, где за деревьями виднелись уходящие вдаль факелы.

Когда они вышли на дорогу, свет уже исчез. Осторожно, на случай, если ушедшие оставили сторожа, они подоברались к четырем машинам. Там никого не было, и полицейские отправились следом. Вокруг возвышались огромные кипарисы, покрытые мхом. После первых же шагов Скарлетт и Спэн погрузились в воду по колено, потом по грудь, соображая, водятся ли в этой части Луизианы водяные змеи.

— Что это? — Скарлетт резко остановился.

Перед ними возвышалась груда камней, похожая на остатки какого-то странного монумента. За нею виднелись несколько хижин, перед которыми стояла виселица со свисавшими с нее костями.

В этот момент из-за деревьев донеслись первые удары барабанов — рокочущий, неумолимый звук «бум... бум... бум».

— Мы их нашли, — прошептал Скарлетт. — Пойдем поглядим.

Воскресенье, 7 ноября, 0.07

Пригнувшись, они проскользнули мимо молчаливых хижин и направились к месту, откуда доносился барабанный бой. Каждый раз, когда барабаны замолкали, они слышали монотонные, леденящие душу песнопения. Порой вырывался пронзительный вскрик, от которого волосы вставали дыбом. За деревьями открылся островок среди болота, на котором, насколько они могли видеть, располагалось кладбище — быть может, первое в Луизи-

ане кладбище беглых рабов. Из земли, как гнилые зубы, торчали покосившиеся надгробия.

Следующие двадцать минут ни Скарлетт, ни Спэн не проронили ни слова. Скорчившись в три погибели на опушке леса, они наблюдали за тем, что происходило на острове.

Там горел костер, и вокруг него плясали семь обнаженных фигур — одна из них белая. Круг танцоров обрамляли виселицы, такие же, как те, что стояли у хижин, и с каждой свисало еще дергающееся тело козы. Одна коза была еще жива, и время от времени воздух оглашали ее пронзительные крики. Земля вокруг виселиц была усыпана сотнями черепов, среди которых двигались танцоры, подчиняясь ритму не умолкающих барабанов.

Коза испустила последний крик и издохла.

Потом чей-то голос выкрикнул слово «Дамбалла!», и хор ответил:

— Кровь, стань серебром!

В круг танцующих ворвался мужчина со змеей на шее. «Бум... бум... бум», — били барабаны.

Скарлетт тронул Спэн за мокрое грязное плечо и указал вправо.

В двадцати футах от костра стоял приземистый квадратный мавзолей — единственное сооружение на острове. Он был сделан из блестящего в свете луны белого камня, и одна сторона его казалась красной в отблесках костра.

Вокруг сооружения сидели две группы людей. Одну составляло четверо барабанщиков, а вторую — четыре женщины в резных деревянных масках, изображающих демонов. В руках они перебирали красные свертки ткани. На вершине, скрестив ноги, сидела та самая старуха в халате из аптеки. Одна ее рука была вытянута в сторону мужчины со змеей.

Рядом с ней стоял Джон Линкольн Харди, сжимающий в руке кость.

«Бум... бум... бум», — грохотали барабаны.

Внезапно барабанщики прекратили выбивать общий ритм и начали стучать вразнобой, как бы переговариваясь

друг с другом. Это привело танцующих в совершенное неистовство.

«Бум-бум... бум... бум... бум-бум-бум... бум».

Человек со змеей — «Дамбалла!» — приблизился к гробнице — «Дамбалла!» — и старуха на вершине поднялась.

— Дам — бум-бум — Ба — бум — Ла!

Бум... бум...

Старуха задрала халат вверх, и лунный свет осветил ее дряблые груди и складки жира на животе.

Она раздвинула ноги.

Бум... бум...

Ее голова откинулась назад; руки взметнулись вверх, словно пытаясь схватить луну.

Бум...

Она выпятила живот. Низ его густо покрывали спутанные седые волосы, спускаясь между ног, как побеги плюща.

«Господи!» — подумала Скарлетт, когда мужчина поднял змею к ногам старухи.

— Дам — бал — ла! Дам — бал — ла! — запели женщины в масках.

Джон Линкольн Харди подобрал с земли череп и начал бить по нему костью. Старуха наклонилась вперед и легла на гробницу, раскинув ноги и придавив голову змеи к своему животу. Она принялась сводить и разводить бедра в такт ритма барабанов; четыре женщины в масках тоже сорвали с себя одежду и начали ритмично раскачиваться.

Когда мужчина отпустил змею, Спэн невольно закрыла глаза.

Открыв их, она увидела, что змея, длина которой составляла не менее шести футов, проскользнула к шее колдуньи и обвилась вокруг нее.

— Ползи, Дамбалла! — прохрипела старуха.

Тут человек, принесший змею, начал бешено извиваться, высоко подпрыгивая в воздух. Лицо его потеряло всякое выражение. Его мускулы цепенели один за другим, пока внезапно он не замер после очередного прыжка.

Одна из женщин подтанцевала к нему и обернула вокруг его талии зеленый платок, а через плечо перекинула красную перевязь, другой конец которой завязала на груди. Потом она вложила ему в руку мачете, и он снова начал двигаться.

Бум... бум-бум... бум-бум... бум-бум...

Старуха наверху испустила хриплый вопль оргазма.

Джон Линкольн Харди отбросил череп и подошел к ней с костью в руке. На какой-то момент Рикку Скарлетту показалось, что кость светится, но потом все исчезло. Он костью подхватил змею под брюхо и ловко сунул ее в мешок.

Позади Скарлетт услышал, как Спэн с облегчением вздохнула.

«Боишься змей? — подумал он. — Ничего, леди, когда-нибудь я подсуну вам змею, которая вам понравится».

Из кольца танцующих донесся стон.

Одна из женщин вырвалась из круга и начала плясать перед мавзолеем, вертясь все быстрее и быстрее, пока ее лицо не исказилось в агонии. Она вцепилась ногтями в свои щеки, пытаясь бороться с охватившим ее наваждением или, наоборот, следуя ему.

Круг танцоров теснее сомкнулся вокруг огня. В экстазе некоторые ступали в пламя босыми ногами.

К ним приблизился один из барабанщиков, продолжая выбивать дробь. Ближайшая к нему женщина стала биться в конвульсиях, выкрикивая *«Нет! Нет! Нет!»* Но барабан продолжал грохотать — населявшие его духи овладели женщиной и нашептывали ей в ухо свои тайны.

Джон Линкольн Харди, с костью в одной руке и бутылкой в другой, подошел к женщине и, набрав в рот рому, брызнул на нее. Потом он четыре раза ударил ее по голове.

Женщина перестала биться.

Замолчал и барабан.

Старуха наверху села и посмотрела на Харди.

Он еще раз ударил одержимую и подвел ее к человеку с мачете. Спэн и Скарлетт напряглись. Что-то явно должно было случиться.

Одержимая с безжизненным взглядом подошла, вернее — шатнулась, к мужчине с ножом. Она произносила какие-то слова, но язык ее не слушался. Подойдя к гробнице, она нагнулась и поцеловала камень.

Потом старая колдунья шепнула что-то ей, и женщина кивнула.

Медленно повернувшись, она опять подошла к мужчине и начала соблазнять его, выпячивая грудь и извиваясь всем телом. Она обхватила его за плечи и стала тереться об него; тогда он ударил ее плашмя ножом, и она упала на землю. Женщина попыталась встать, но он опять ударил ее, на этот раз сильнее. Приставив острие ножа к ее животу, он вынудил ее лечь на землю и стал водить мачете по ее рукам и груди.

«Должно быть, ей больно», — подумала Спэн, когда женщина закричала.

И тут из-под земли показалась рука.

Женщина вскрикнула снова, и Спэн увидела что скрюченные пальцы зомби вцепились ей в волосы.

В разные стороны полетела земля — погребенный в ней человек явно пытался выбраться.

Голова женщины дергалась взад-вперед. Человек с мачете крест-накрест перечеркнул ее живот.

Старуха смеялась.

Женщины со свертками красной ткани сбросили маски и сложили их к ногам Королевы воду. За каждую маску колдунья давала им по кукле «худу». Из кукольных тел торчали блестящие в лунном свете булавки.

Бум... бум... бум...

Барабаны снова начали бить.

Из земли показалась выпачканная в грязи голова с пустыми глазами. Из горла человека вырывались булькающие звуки. Старуха спрыгнула с гробницы и присоединилась к танцующим у огня. Воздух заполнили мерные песнопения с вырывающимися порой пронзительными воплями. Трясаясь в безумном танце под ритм барабанов, старухи одновременно протыкали булавками кукол в их руках.

Джон Линкольн Харди, все еще с костью в руках, подошел к входу в гробницу и потянул на себя каменную дверь. С пронзительным скрипом дверь отворилась.

Зомби выбрался из-под земли.

Теперь он стоял, не двигаясь, со свисающими безжизненно вдоль тела руками.

Человек с мачете подтанцевал к огню. Кружащиеся старухи время от времени били себя по лицу. К ним присоединилась и женщина, которую зомби схватил за волосы. Человек начал бешено рассекать ножом воздух, чудом не задевая танцующих.

Джон Линкольн Харди появился опять и срезал с одной из виселиц остов козы. Скарлетту показалось, что он сделал это с помощью все той же кости. Потом он понял, что в кость вставлено тонкое стальное лезвие. Именно оно и блестело в лучах луны.

Харди вновь заглянул в гробницу и вытащил оттуда деревянный ящик, из которого достал за рога еще одну козу. Тем временем зобоп с мачете ударами повалил на землю всех танцоров, и они улеглись вокруг костра, как стрелки часов, ногами к кругу виселиц.

Закончив, он подоспел на помощь Харди, и вдвоем они подняли козу вверх. Животное испуганно билось и блеяло.

Харди передал кость зобопу и, вернувшись к гробнице, собрал маски и бережно сложил их в большую черную сумку. Спэн подумала, не та ли это сумка, из которой достали змею. От этой мысли ее отвлек отчаянный крик козы.

Она поглядела в сторону виселиц.

Зобоп вложил в руки зомби кость с лезвием на конце. Шатаясь, зомби подошел к бьющейся козе и одним ударом распорол ей живот. На землю вывалилась зеленая масса из желудка. Тонкие ноги козы судорожно дергались, подбрасывая серые кольца кишок.

Даже на таком расстоянии Скарлетт и Спэн видели пульсирующие скользкие внутренности в разрезанном животе. Коза кричала до тех пор, пока что-то внутри нее не щелкнуло, и крик превратился в хриплое шипение.

Зомби нагнулся и вырвал кишки животного. Потом начал медленно обходить лежащих танцоров, обмазывая кишками их запрокинутые лица.

— Дамбалла, — прошептал кто-то еле слышно.

Рик Скарлетт почувствовал, что у него кружится голова.

Коза последний раз вздрогнула и умерла.

Когда распростертые на земле участники снова начали биться в экстазе, полицейские посмотрели на гробницу.

Джон Линкольн Харди исчез — растаял в темноте ночи вместе с черной сумкой, в которой лежали маски.

— Пошли отсюда, — прошептал Скарлетт на ухо Кэтрин Спэн.

Меньше чем через минуту их уже не было.

10.35

С залива быстро налетели тучи. На горизонте запылились электрические разряды, с пронзительной четкостью высвечивая каждый лист, каждую ветку на деревьях. Вскоре прогремел оглушительный раскат грома. Каждая молния была ярче предыдущей, каждый гром — сильнее, по мере того, как буря приближалась. Наконец сияние и грохот встретились в едином взрыве прямо над их головами, и полил дождь. Капли стучали по капоту полицейской машины, как дробь полковых барабанов, и Скарлетт со Спэн сразу почувствовали себя дома.

Через десять минут дождь прекратился, и в их машину заглянул запыхавшийся Эрни Ходж.

— Черт возьми! Да это настоящий тайфун!

Дождь полил снова.

— Что нового? — спросила Спэн.

— Они заказали обратные билеты. На тот же рейс, что и вы, только они летят не в Ванкувер. У вас билеты до Сиэтла, а у них — до Спокана, штат Вашингтон.

Женщина поглядела на Скарлетта, но тот только пожал плечами.

— А багаж?

— Как вы и говорили — маски воду. Слушайте, если вы уверены, что они прячут в этих масках наркотики, может, взять их прямо здесь?

— Не стоит, — сказала Спэн. — Мы подозреваем их в убийстве, и маски здесь ни при чем.

Уэнтворт продолжал смотреть в окно. Он все еще был в солнечных очках, хотя на улице было темно.

— Ваше дело, — бросил он через плечо.

— Вам пора в аэропорт, — сказал Джон Джефферсон. — А то ваши маски улетят без вас.

Он нажал на газ, и они тронулись. Десять минут спустя они уже подъезжали к аэропорту. Завершив обряд пожимания рук, канадцы поднялись по трапу самолета «Истерн Эйрлайнз». Дождь продолжал идти.

Уже в дверях Спэн крикнула Уэнтворту:

— У вас всегда идет дождь?

— Иногда, — буркнул он.

— Это плохо. Терпеть не могу дождь.

Последним, что она увидела, перед тем как закрылась дверь, была улыбка Джона Джефферсона.

Кровавый ритуал

Среда, 10 ноября, 10.25

Он чувствовал, что у него повышается давление, и был вовсе этому не рад.

До 4.45 утра Деклерк работал у себя в теплице. Теперь она была завалена книгами, папками и магнитофонными кассетами. Вокруг умирали розы — осенние сорта, вроде «Эрфурта», «Вечного пламени» и «Золотых крыльев». Их лепестки усыпали пол, что уже было признаком невнимания хозяина к своим обожаемым цветам.

В шесть он поехал в штаб отряда и полтора часа просидел на телефоне. Сперва на него обрушился генеральный прокурор; потом мэр Ванкувера усталым голосом сообщила, что она не может больше отвечать на вопросы и отныне будет отправлять всех журналистов к нему. Потом позвонил Шартран из Оттавы и сказал, что оппозиция в палате общин поставила правительство в трудное положение, поэтому ему придется поднажать.

— Бери все, что тебе нужно, Роберт. Людей, технику — все, что захочешь.

Но его беспокоили не политики. Деклерк был почти уверен, что Охотник появится снова. Он и так слишком долго ждет. Его последнее появление едва не вызвало в городе бунт, и в случае нового бунта будет почти неизбежен.

Роберт Деклерк сел за стол и открыл очередную папку.

Дело оборачивалось не лучшим образом. Никто из задержанных во время облавы не был причастен к убийствам. Их главной надеждой оставался Мэттью Пол Питта, но ОН в течение нескольких дней ничего не дало. Каждый вечер Питта проводил в стриптиз-клубах, а днем спал в кустах в Стэнли-парке.

Джон Линкольн Харди исчез два дня спустя после возвращения Скарлетта и Спэн. Деклерк вновь и вновь перечитывал их отчет о церемонии воду. Харди оставил маски в Спокане, вылетел в Калгари и таинственно растворился где-то по пути. Теперь оставалось только ждать.

Деклерку хотелось иногда сосредоточить все расследование на Питта и Харди — то есть повторить ошибку англичан с Йоркширским потрошителем. Но он сопротивлялся этому искушению, зная, что оно может поставить под угрозу всю операцию.

«Господи! — думал он иногда. — И зачем я вообще в это ввязался?»

Потом он вспоминал о Дженни. Почему-то она все чаще вставала у него перед глазами. Когда он писал историю, этого не было — погружаясь в чужое прошлое, он хотя бы ненадолго забывал о своем.

Он попытался сконцентрироваться на деле. Рассеянно набрасывая какую-то записку, он заметил, что у него испортился почерк. Руки опять дрожали.

Тряхнув головой; он залез в ящик стола и достал таблетку бензедрина.

11.41

— Черт, — сказал Скарлетт. — Какая херня!

Но они оба знали, что это не херня.

Они обнаружили в Нью-Орлеане водуистский культ, группирующийся вокруг гаитянской Королевы, ее двух сыновей и их кузена. Одним из сыновей был живущий в Ванкувере Ракстроу, другим — *зобон*, проводивший це-

ремонию. Кузен, Джон Линкольн Харди, был в семье добытчиком.

Культу требовались деньги. Частично их добывали, продавая кукол-худу и другие амулеты через аптеку в городе. Может быть, таких аптек в Штатах была целая сеть.

Как в любой древней религии, были в воду фанатики, ждущие Мессию. Когда появилась Королева, старые ведьмы сбежались к ней, платя за участие в кровавых обрядах старыми масками, хранившимися в их семьях.

Волк надзирал за культом в Нью-Орлеане, а Лис, он же Стив Ракстроу, решил поселиться в Ванкувере. Возможно, в Штатах слишком велика конкуренция. Для заработка он занялся музыкальным бизнесом, а потом перевозкой кокаина, который переправлялся через границу в масках. Без сомнения, часть выручки поступала на юг, матери и брату.

По теории Скарлетта и Спэн Джон Линкольн Харди, он же Хорек, еще в Нью-Орлеане занимался сутенерством, удерживая девиц частично наркотиками, частично страхом перед своим «худу».

Потом Харди по какой-то причине тоже приехал в Ванкувер. Может быть, мать послала его вразумить отбившегося от рук сына. Судя по записям, семья была не очень довольна поведением Ракстроу.

С собой Харди привез Хелен Грабовски, она же Патриция Энн Палитти. Ее постигла судьба многих девушек, которых Хорек приучил сперва к кокаину, а потом посадил на иглу. В городе он первым делом нашел поставщика наркотиков для своей шлюхи. Это и был Джо Виналагилис. Сам Харди тем временем принял участие в кокаиновом бизнесе брата.

Тут его и накрыл капрал Типпл, а потом за него взялся летучий патруль и...

— Черт! Мы его упустили! — воскликнул в этом месте Рик Скарлетт.

— Знаешь, — сказала Спэн, — если мы правы, и убийства — это часть ритуала воду, то мы будем чувст-

зовать себя жуткими дураками, если не сумеем предотвратить еще одно.

— Ты думаешь, он использует черепа для перевозки наркотиков?

— Кто знает? Может быть, ему просто нравится убивать и таскать с собой их головы. Может, это его личный ритуал или испытание. Может, их кости продаются как амулеты или закапываются на том острове. Здесь все возможно.

— Ладно, предположим, что он убил Грабовски. Может быть, она стала ему не нужна, когда он связался с Ракстроу, или он боялся, что она как-нибудь его выдаст. Но как тогда быть с костями Лиз Грейнер?

— Может быть, он уже был здесь раньше, пытаюсь найти Ракстроу, и убил ее тогда. А может, это сделал Ракстроу или они оба.

— И теперь они привыкли убивать и уже не могут остановиться. Черт, надо же было нам их упустить!

— Нам нужно было сойти вместе с ними в Спокане и посмотреть, кто заберет маски. Нужно было следить за Харди всю дорогу. Нужно было сделать много того, что мы не сделали.

— Интересно, где сейчас эти маски?

— Может быть, их тайком перевезли через границу. Или они ждут своего часа в Спокане.

— Так что же нам делать?

— Прежде всего найдем Типпла, — сказала Кэтрин Спэн.

— Я бы лучше поискал Ракстроу. Он знает, где Харди, и это его маски.

— Что толку? Так мы его только спугнем. Он же ничего не сказал в прошлый раз.

Рик Скарлетт усмехнулся:

— Ты плохо меня знаешь, Кэти. Меня не так легко одурачить. Когда мы встретимся с Ракстроу в следующий раз, уверяю тебя, он заговорит.

— Верю, верю. Но давай сначала найдем Типпла.

17.30

В половине шестого этого пасмурного дня комиссионер Франсуа Шартран вышел из здания КККП. Как обычно, он медленно шел по людным улицам центра, глядя на проезжающих мимо в длинных черных машинах служителей народа. У здания парламента он отыскал свободную лавочку, сел и закурил «Голуаз».

Днем ему еще раз позвонил Эдвард Фицджеральд, министр внутренних дел. Оппозиция опять подняла в палате общин вопрос о поимке Охотника.

— Франсуа, ты не можешь допустить больше убийств, слышишь? Ни одного.

Этот звонок не слишком взволновал Шартрана; это была часть его работы. Многие думали, что комиссионер — не более чем диспетчер, сидящий за большим столом со множеством телефонов и ждущий, когда его подчиненные сделают дела. Но Шартран знал, что все обстоит иначе.

Его работа была тяжелым грузом. Каждый раз, когда в Канаде что-то случалось, за это отвечал он. А сейчас случилось очень нехорошее.

Шартрана беспокоил последний разговор с Деклерком.

В самом разговоре не было ничего особенного — разве что усталый голос суперинтенданта, — но Шартран отлично чувствовал, что его протече на грани срыва. И немудрено — ни одно дело на его памяти не вызывало в обществе такого накала страстей, как то, что происходило сейчас в Ванкувере. Шартран получал все больше сообщений об инцидентах с участием женщин. Страх рос с каждым днем, и вместе с ним росло давление на Деклерка.

Человек, расследовавший дело Йоркширского Потрошителя, был доведен до нервного срыва. То же самое вполне могло случиться и с Деклерком.

«Что я делаю в Оттаве? — спросил себя комиссионер. — Место генерала — в бою, рядом со своими солдатами».

Шартран закурил вторую сигарету и принял, наконец, решение.

Завтра он отправится в Ванкувер и встретится с Деклерком. Время объединить силы.

ВАНКУВЕР, БРИТАНСКАЯ КОЛУМБИЯ

Четверг, 11 ноября, 3.45

«Спарки»

— Заткнись! Убирайся! Оставь меня в покое!

«Спарки, неужели ты не хочешь поговорить со своей мамочкой?»

— Ты умерла! Отвяжись от меня! Я знаю, что тебя больше нет!

«Спарки. Я жду тебя. Спускайся и расчеши мои волосы».

— Нет!

«Они такие мягкие и длинные. И черные, черные, как ночь».

— Мама, что тебе от меня надо? Почему ты не оставишь меня в покое?

«Потому что я люблю тебя, Спарки».

— Нет, не любишь. Ты заставляешь меня делать ужасные вещи.

«Не бывает радости без боли».

— Но я не хочу делать это!

«Ты сделаешь все, что я скажу».

— Нет!

«Да».

— Нет!

«Тогда послушай».

Молчание.

«До меня они не доберутся. Это тебя посадят в клетку, как зверя, и скажут, что ты сошел с ума. Никто тебе не поверит».

— Я найду другую женщину.

«Чушь, Спарки. Мы оба знаем, что я — твоя единственная любовь».

— Я ненавижу тебя, мама! Ты меня слышишь? Ненавижу, ненавижу... а-а-а!

«Так ты сделаешь то, что я хочу?»

— Нет, мама, прошу тебя, не надо!

«Сделай это еще раз. Просто чтобы убедиться».

— Мама, не надо! Это так больно.

«Ну, давай спускайся же».

— Иду, мама. Я иду.

«Давай, Спарки. Спустись и расчеши мои волосы, и тебе сразу станет легче. Скажи, что ты любишь меня».

— Да. Я люблю тебя, мама, люблю, проклятая сука!

«Нет, сэр, этот тип в маске не доктор Джекил»

5.43

К восходу Наташа Уилкс уже была готова. С чашкой кофе в руке она смотрела в окно домика, как над горизонтом поднимается оранжевый край солнца. Потом она надела парку, натянула перчатки и вышла наружу.

Ее лыжи так же стояли у стены, только за ночь их припорошило снегом. Почистив их, она несколько минут постояла, глядя на гору Сеймур и на просыпающийся город внизу. *«Бедняги, — подумала она, — опять на работу»*. Потом она вспомнила, что сегодня выходной, День Памяти. Это ее огорчило — опять в горах будет полно людей.

Таша Уилкс ощущала подъем сил. Жизнь ее шла прекрасно.

Смазав лыжи синим кремом «Свикс», она надела их. Снега выпало много уже в ноябре, и сезон предвиделся отличный. Она заправила черные волосы под шапочку, взяла в руки бамбуковые палки и выехала на лыжню.

«Хоть немного покатаюсь одна», — думала она.

В двадцать семь Наташа уже была одним из ведущих кинокритиков города. Она получила дипломы искусствоведа в Лондоне и Нью-Йорке. Работа ее заключалась в том, что пару часов в день она смотрела кино, потом писала статьи и отправляла их в газеты. Не удовлетво-

рившись этой работой, только вчера она сдала в печать первый любовный роман.

К 6.25 она уже вспотела и остановилась на склоне в пятнадцати футах над рекой Сеймур. Внизу текла холодная чистая струя воды, при виде которой женщине захотелось пить. Она достала из рюкзака термос и налила себе горячего какао.

Сперва она не заметила лыжника, выехавшего из-за склона. Это случилось, только когда он был уже в тридцати футах от нее. Подняв глаза, Наташа увидела, что его лицо закрыто вязаной маской. Странно — было еще не так холодно. Она видела только три отверстия для глаз и рта.

Когда лыжник был уже в семи ярдах, Наташа допила какао и закрутила крышку термоса. Когда он был в трех ярдах, она положила термос в рюкзак.

Потом она поняла, что лыжник не собирается сворачивать и сейчас налетит на нее.

«Вот осел», — подумала Наташа Уилкс и уже открыла рот, чтобы крикнуть «Куда вас несет?» — когда сильный удар бросил ее на землю.

Очнувшись она внизу, у самого берега реки. Голова гудела, и она даже не почувствовала, как нож разрезает ей штаны.

11.10

— Что это за парад? — спросил Рик Скарлетт.

— Сегодня ведь День Памяти, а Конные гибли на войне. А может, это потому, что сегодня прилетает комиссионер, — объяснил Уильям Типпл.

— Здорово! Как будто нам больше нечего делать. — Они сидели в кафе и пили уже по второй чашке кофе. Типпл наконец-то нашелся — когда Скарлетт и Спэн приехали, им сказали, что капрала снова нет. Он давал свидетельские показания в Келуне.

— Мы потеряли Харди, — сказал Скарлетт.

— Вы не одиноки. У нас пропал Ракстроу.

— Ты что, шутишь?

— Он взял напрокат самолет — у него есть лицензия — и укатил. Самолет с поплавком.

— И куда он мог деться?

— Понятия не имею.

— Что нам теперь делать? — спросила Кэтрин Спэн. Типпл пожал плечами:

— Сидеть и ждать, пока они не появятся. Больше делать нечего.

— Конечно. Остается поучаствовать в этом дурацком параде, — фыркнул Скарлетт. — Знаете, иногда жизнь меня сильно удивляет. Очень сильно.

11.15

Роберт Деклерк опять видел тот же сон.

Прошлой ночью он лежал в кровати и смотрел на взрывающиеся на потолке краски, которых там на самом деле не было.

В два ночи он сказал себе, что понемногу становится наркоманом.

В три часа он встал и принял снотворное. Потом уснул, и ему опять приснился дом в лесах. Он вскочил в холодном поту и остаток ночи пролежал, глядя в потолок. Один раз ему почудился голос со стороны Женеьевы, произносящий слова: «Ты ее потеряешь». Но повернувшись, он увидел, что жена мирно спит.

В пять он сел в кровати и полчаса смотрел на спящую Женеьеву. Ее волосы рассыпались по подушке, как паутина. «Ты знаешь, как я тебя люблю?» — прошептал он ей в ухо и встал.

В 5.55 он вышел из дома.

Теперь он стоял на взлетной полосе аэродрома и смотрел, как садится самолет, в котором летел Франсуа Шартран.

15.02

Даже Скарлетт и Спэн были поражены размерами этого помещения. Кто бы мог подумать, что у полиции столько ушей?

Около трех они подъехали к зданию штаб-квартиры КККП на 73-й улице. С идентификационными карточками на груди они поднялись на лифте в отдел экономических преступлений, где работал Типпл. Когда двери лифта распахнулись, они увидели улыбающееся лицо капрала.

— Вы за мной, как хвост за ослом, — заметил он.

Они все вместе прошли длинный коридор и остановились возле двери, на которой была приколотта бумажка: «Не удивляйтесь, когда войдете. У нас уже 1984-й¹».

Типпл повернул ручку, и они вошли.

В комнате стояло больше 500 магнитофонов. Около четверти из них работало, причем каждые несколько секунд одни включались, а другие останавливались. Скарлетт и Спэн не сразу поняли, что видят только половину устройств — за каждым основным магнитофоном на полке стоял запасной.

¹ Намек на общество тотальной слежки, описанное в романе Дж. Оруэлла «1984».

— Вот послушайте, — Типпл подошел к одному из магнитофонов и включил его. — Ракстроу перед вылетом звонил из студии.

Он вручил им по паре наушников. Как большинство подслушивающих устройств полиции, магнитофон включался автоматически со снятием трубки. Его приводило в действие изменение силы тока в сети. Вспомогательный магнитофон работал параллельно с основным на случай, если первый сломается.

Спэн и Скарлетт внимательно слушали.

— Ваш номер, пожалуйста, — спросил оператор.

Голос Ракстроу ответил.

— Куда он звонит? — спросила Спэн, на секунду сняв наушники.

— В Нью-Орлеан.

— Эй, что случилось? — осведомился чей-то голос. Похоже, это был *зобон*, известный под кличкой Волк.

— Это я.

— Вижу. Что случилось?

— Их не оказалось на месте.

Повисло тягостное молчание, и Ракстроу торопливо добавил:

— Это Хорек. Он нас надул.

— Полегче.

— Я нашел гору, озеро — все, как договорились. Проверил каждый куст, но там ничего не было.

— Говорю тебе, полегче. Он знает, как делать дела. Подожди немного, и он сам тебя найдет.

— Люди ждут.

— Дай ему хотя бы день.

— Мне некогда...

— Ты подождешь! — отрезал голос. — Он твой *брат!*

Трубку положили, и Скарлетт со Спэн слышали теперь только тяжелое дыхание Ракстроу. Потом он тоже повесил трубку, и они сняли наушники.

— Почему он говорит так свободно? — спросил Скарлетт. — Он же знает, что мы за ним следим.

— Весь секрет в том, — улыбнулся Типпл, — что он думает, что мы его не слышим. Он знает, что телефоны в доме и в студии могут прослушиваться, но он звонил из подвала соседнего дома. Там у него устроен маленький кабинет с телефоном, и он думает, что мы об этом не знаем.

— А как вы его вычислили?

— Элементарно. Это я придумал установить «клопов» и в подвале. Жулики почему-то любят вести переговоры под землей. Там мы ничего не нашли, но записали звук открываемой двери. Потом как-то ночью проникли туда и нашли потайной ход за стереоаппаратурой.

— Неплохо.

— А-а, ерунда, — Типпл прошелся по комнате и указал на один из стеллажей. — Видите эти двадцать магнитофонов? Они работают с серьезным клиентом.

— А кто он? Какой-нибудь китаец?

— Да нет, один ловкий адвокат.

В этот момент магнитофон вдруг щелкнул и заработал, но почти сразу же остановился.

— Он что, передумал? — спросила Спэн.

— Нет, это звонят ему. Обычная система — звонок поступает в студию, а в подвале у Ракстроу загорается лампочка. Если тот, кто звонит, знает, в чем дело, он перезванивает через пять минут.

Действительно, через несколько минут магнитофон заработал снова. Они услышали звонок, а следом — голос Ракстроу.

— Это я, — сказал он.

— А это я, — ответил голос Джона Линкольна Харди.

— Где тебя черти носят?

— Слушай, за парнем в Спокане, который принял груз, увязался хвост. Боюсь, что они из ФБР.

«Так оно и есть, — подумала Спэн. — Уэнтворт попытался нас надуть».

Очевидно, Харди вернулся из Калгари обратно в Штаты и попытался связаться с получателем масок. Потом он

должен был вывезти груз и спрятать его в горах близ озера, возле самой границы. После этого Хорек вернулся бы в Канаду, а Ракстроу забрал бы груз на самолете. Все это испортил Уэнтворт своей дурацкой спешкой.

— Не вздумай соваться сюда, — предупредил Ракстроу.

— Да знаю я!

— Повторяю: ни в коем случае сюда не суйся. Ты знаешь, где залечь.

— Ага, — сказал Джон Линкольн Харди, и телефон отрубился.

Трещина в стене

15.30

Куда вы идете, когда вы расстроены и хотите спокойно подумать?

Франсуа Шартран был расстроен, когда вышел из отеля и направился на набережную у Стэнли-парка. Он медленно прохаживался на зябком осеннем ветру, подняв воротник, глядя на рыбачивших на пристани стариков, на целующихся над зеркалом лужи влюбленных, на старушку, кормящую чаек.

Сухие листья падали с деревьев ему под ноги, и он слышал их шелест.

Наконец Шартран сел на скамейку и задумался. Он думал о Деклерке и о своей вине перед ним. Теперь он чувствовал, что зря снова пригласил суперинтенданта на работу. Он не понял, что трещины в душе могут оказаться такими глубокими, что не зарастут и через двадцать лет.

Так что же мне делать?

Отправить Роберта в отставку и тем навсегда подорвать его уверенность в себе?

Или оставить его и позволить этому сумасшедшему по кускам выматывать из него душу?

Он хотел чем-нибудь помочь этому человеку. Шартран знал, как опасно, когда человек, стоящий рядом с ним на линии огня, вдруг начинает сдавать. Именно это случилось с Деклерком.

Северо-Ванкуверское отделение КККП было заполнено мужчинами и женщинами в мундирах из красной саржи.

На мужчинах были тяжелые красные куртки со стоячими воротниками, стетсоновские шляпы, белые брюки и верховые сапоги со шпорами.

На женщинах — куртки, свитера с закрытым воротом и длинные синие юбки. Все носили перчатки. У некоторых на рукавах были знаки их службы: собаководы, музыканты, барабанщики. У некоторых на груди поблескивали медали и почетные знаки.

Ни для кого не было секретом, что инспектор Макдугалл чрезвычайно горд своей службой в КККП и ожидает того же от всех своих подчиненных. Поэтому он и велел им надеть парадную форму.

— Отлично, — сказал он теперь. — Те, кто идет, могут строиться в колонну по пять. Те, кто остается, пусть сторожат укрепление и надеются на удачу в следующий раз.

Они уже собирались разойтись, когда подбежал взволнованный диспетчер.

— Плохие новости, инспектор. Еще один труп.

Макдугалл застыл, переваривая новость. Потом спросил:

— Здесь? В нашей юрисдикции?

— Похоже, что так. На горе Сеймур. Обнаружен лыжниками сорок пять минут назад.

«О Боже! — подумал Макдугалл. — Неужели еще раз?»

Он поднял руку, призывая собравшихся к молчанию.

— Ладно, идите!

16.18

— Ух ты, — сказала Женевьева, заглядывая в дверь. — Теперь я понимаю, почему женщины наряжаются в форму. — Деклерк, отвернувшись от зеркала, слабо улыбнулся:

— При нынешней ситуации скоро у нас будет больше женщин в форме, чем мужчин.

— Надеюсь, ты не влюбишься в кого-нибудь из них?

— Нет, — сказал он, и тут зазвонил телефон.

Они вместе прошли в комнату, и Деклерк взял трубку.

Тут же лицо его вытянулось. Женевьева увидела, как он сгорбился и весь будто сжался. Она инстинктивно поняла, что случилось. *«О Господи, только не это»*. Деклерк положил трубку.

— Не жди меня, — сказал он.

16.53

Когда Шартран прибыл к месту убийства, там было уже полно полицейских в парадной форме. Он никогда еще не видел на месте происшествия столько людей в красной сарже. *«Кажется, будто перенесся в прошлое»*, — подумал он.

Роберт Деклерк поднялся с колен.

— Плохо дело, — сказал он.

Инспектора Макдугалла даже больше разозлило то, что на этот раз в убийстве отсутствовал сексуальный элемент. Он увидел в растерзанном трупe Наташи Уилкс одно только чистое насилие.

Женщина лежала, раскинув ноги, в снегу в ярде от берега реки. Один ботинок с лыжей все еще был у нее на ноге, второй валялся в нескольких футах от нее. Одежда

в нижней части тела была изрезана ножом. Волосы на лобке покрылись слоем льда и замерзшей крови. Через грудь шел длинный разрез, но больше всего крови вылилось не из него, а из горла. Ручейки крови до сих пор продолжали стекать в реку Сеймур.

Глядя, как Авакумович подбирает то, что заменяло женщине голову, Макдугалл подумал: *«Деклерк совсем плохо выглядит»*.

«Но вы думаете, что это мистер Хайд?» «Да, сэр, именно так»

16.55

Прежде чем взять кружку, Джозеф Авакумович натянул хирургические перчатки. Кружка стояла в снегу в центре лужи крови, натекающей из жил Наташи Уилкс. Осторожно, чтобы не стереть отпечатки, ученый встал.

На кружке, сделанной из хорошего белого фаянса, красовалось лицо У.С. Филдса — этого отъявленного алкоголика и мизантропа. На его красном носу была наклеена вырезанная из газеты надпись. Одно слово: «Роберт».

Когда Авакумович перевернул кружку, Шартран, Деклерк и Макдугалл увидели на ее донышке изречение: «Не давай кружке отдыха».

16.56

Инспектор Макдугалл первым нарушил молчание:

— Приказывайте, Роберт. Мои люди готовы.

Суперинтендант повернул к нему лицо, искаженное гневом.

— Прежде всего я хочу, чтобы они обыскали каждый дюйм на берегу и на дне реки. Установить кордон в 500, нет, в тысячу ярдов и просеять каждую унцию снега. И

еще: как можно скорее привести сюда собак. По любому следу на дороге пустить собак. Убийца как-то добрался сюда, и я хочу знать, как. Еще нужно поднять вертолеты с инфракрасными датчиками и засечь любое изменение температуры, даже самое незначительное. Немедленно установите личность этой женщины, выявите и допросите всех, кто общался с ней последние двое суток. Сразу после вскрытия организовать похороны, тайно сфотографировать всех, кто на них придет. Записать номера всех машин в пределах четверти мили от кладбища. Еще я хочу, чтобы проверили все билеты на северное побережье, проданные за последние сутки. Кому-нибудь нужно связаться с английскими полицейскими, участвовавшими в поисках Потрошителя, и с командой из Атланты. Если они захотят помочь, купить им билеты. Еще пускай объявят награду в сто тысяч за любые сведения об убийце. Пока все.

Деклерк повернулся к Шартрану.

— Франсуа, — сказал он, — мне нужно втрое больше людей.

— Ты их получишь, — ответил комиссионер.

17.12

— Посмотрите-ка на это, — сказал голос сверху.

Авакумович отвернулся от тела Наташи Уилкс и поглядел вверх, на склон холма. Там склонились над чем-то капрал Мервей Квин и собаковод по фамилии Ингерсолл. Рядом с Ингерсоллом была его немецкая овчарка Кинг.

Чутье у овчарки в сто раз сильнее, чем у человека. Она чует не свойственный данной местности запах. Кроме того, собаку нельзя ни подкупить, ни запугать, и работает она только ради похвалы хозяина. Кинг был одним из заслуженных ветеранов КККП и почти сразу же отыскал три нитки.

— А что это? — спросил Авакумович, подходя ближе.

— Собака нашла, — Ингерсолл указал на сломанный куст, торчащий из снега, и включил фонарик, поскольку уже темнело.

Авакумович, нагнувшись, достал из кармана пинцет и, осторожно сняв с куста три нитки, положил их в конверт.

Две из этих ниток были черными.

Одна — ярко-красная.

Пятница, 12 ноября, 6.30

Они работали всю ночь.

Роберт Деклерк чувствовал, что все его тело онемело, а остатки разума сжались в маленький комочек где-то в недрах мозга. Он безостановочно ходил взад-вперед по кабинету, снова и снова проверяя все версии расследования. Но ни одна не казалась ему достаточно убедительной.

В одной из комнат стена была увешана планами и диаграммами. Сравнение возраста жертв, их роста и веса, и даже температуры воздуха во время убийства.

В другой комнате художник работал над составлением портрета убийцы по описаниям его психологического состояния, сделанным психиатрами.

Работали все компьютеры.

Много дней упорной, кропотливой работы произвели такое множество бумаг, что они грозили затопить штаб-квартиру. Деклерку казалось, что каждая из этих бумаг смеется над ним, нагружая его уставший ум еще одной бесполезной деталью.

Но он продолжал работать.

В 7.23 поступило сообщение, что найден взломщик, той же ночью забитый до смерти пожарной лопатой двумя пожилыми женщинами.

В 9.17 задержали банду из семи девушек, которые за десять предыдущих часов изрезали лица шести случайных прохожих-мужчин бритвами, ослепив при этом двоих из них.

В 10.05 у штаба начали собираться женщины, державшие в руках зажженные свечи. Вскоре их было более трехсот, и их число продолжало расти.

Внутри продолжали работать.

18.07

Комиссионер Франсуа Шартран нашел Деклерка в кабинете глядящим на увешанные документами стены. Он сел на стол и закурил.

— Мы давно друг друга знаем, Роберт, и я буду говорить с тобой прямо. Я наблюдал за твоим расследованием всю ночь и весь день и обнаружил много такого, что мне бы и в голову не пришло. Ты сильно вырос за эти годы. Так что знай, что я приехал сюда не следить за тобой, а помочь тебе. Ты знаешь, что я люблю полицию больше всего в жизни и не терплю, когда она проигрывает. Поэтому я хочу, чтобы ты отдохнул. Я сменю тебя на день, а ты вернешься на работу завтра.

Деклерк покачал головой.

— Я в порядке, — сказал он.

— Роберт, прошу тебя по-дружески, не заставляй меня запрещать тебе выходить на работу.

18.35

Суперинтендант вышел из штаба через боковой вход. В вестибюле укрылась группа полицейских по борьбе с беспорядками. Вид у них был встревоженный.

Садясь в машину, Деклерк смотрел на толпу. На улице уже горело больше трех тысяч свечей.

«Завтра они потребуют моей головы», — подумал с горечью суперинтендант.

Свет в теплице

18.45

Они ехали домой расстроенные.

Рыжий Льюис выехал на шоссе 401, и Моника Макдональд спросила:

— Ты что, живешь здесь?

— Да, сразу за Уиллингдоном.

— Если у тебя есть выпить, я бы с удовольствием зашла в гости.

— Есть, — кивнул он.

Через пять минут они уже поднимались по лестнице в его квартиру. Там Льюис достал бутылку виски «Кэнэдиен Клуб» и литровую бутылку «Севен Ап» и смешал напиток в равной пропорции.

Как почти все члены отряда, они работали всю ночь и весь день. Когда от ОН был получен рапорт, что в момент убийства Наташи Уилкс Мэттью Пол Питта находился под наблюдением не менее десяти человек, двое полицейских совсем упали духом. Поэтому предложение выпить оказалось своевременным.

— Знаешь, я так надеялась, что убийцей окажется Питта, — призналась Моника, отпив из своего бокала.

— Я тоже, если это тебя утешит, — сказал Льюис. — Ничего. В следующий раз нам повезет.

— Конечно, — мрачно сказала женщина и отпила еще глоток. — Знаешь, когда-то я хотела поступать в школу

искусств. Мечтала открыть собственную студию дизайна под названием «Прикосновение». Что ты об этом скажешь?

— Звучит сексуально.

Моника рассмеялась.

— Это еще что. Сначала я хотела назвать ее «Загляни к Монике».

На этот раз усмехнулся Льюис.

— А я шел в полицию с надеждой попасть в музыкальную команду. Но если серьезно, я рад, что работаю именно здесь и именно с тобой. Ты хороший полицейский.

— Можно тебя спросить?

— Давай.

— Ты думал когда-нибудь обо мне не как о полицейском, а как о женщине?

Рыжий Льюис моргнул:

— Я боялся, что это помешает нашей работе.

— Слушай, ты не голоден? — спросила Моника. — Могу приготовить ужин.

— Я голоден.

— Тогда покажи, где что лежит, и дай мне какой-нибудь халат. И вот еще что, — она с улыбкой повернулась к нему. — Ты мне нравишься, и я не боюсь, что это помешает нашей работе. Понял?

19.05

— Ладно, давай решать, — сказал Билл Типпл. — Вызовем ОН?

— По-моему, не нужно, — сказал Рик Скарлетт.

— По-моему, тоже, — подтвердила Спэн.

— Почему?

— Очень просто. Мы считаем, что Харди — это Охотник. Поэтому тому, кто его поймает, обеспечено повышение.

— Или той, — заметила Спэн.

— Послушайте, — сказал Скарлетт. — Вы, как и я, знаете, что в полиции слишком много начальников и не хватает подчиненных. Я не собираюсь сидеть еще десять лет в констеблях. Я уверен, что Ракстроу выведет нас на Харди, так зачем же нам уступать это дело ОН? Мы сами можем все сделать, если поработаем как следует.

— Ладно, — усмехнулся Типпл. — Я вас просто проверял. Будущий сержант и должен был ответить именно так.

Они сидели в черном фургоне без окон, припаркованном в квартале от студии Ракстроу. Хотя «клопы» в телефонах были соединены со штаб-квартирой, подслушивающие устройства в стенах имели выход на этот фургон. Несколько магнитофонов ждали своего часа. Когда трое полицейских допивали кофе из пластиковых чашек, один из магнитофонов со щелчком включился.

Все трое надели наушники и стали ждать.

19.31

Женевьева этим вечером была на заседании кафедры, поэтому Роберт Деклерк вернулся в пустой, молчаливый дом. Первым делом он налил себе чистого виски и залпом выпил. Он пил спиртное впервые за восемь с половиной лет. Виски обожгло ему горло, но успокоило и позволило сосредоточиться. Налив себе еще, он взял бокал и вышел с ним на берег моря.

Над головой его быстро проносились грозовые тучи. В районе Стэнли-парка они взрывались, как атомные бомбы, проливаясь дождем. Деклерк сел в кресло и сделал еще глоток.

Он подумал, каково Женевьеве будет жить с неудачником. С человеком без будущего, выглядевшим на двадцать лет старше своего возраста. Сколько сил она потратила, чтобы собрать этого шалтая-болтая из кусочков, и все бесполезно. Потом он подумал о Джейн.

«Почему, почему ты умерла, Дженни?» — он выпил еще глоток.

Только через час Деклерк вернулся в дом. Он прошел через теплицу, все еще усыпанную бумагами по делу Охотника, вошел в гостиную и включил проигрыватель.

Держа в одной руке бокал, он порывлся в пластинках и нашел «Пятый концерт для фортепьяно» Бетховена в исполнении Вильгельма Кемпфа. Он включил звук почти на полную мощность и, встав между колонок, залпом допил виски. При первых звуках «Императора» по спине его пробежала дрожь. Потом он закрыл глаза и весь отдался музыке.

Через некоторое время он обнаружил, что рука его сжата в кулак, а губы шепчут снова и снова: «Я не сломаюсь!» Усталое вздохнув, он выключил музыку и опять пошел в теплицу. Там он сел за стол и сидел, наблюдая за сгущающейся снаружи темнотой.

22.25

Женевьева Деклерк не знала, что ей делать. Она боялась за себя, боялась за мужа, что потеряет его. Она легко могла покорить любого мужчину, но знала в глубине души, что Роберта ей никто не заменит. Где еще она найдет того, кто так бы ее любил — нежно, самоотверженно, терпеливо? До него вся ее жизнь была чередой торопливых романов с мужчинами, единственной целью которых было затащить ее в постель. После этого все они претендовали на власть над нею и уходили — потому что она никому не давала этой власти. Никому, кроме него, который ее не требовал.

В этот день она готовилась к приходу мужа особенно тщательно. Она где-то прочла, что самое сильное оружие женщины — это воображение мужчины. Она знала, что Роберту нужна очень сильная встряска. Для этого она выкрасила волосы в черный цвет и применила ту фантазию, что отличает француженку от англичанки. Сегодня с ним в постели будет другая женщина.

Она думала об этом, когда приехала домой и открыла дверь ключом, и продолжала думать до тех пор, пока не нашла мужа в теплице спящим за столом. На полу валялся разбитый бокал.

— Бедный, — прошептала она и увидела слезы на его лице.

У нее ушло десять минут на то, чтобы дотащить его до дивана в комнате для гостей. Закончив, она пошла на кухню и сварила себе крепкого кофе. Потом отнесла чашку в теплицу и села за стол. Женестьева не была приучена легко сдаваться.

В 22.56 она открыла ближайшую папку с материалами по делу Охотника и начала читать.

Суббота, 13 ноября, рассвет

Солнце этим утром взошло в 5.57.

Свет в теплице еще горел.

Красная саржа

9.30

Серебро. Все в серебре.

Его ноги были тяжелыми, будто отлитыми из свинца, а ему так нужно было спешить, чтобы успеть найти Джейн, чтобы вырвать дочь из лап похитителей живой. Потом он с ужасом понял, что замедляет его движение: его ноги вращались в землю, все крепче и крепче. «Нет!» — крикнул Деклерк в панике и попытался вырвать одну ногу из земли. Он схватил ее обеими руками, и она начала подаваться. Земля дюйм за дюймом отпускала ногу, недовольно при этом чавкая.

— Папаааа! — пронзительный, захлебывающийся крик вдребезги разбил осенний воздух.

— Пустите меня! — крикнул он стоящим вокруг серебристым деревьям.

Он бешено дернул вторую ногу, чтобы быстрее добраться до серебряного домика, откуда доносился крик. От напряжения у него заболело сердце.

— Папааа! — крик опять прорезал воздух, зазвеневший, как серебряные украшения.

— Не оставляй меня, Принцесса! — кричал Деклерк. — Я иду! Клянусь Богом. Я иду!

Его ноги вырвались из земли, и он побежал, спотыкаясь, к дому. Под ногами шушали осенние листья и извивались, как змеи, корни. Он пробежал мимо трупа с арбалетной стрелой в правой глазнице, взлетел по

ступенькам и рванул на себя дверь. Потом в живот ему уперся нож, по ногам побежала теплая струйка крови, а он все сжимал горло стоящего перед ним человека, пока тот не упал мертвым на пол.

— Я здесь, папа, — кричала Джейн. — Я в углу!

Он искал ее в серебряной комнате, но не находил.

— Принцесса! Дженни! Где ты? — и тут он увидел в углу ее глаза и рванул туда. Он сжал в руках маленькое тело, но оно все уменьшалось и уменьшалось, пока не превратилось в палку.

В ужасе Деклерк отшатнулся и увидел, что на палку надета голова Дженни.

— Я знала, что ты придешь, папа, — прошептала она и заплакала.

Он проснулся на диване весь в поту и долго не мог понять, где находится. Потом взглянул на часы и увидел, что уже 9.30.

— Женевьева! — позвал он, поднимаясь.

Он обыскал весь дом — жены не было.

9.45

Ценность ниток как вещественного доказательства была обоснована французскими криминалистами более ста лет назад. Они установили, что каждый человек, входящий в помещение, вносит в него, а потом выносит мельчайшие частицы вещества, и нитки среди них являются самыми крупными. Британские ученые провели опыт и обнаружили на одежде людей, проводивших четыре часа в одной комнате, несколько сотен вынесенных оттуда ниток, волосков и других частиц.

Позднее химики исследовали нитки под микроскопом, бомбардировали их нейтронами, просвечивали. Это позволяло определить их вес, прочность, температуру плавления, но до самого последнего времени никто не мог

сказать, из какого конкретного куска ткани взята данная нитка.

Авакумович изменил положение.

Его теория базировалась на *возрасте* ниток. Используя лазер, он определял степень изменения молекул нити, что позволяло выявить не только дату производства ткани, но и множество побочных факторов. Ведь две рубашки, сошедшие с одного конвейера, но носившиеся разными людьми, будут отличаться друг от друга. На это влияют тип тела человека, частота попадания на рубашку солнечных лучей, вид и периодичность стирки. Все эти факторы изменяют ткань. Хотя для синтетических тканей они не играют большой роли — там важнее химический состав и форма волокон — для натуральных тканей такой анализ очень важен. Без лазерной обработки хлопковую нить из Миссисипи почти невозможно отличить от такой же из Джорджии. Но введенная Авакумовичем техника делала эти две нити разными — такими же разными, как отпечатки пальцев.

Джозеф Авакумович работал всю ночь. К 3.45 утра он определил, что две черные нитки были нейлоновыми волокнами из нового непромокаемого плаща или комбинезона. Но красная нитка оказалась натуральной, происходящей, скорее всего, из шерстяной или камвольной ткани.

Для ее дальнейшего анализа было необходимо лазерное оборудование. Сделав заказ, Авакумович покинул штаб КККП.

В это время в его голове уже засела одна мысль.

Красная нитка напомнила ему о красной сарже. Той самой, из которой шьют мундиры Конных.

10.45

Он узнал ее сразу.

Хотя волосы у нее были теперь черными, а не каштановыми, и она была с другим мужчиной, Женевьеву Деклерк было не так легко с кем-то спутать. Джозеф Авакумович вспомнил фотографию на столе суперинтенданта, едва подняв голову от тарелки.

Покинув лабораторию, он почувствовал себя голодным. Он не ел уже двенадцать часов, но причина была не в этом. Он хотел заглушить страх — боязнь ошибиться. Конечно, один из десятков полицейских, прибывших на место гибели Наташи Уилкс, мог налететь на колючий куст и даже не заметить этого. Пока он не узнает, так ли это, стоит ли тратить время на анализ красной нитки?

Но мысль продолжала вертеться у него в голове. Что если эту нитку все-таки оставил убийца?

В ресторане было людно. Авакумович никогда не был тут, но Деклерк говорил, что здесь лучше всего готовят яйца. Поэтому ученый заказал омлет и воспользовался случаем, чтобы отвлечься от тревожных мыслей. Он уже заканчивал трапезу, когда вошла Женевьева с каким-то мужчиной.

Сперва русский решил подойти к ней и представиться. Он подозвал официанта, чтобы расплатиться, наблюдая в то же время за Женевьевой. Без сомнения, она была одной из самых привлекательных и живых женщин, каких

он видел. Разговаривая с собеседником, она временами подавалась вперед и быстро дотрагивалась до его руки. Потом закинула ногу за ногу, и в разрезе ее длинной юбки мелькнуло бедро, показавшееся Авакумовичу ослепительно белым.

Он подумал про Деклерка и тут же принял два важных решения. Во-первых, он не будет говорить другу об этой встрече — у суперинтенданта и так достаточно проблем. Во-вторых, он не подойдет сейчас к ним. Он видел лицо мужчины, показавшееся ему знакомым, и сразу понял одну вещь.

«Он влюблен в нее», — подумал Авакумович, выходя из ресторана.

15.02

«Политика, — думал Шартран с отвращением, вешая трубку. — Все ради популярности».

Ему звонил генеральный прокурор Эдвард Фицджеральд. Он сказал, что оппозиция снова нападает на правительство за отсутствие прогресса в расследовании. Это усугубилось тем, что все ведущие телекомпании показали сюжет о тысячах женщин, стоящих возле штаба полиции с зажженными свечами. Сам премьер-министр попросил Фицджеральда сделать этот звонок.

— Франсуа, — сказал генеральный прокурор, — мы не в бирюльки играем. Ситуация становится неуправляемой. Что-то необходимо делать.

— Эдвард, я сам наблюдаю за расследованием. Поверь, полиция делает все, что в ее силах.

— Я не об этом. Нужно сделать что-то для общественности. Кинуть им кость.

— Ты о чем?

— Я начинаю готовить рапорт на этого Деклерка.

— Какой еще рапорт?

— Адвокаты жалуются, что многих их клиентов незаконно арестовали. Кроме того, все говорят, что этот

человек плохо выглядит. Представляешь, какое впечатление это производит на телезрителей? Стоит ли нам за него держаться?

— Я ни за кого не держусь. Я ловлю убийцу. Лучше Деклерка этого никто не сделает.

— То-то он так долго возится. Слушай, отстрани его хотя бы для виду.

— Не могу.

— Боюсь, тебе придется это сделать.

Наступило напряженное молчание.

— Что это значит, Эдвард?

— Это значит, что нам нужно создать впечатление, что дело движется.

— И что ты предлагаешь?

— Чтобы ты сам взял на себя руководство. Деклерк может тебе помогать.

Они опять помолчали. Шартран потянулся за сигаретой, глядя в окно на больницу внизу.

— У меня есть выбор? — спросил он наконец.

— Ненадолго.

— Дай мне хотя бы два дня, чтобы все организовать.

— Это слишком много. Я же сказал — ситуация выходит из-под контроля.

— Тогда один день.

— Ладно. Но ни секундой больше.

— Хорошо. Но, Эдвард...

— Извини, Франсуа. Я знаю, что Деклерк — твой друг. Но нам нужно успокоить общественность.

Повесив трубку, Шартран долго курил. *«Надеюсь, ты сегодня отдохнешь, старина, — подумал он. — Потому, что тебе остался всего один день».*

15.20

Деклерк не брился и не ел.

Он подошел к бару и открыл дверцу. Большинство бутылок были полными — напоминание о том, как мало

они с Женевьевой пили. В глубине стоял коньяк «Наполеон». Деклерк взял бутылку и бокал и направился к морю.

Там он сел в кресло, налил себе коньяка и начал думать о дочери.

15.35

— Все еще ничего? — спросил Скарлетт.

— Ничего, — ответил Типпл.

Фургон стоял так, чтобы его не было видно из окон студии. Скарлетт прошелся по улице и, возвращаясь, увидел Кэтрин Спэн, уснувшую на койке за водительским сиденьем.

— Что там делает Ракстроу? — удивился он.

Словно в ответ из дверей студии вышел высокий негр лет тридцати. Типпл подхватил бинокль и стал смотреть. Гость Ракстроу остановился, сунул палец в ноздрю, несколько раз глубоко втянул в себя запах, сел в синий «корветт» и уехал.

— Они сидели там всю ночь и полдня, — сказал Типпл. — Записывали музыку.

— А кто там сейчас?

— Один Ракстроу, я думаю, — Типпл включил микрофон, и Спэн подскочила в кабине. В студии кто-то напевал себе под нос.

— А где установлен микрофон?

— Это показывает прибор. Все «жучки» подсоединены к передатчику, спрятанному на левой стороне здания под кустом смородины. Листья закрывают его от дождя.

Тут же пошел дождь, барабана по крыше фургона и мешая слушать. Вокруг колес машины закрутились маленькие водовороты.

— Билл, почему бы тебе не пойти домой? Ты устал, а здесь мы вполне справимся сами.

Типпл кивнул.

— Только сразу сообщите, если увидите что-нибудь интересное. Я тоже честолобив.

Скарлетт кивнул. Капрал открыл заднюю дверь фургона и выпрыгнул под дождь.

16.45

— Чертов шум, — сказал Скарлетт.

Он задумчиво достал свой «смит-энд-вессон», разрядил его и зарядил снова. Теперь они сидели в фургоне вдвоем.

— Что ты злишься? — спросила Спэн.

— Слушай, мы с тобой знаем, что Харди — Охотник за головами. Ракстроу наверняка знает, где он, а мы сидим тут с пальцем в заднице и ждем, когда он соблаговолит нас ему представить. Я послушался тебя, поимел дело с Типплом, а теперь хочу действовать по-своему.

— Что это значит?

— Это значит, я должен поговорить с ним.

— Это может закончиться провалом всей операции.

— Харди нас надул. Ракстроу надул. Уэнтворт надул. Может быть, хватит?

— Рик, нам обоим тяжело. Но поими, самовольные действия могут стоить нам карьеры. А то и обвинений в суде.

— Боишься жары — не ходи на кухню. Можешь оставаться здесь.

Скарлетт выпрыгнул из фургона и пошел вверх по улице.

Спэн последовала за ним.

16.48

Женевьева вспомнила о семинаре, только закрыв за собой дверь. Она позвонила студенту, ответственному за группу — никого не было дома.

Днем, вопреки обыкновению, она не готовилась к вечерним занятиям, а помогала мужу. Несмотря на бес-

сонную ночь, она сидела в библиотеке и читала книги о технике расследования. В сочетании с тем, что она прочла ночью, это образовывало довольно стройную картину. У нее возникли кое-какие предложения, и ей не терпелось обсудить их с мужем.

Но Роберта Деклерка не было дома.

Обеспокоенная Женестьева обошла дом, заглянула в теплицу. Все вещи, в том числе и дела Охотника, оставались там, где она видела их утром.

«Отлично, — подумала она, — значит, Роберт не работал. Слава Богу, догадался отдохнуть».

Но он всегда оставлял ей записку, когда уезжал. Потом она вспомнила, что видела его машину у дома. Подумав, что он сидит у моря, она отправилась туда.

Но Роберта там не было.

Не было и их лодки.

16.52

Рик Скарлетт дошел до куста смородины слева от здания, отыскал там микрофон и обесточил его. Потом вернулся к Спэн, и они вдвоем подошли к дверям студии.

Большому Брату незачем было слушать то, что соби-
рался сделать Скарлетт.

38-й калибр

16.59

Стив Ракстроу сидел перед синтезатором в наушниках, что-то напевая. Вокруг него громоздились микрофоны, усилители, регуляторы звука. Сама студия была не очень большой. Половину ее занимали средства записи, другая была предназначена для музыкантов.

Кроме Ракстроу, в студии никого не было. Не подозревая, что Скарлетт и Спэн проникли внутрь, хозяин достал из кармана маленькую серебряную ложечку и запустил ее в конверт с белым порошком. Скарлетт подождал, пока он вдохнет в себя наркотик, а потом вышел из-за двери.

Ракстроу выронил ложечку и сорвал наушники с головы.

— О, кого я вижу! Сержант Престон и его помощница днем и ночью! Где ордер на обыск?

— Его нет, — сказал Скарлетт.

— Тогда убирайтесь, пока я не позвонил своему адвокату.

Скарлетт подошел к столу и взял конверт.

— Ты скажешь мне, где Харди?

— Убирайтесь.

— Где он?

— Убирайтесь, я сказал.

Ракстроу потянулся к телефону, но его рука замерла в воздухе. Скарлетт приставил к его виску свой 38-й «смит-энд-вессон».

— Встать!

— Эй, чувак, полегче. Что за шутки?

— Встать! — повторил Скарлетт, второй рукой поднимая Ракстроу на ноги. — А теперь вниз.

— Полегче, — в глазах Ракстроу появились первые проблески страха. Его взгляд метнулся к Спэн, словно ища объяснения. — Зачем вниз? Что вы хотите делать?

— Если ты не пойдешь, я провентилирую тебе башку прямо здесь. Вперед!

— Делай, что он говорит, — сказала Спэн, не отрывая взгляда от пальца Скарлетта на спусковом крючке.

— Зачем вниз? — жалобно повторил Ракстроу.

— Там не будет слышно выстрелов.

Ракстроу выпучил глаза, и тут Скарлетт резко двинул его в зубы стволу пистолета: Один из передних зубов с хрустом сломался. Брызнула кровь.

— Вы что, спятили? — завопил негр.

Скарлетт только молча указал пистолетом на дверь. Ракстроу, спотыкаясь, побрел вниз по лестнице, и полицейские двинулись за ним.

В подвале было темно, только единственная лампочка тускло горела под потолком.

Скарлетт вынул из револьвера все шесть пуль и протянул оружие Ракстроу:

— Держи.

— Слушайте, я не знаю, где Харди. Клянусь, что...

— Держи!

Он ударил Ракстроу в живот, и тот рухнул на пол.

— Держи, сволочь!

— Нет!

Спэн щелкнула затвором своего пистолета. Дрожащими руками Ракстроу взял разряженный пистолет.

— Теперь запомни его номер.

Ракстроу, не в силах разогнуться после удара в живот, начал вглядываться в цифры, но тут Скарлетт вырвал у него оружие.

— О Господи. Ладно. Харди в Лос-Анджелесе. Я дам вам адрес. Я...

— Поздно, — Скарлетт по одной вернул пули в барабан револьвера. Потом за шиворот вздернул Ракстроу вверх и нацелил ему ствол между глаз.

Тени плясали на потолке, как куклы в театре. Откуда-то сверху доносился шум дождя.

— Ты обещал найти Харди и надул меня. Я не прощаю таких вещей. Мы знаем о наркотиках в масках и о церемониях воду в Нью-Орлеане. Мы знаем, что Харди убил Грабовски и остальных. У нас нет Харди, зато есть ты. Известно, что американская полиция арестовала двух кузенов по обвинению в убийствах женщин в Лос-Анджелесе. Может, это повторилось у нас? Может, вы с ними работали на пару? А теперь слушай, что здесь случилось. Мы зашли к тебе поговорить, и неожиданно ты набросился на меня. Ты пытался отнять у меня револьвер, и в схватке я нечаянно застрелил тебя. По-моему, неплохая версия. К тому же, вскрытие покажет, что ты находился под воздействием наркотиков. Так что у тебя только один шанс. Беги к двери. Может, успеешь.

Он оттолкнул от себя Ракстроу и поднял пистолет.

— Не надо! — крикнула Спэн.

— Отстань, — прошипел Скарлетт.

— Не стреляйте, прошу вас! — завизжал Ракстроу. — Я соврал! Харди здесь, в городе, я скажу вам, где!

— Где?

Ракстроу сказал.

Через пять минут все трое были уже на улице. Заталкивая Ракстроу в фургон, Скарлетт прошептал ему в ухо:

— Если мы не найдем его, я вернусь за тобой. И тогда тебе конец.

Ракстроу легко мог в это поверить.

Вдали от берега

17.13

Красная саржа. Как он и предполагал.

Но что из этого следует?

Авакумович только что закончил лазерный анализ. Он не спал уже двое суток, и мысли его начинали путаться. Конечно, ему нужно было поговорить с Деклерком, но лучше сделать это утром на свежую голову.

По пути домой ученый обдумывал одну странность. Если нитка действительно из полицейского мундира, то этот мундир был очень старым. Старше пятидесяти лет.

17.21

Она увидела приближавшуюся к берегу лодку.

Лодка ныряла в свинцовые волны, а она стояла под дождем на крохотном причале и ждала.

17.22

— Хочешь поучаствовать? — спросил Скарлетт.

— Да нет, с меня хватит, — призналась Кэтрин Спэн.

— Тогда вези Ракстроу в полицию и запри его там. Оформи изъятие наркотиков или что-нибудь еще. Глав-

ное — продержи его взаперти как можно дольше. Встретимся в десять на месте.

— Ладно.

Когда Спэн уехала, Скарлетт улыбнулся. Он был доволен: все-таки удалось восстановить контроль над событиями.

Он залез в фургон и позвонил Типплу.

— Алло, — голос капрала был сонным.

— Это Рик, Билл. Вставай. Мы нашли Харди.

— Что, уже поймали?

— Нет, но мы знаем, где он.

— Надо оформить ордер.

— Я сейчас этим займусь. Можешь посторожить то место? Мы будем там в десять.

— Давай адрес.

Скарлетт продиктовал ему.

— И как ты его нашел?

— Ракстроу рассказал.

— Только не говори, как и почему, — предупредил Типпл. — Я не хочу этого знать.

17.27

Роберт Деклерк был пьян.

Когда жена помогла ему выбраться из лодки, он сразу упал на колени. Из рук его, жалобно звякнув, выпала пустая бутылка из-под коньяка.

— Роберт Деклерк, ты пьян?

— Был пьян, Дженни. Сейчас почти прошло.

Она подняла бутылку:

— Что ж, по крайней мере, ты напился благородным напитком.

Деклерк сел на причал и стал смотреть на море. Все вокруг было серым и влажным.

— Пошли домой, — сказала она. — Я хочу поговорить с тобой о деле.

— К черту дела. У меня выходной.

Женевьева взглянула на него удивленно. Она никогда раньше не видела его таким.

— А как же твой семинар? — спросил он.

— Я его отменила.

— Почему?

— Чтобы побыть дома с тобой.

— Прошу тебя, — он повернулся к ней. — Поезжай на занятия.

— Но почему?

Деклерк поглядел на бутылку у нее в руке и отвернулся к морю.

— Дженни, ты часто мне говорила, что я слишком крепко держу себя. Сегодня я сел в лодку, взял вот эту бутылку и отплыл от берега. Я давно, очень давно этого не делал. Я думаю о той клетке, в которую сам себя посадил. И думал, как мне оттуда выбраться. Мне нужно подумать еще немного.

Она ничего не сказала, молча глядя на мужчину, которого любила. Он сидел на мокром причале, обхватив колени руками, как мальчишка.

Потом она спросила:

— Сколько времени тебе нужно?

— До полуночи.

— Хорошо, — сказала она.

18.55

— Во сколько у тебя семинар? — спросил он.

— В полвосьмого, в Северном Ванкувере.

— А на какую тему?

— Еще не решила, — потом она увидела на кофейном столике раскрытую книгу. «Падение» Альберта Камю. — Может, взять тему отсюда?

— Как хочешь. Можешь взять тему из жизни. Мужчины, запертый в клетке собственной вины.

Женевьева поглядела на него с грустью. В который уже раз она пожалела, что не может дать ему ребенка. Она

знала, что часть души Роберта умерла вместе с дочерью и никогда уже не возродится.

Она пошла к бару и взяла оттуда бутылку портвейна. С бутылкой и книгой она пошла к выходу, в последний раз взглянув на неподвижно сидящего мужа.

Не в доброе время Роберту Деклерку вновь явился дух его дочери.

19.06

Она вышла из дома и сразу встретила холодный порыв ветра, задувавшего под ее зонтик капли дождя. Под ногами ее хлюпала вода. Дойдя до своего ТР-7, стоящего рядом с «ситроеном» Роберта, она открыла дверцу, положила книгу на панель управления, а бутылку сунула между сиденьями. Потом она завела мотор и выехала на Марин-драйв.

Она не заметила, как из кустов выехала и двинулась за ней, держась на расстоянии, другая машина.

За рулем ее сидел Спарки.

Падение

19.07

Услышав, как отъехала машина, Деклерк подошел к бару и достал бутылку виски. Он отхлебнул глоток прямо из горлышка и почувствовал, как по всему телу расплзается приятное тепло.

Минуту спустя он поставил бутылку и подошел к книжному шкафу. Из нижнего ящика, который не открывался уже несколько лет, он достал фото маленькой девочки, сидящей на груди сухих кленовых листьев — красных, желтых и оранжевых. Девочка смеялась, и ее светлые волосы, казалось, отражали солнечные лучи.

Деклерк поставил фото на стол, сел напротив и стал смотреть.

Время он времени от отпивал еще глоток из бутылки.

Потом он осторожно дотронулся до фотографии и прошептал — тихо-тихо:

— Принцесса, это я, твой папа. Я хочу поговорить с тобой.

20.03

Нож имел в длину два фута. Он был похож на мачете, каким рубят сахарный тростник, с одним только отличием. На его тупой стороне находилась закруг-

ленная кромка, ближе к основанию охватывающая нож почти полным кольцом. Ее вес усиливал удар в несколько раз.

С размаху Спарки мог отрубить этим ножом голову человеку.

Спрятавшись за деревьями, он смотрел на дверь, за которой скрывалась Женестьева Деклерк. Ее машина стояла в восьми футах от него. Дождь почти затих, перейдя в противную морось.

Спарки ждал, коротая время за разговором.

Говорил он со своей матерью.

20.16

Джозеф Авакумович слишком устал, чтобы спать. Из окна своей комнаты в отеле он долго смотрел на огни в гавани. Потом включил компьютер и вывел на экран шахматную доску.

Сегодня он играл черными.

20.31

Женщина, вышедшая из двери, направилась к ТР-7. Спарки, сжимая нож, смотрел, как она приближается. Дождь прекратился совсем, и ветер развеивал ее длинные черные волосы. Она думала о Камю. О том, что, если любой мужчина или любая женщина виновны, то они не могут судить других.

Дойдя до машины, она открыла дверцу и достала из-за сиденья бутылку портвейна. Когда она начала вылезать, Спарки стремительно шагнул к ней из тени.

Женщина повернулась, и увидела нож, падающий на нее сверкающей дугой. Его свист потерялся в шуме ветра.

Внезапно мир завертелся вокруг нее, быстрее и быстрее, пока не замер на точке острой, невыносимой боли.

«О Боже! — подумала она. — Я вижу свое тело!»

Оно распласталось под ней, обезглавленное, заливая кровью мокрый бетон.

«Я без головы!» — промелькнула мысль, но ни звука не донеслось из ее губ. Потом она увидела приближающуюся к ней человеческую фигуру и окровавленное лезвие ножа.

Рука схватила ее за волосы. *«Я виновна»*, — успела подумать она, и тут кровь окончательно перестала питать ее отделенный от тела мозг.

Спарки сунул голову в мешок и исчез в тумане.

21.03

Через десять минут после того, как в полицию сообщили об убийстве, в штаб позвонил премьер-министр. — *«Значит, у нас есть шпионы»*, — мрачно подумал Шартран, снимая трубку.

— Шартран?

— Да, сэр.

— Я требую, чтобы вы немедленно отстранили этого Деклерка.

— Да, сэр.

«Прости, Роберт», — подумал он про себя.

21.06

Это было последней каплей. Повесив трубку, Роберт Деклерк изо всех сил швырнул телефон об стену. При этом початая бутылка виски упала со стола и разбилась.

Он понял только, что совершено очередное убийство. Кого убили на этот раз, он не знал, и это его не заботило.

— Плевать, — сказал он вслух. Ему хотелось еще выпить, но он не мог встать и дойти до бара. Он взял фотографию дочери в руки.

— Ты слышишь меня, Принцесса? Время настало. Я иду к тебе.

Он встал и пошел искать пистолет.

Перестрелка

21.11

Сигнал поступил в патрульную машину:

— Спэн, Скарлетт, это Типпл. Наш герой только что вернулся. Он привез что-то в мешке и пошел в дом. Сейчас он там.

Через минуту Типпл позвонил снова:

— Эй, ребята, это опять я. Харди идет к машине. Мешка у него нет. Я еду за ним, а вы постарайтесь не отстать.

Моника слегла с гриппом, и Рыжий Льюис остался один. Он услышал сигнал на дежурстве в Северном Ванкувере.

«Ну вот, хоть что-то», — подумал он.

Эд Рабидовски поймал сообщение, находясь в четверти мили от места убийства.

С удивленным лицом он прибавил громкость своего приемника.

21.47

Инспектор Мэк Флитвуд (ничего общего с рок-группой; напротив, он терпеть не мог рок) сидел за столом в Отделе по расследованию убийств, когда вошел констебль, дежуривший на Мейн-стрит.

— Это только что нашли, — он протянул Флитвуду конверт. — Таксист зашел перекусить в «Макдональде» и, вернувшись, нашел это на сиденье. Он не знает, кто мог это подложить.

На конверте было написано: «В полицию срочно». Флитвуд вытряхнул содержимое на стол. В конверте лежали киноплёнка и записка, составленная из газетных букв.

«Дядя Роберт, хочешь еще? P.S. Получи».

— Эй, Эл, — позвал Флитвуд. — Это опять Охотник.

Детектив Эл Флад быстро встал из-за стола и подошел к нему.

22.02

— Где ты, Типпл? — спросил Рик Скарлетт в микрофон. Они со Спэн сидели в машине на грязной проселочной дороге в горах Гроуз. Внизу горел огнями город. Некоторые из огней двигались.

Спэн стояла снаружи и слушала разговор через открытое окно.

— Мы на мосту Лайон-Гейт. Похоже, он едет домой.

— Где он был?

— Проехал мимо студии, но не остановился. Похоже, искал Ракстроу.

— Странно. Тот велел ему не приближаться к этому месту.

— Значит, наш Хорек не послушался. Что будем делать?

— Я войду в дом. У меня ордер.

— Давай побыстрее. Скоро он приедет.

— Да, и еще: у меня есть радиотелефон, так что держи нас в курсе. Я хочу знать, когда он будет здесь.

— Узнаешь, — пообещал Типпл и дал отбой.

Скарлетт повернулся к Спэн.

— Давай инструменты.

Она подошла к своей машине и вернулась с большим ящиком. Оба автомобиля были спрятаны в кустах, чтобы Харди не заметил их, когда вернется домой.

— Для лыжного домика это вряд ли подходит, — заметила Спэн.

Дом был грубо сбит из полусгнивших досок. Отапливается он дровами, если они правильно угадали назначение закопченной трубы. Электричества в доме не было, и больше всего он напоминал хижину отшельника.

Скарлетт посветил фонариком в ящик и извлек оттуда короткий ломик. Рама легко подалась.

— Должно быть, сюда лазили уже много слишком нетерпеливых лыжников и лыжниц, — ухмыльнулся он. — Подставка-ка руки.

Спэн сцепила пальцы и сделала из рук ступеньку. Встав на эту ступеньку ногой, Скарлетт подтянулся и забрался внутрь. Ухватив напарницу за талию, он втянул в отверстие и ее.

— Ладно, разделимся. Осмотри эту комнату, а я пойду в другую.

Тут из радиотелефона у пояса Рика раздался голос Типпла:

— Мы едем в горы. Будем на месте минут через десять.

Скарлетт пошел в комнату и начал осматриваться, когда Спэн окликнула его.

Вернувшись, он увидел ее присевший на пол рядом с четырьмя масками воду. Она вынула их из простейшего тайника — две доски пола откидывались на заржавевшей петле. Спэн вытряхнула из одной маски на пол белый порошок и, подцепив его пальцем, осторожно лизнула.

— Кокаин? — спросил он.

— Да. Кончик языка сразу застыл.

— Много его там?

— По крайней мере, восемь унций.

— Мы подъезжаем, — голос Типпла. — Приготовьтесь.

— Оставайся здесь. Я пойду вперед.

Скарлетт вошел в другую комнату и увидел на полу пятно крови. Он наклонился и потрогал ее. Кровь была свежей.

Он начал ощупывать пол вокруг. Ломик все еще был у него, и он по очереди пробовал поддеть им доски пола. Наконец одна из них отошла.

— Рик, я вижу дом. Я остановлюсь здесь на случай, если он поедет назад.

— Кэти! — прошептал Скарлетт. — Иди сюда!

Она, крадучись, присоединилась к нему.

— Смотри, — он указал на пол. Тут за окном раздался шум подъехавшей машины, и оба выключили фонарики.

Ощупывая отверстие рукой, Рик обнаружил два пластиковых мешка, подвешенные на гвоздях к доскам пола. Дом из-за уклона был построен на сваях, и под мешками оставалось пустое место.

Он снял один из мешков с гвоздя и быстро передал его Спэн. Внутри оказались четыре полуфунтовых пакета кокаина.

Во входной двери повернулся ключ. На крыльце за- танцевал оранжевый луч.

Скарлетт достал второй мешок и вытащил пистолет. Харди открыл дверь.

— Стоять! Полиция! — крикнул Рик.

Человек, застыл на пороге. В руке он держал шахтерский фонарь, освещающий пустые стены комнаты. Он перевел взгляд со Скарлетта на Спэн, потом на мешки с кокаином.

— Вы их нашли, — сказал он.

— Мы нашли не только их. Поставь фонарь. И без глупостей.

Харди подчинился. Отложив пистолет, Скарлетт раскрыл второй мешок и извлек оттуда армейский нож и фотоаппарат «Полароид» в пластиковом пакете. Нож был длиною в фут, слегка изогнутый и остро наточенный, не считая щербинки на лезвии.

Харди покачал головой:

— Я никогда не видел этих вещей.

— А как насчет этого? — полицейский опять залез в мешок и достал оттуда за волосы человеческую голову.

— О Боже! — воскликнул Харди.

Его взгляд в панике метнулся с головы на дыру в полу, со Скарлетта на Спэн. Потом он пнул фонарь. Горящий керосин растекся по полу. Фонарь полетел в сторону Скарлетта, который с криком закрыл лицо руками. Голова упала и покатилась в сторону Спэн, пытавшейся достать револьвер.

— Горю! — крикнул Скарлетт, пытаясь сбить пламя на загоревшемся рукаве. В панике он кинулся на пол и начал кататься.

Харди схватил лежащий на полу нож и кинулся на Спэн. Она отпрыгнула, но споткнулась о Скарлетта и упала.

Удар ножа пришелся по руке Рика, пытавшегося подняться. Он упал на колени, и Харди занес нож для нового удара.

— Стой! — крикнул Типпл из двери, уже зная, что опоздал.

Нож уже опускался на горло Скарлетта, когда Кэтрин Спэн выстрелила. Она теперь стояла на коленях, держа пистолет обеими руками.

В шее Харди появилось отверстие размером с мячик для гольфа. Он пошатнулся и выронил нож. Вторая пуля буквально разнесла ему голову, рассыпав дождь из крови и мозгов. Третий выстрел попал Джону Линкольну Харди в спину. Он пошатнулся и тяжело рухнул на пол.

— Рик, бери мешки и уходи! — скомандовал Типпл. — Кэти, возьми эту голову и нож. Я же вытащу тело.

Через минуту они уже были вне пределов досягаемости огня, пожиравшего хижину. Огонь, должно быть, был виден во всем городе, как маяк.

Вскоре небеса разверзлись, и хлынул новый дождь. Под его холодными струями пламя вскоре погасло, да и гореть было уже почти нечему.

Самоубийство

22.39

Роберт Деклерк почистил и смазал пистолет и положил его на стол в теплице. За предыдущие полтора часа он собрал все папки дела Охотника и сложил их в стопку у входной двери. Закончив, он написал записку Франсуа Шартрану, изложив в ней свои соображения о ходе расследования, и пожелал удачи. Еще он написал Женеви́еве и приколот это послание к двери теплицы.

Теплица была пристроена к южной стене дома. Хотя в этой стене было окно, из него нельзя было увидеть, что происходит в хрупком стеклянном сооружении. Единственным входом туда была тяжелая дубовая дверь дома.

В записке жене Деклерк просил ее простить его. Он не объяснял причин своего решения, а просто написал, что любит ее и благодарит за все то счастье, что она ему дала.

«Я ухожу к Дженни, — закончил он, — поэтому, прошу тебя, не открывай дверь. Вызови полицию и знай, что я наконец сбежал из своей тюрьмы».

Потом Роберт Деклерк почистил свою синюю форму и повесил ее на вешалку у двери рядом с папками. Подойдя к бару, он глотнул бренди из бутылки, взял со стола фото дочери и пошел с ним в теплицу.

Он уже готовился запереть замок, когда услышал шум. Кто-то открывал входную дверь.

Заглянув в комнату, он увидел бегущую к нему Женевьеву. Она плакала, закрывая ладонями лицо:

— Ах, Роберт, какой ужас. Бедную Линду...

И тут он оттолкнул ее.

Его рука коснулась ее груди и не дала ей броситься к нему, рассказать о своей беде.

— Прости, Дженни, — он захлопнул дверь.

Женевьева даже в своем возбуждении не сразу поверила в это. Он ударил ее. Что происходит?

Сперва Линда, ее студентка, была убита, когда пошла к ее машине за бутылкой портвейна.

Потом какой-то тип, прогуливавший неподалеку собаку, вызвал полицию, и в считанные минуты здание наводнили десятки полицейских.

Полтора часа она пыталась дозвониться домой, но диспетчер неизменно отвечал, что линия не работает.

Наконец она приехала — ее любезно подвез Джозеф Авакумович, который хотел зайти, но она сказала, что ей нужно побыть наедине с мужем, — и вот что случилось!

«Что происходит? Что за дикий вечер?»

Потом она увидела все.

Разбитый телефон. Бутылки и лужа виски на ковре. Стопку папок и форму возле двери.

Ее глаза в ужасе расширились, когда она увидела, что кобура на форме расстегнута, и пистолет^а нет.

«Он собирается убить себя», — подумала она и мгновенно оказалась у двери, ведущей в теплицу, зная, что не сможет справиться с ней, зная также, что не успеет обежать дом, чтобы войти в теплицу со стороны моря. Она в панике начала дергать ручку, колотить в дверь, царапать ее твердой деревом ногтями.

К ней подбежал Авакумович.

— Я вернулся. Где Роберт? Типпл, Скарлетт и Спэн нашли Охотника.

— Роберт в теплице! — крикнула она, указывая на дверь. — Он хочет убить себя!

В следующую секунду большое тело русского пронеслось мимо нее. Он сбил ее с ног, и она наконец потеряла сознание.

Авакумович разбежался, вынося вперед левое плечо, и изо всех сил ударился в дверь. Веса 285 фунтов не выдержал даже дуб. Жалобно затрещав, замок вырвался из двери вместе с обеими петлями. Дверь влетела в теплицу, внося с собой Авакумовича.

Роберт Деклерк засунул ствол пистолета себе в рот и застыл, поднеся палец к спуску. Дуло уперлось ему в небо — ближайшая дорога к мозгу.

Путаясь в битом стекле и цветочных горшках, Авакумович неуклюже пытался встать.

— Не делай этого, Роберт! — кричал он. — Летучий патруль поймал Охотника!

Он не спустил курок.

Он сел на стул, все еще держа пистолет во рту, и посмотрел на Авакумовича, не видя его.

Потом медленно убрал пистолет.

— Что ты делаешь здесь, Джозеф?

— Пришел в гости. Ты звал меня, помнишь?

Суперинтендант кивнул.

И тут за стеной теплицы он увидел лицо жены, прижатое к стеклу. Он поглядел на свои руки, одна из которых совсем недавно ударила ее. Потом встал и вышел к морю.

Женевьева ждала его на пороге. Лицо ее было мокрым, и он не мог понять, слезы это или капли дождя.

Чувства полицейского

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН

Суббота, 4 декабря, 22.02

— Кроме того, что ты стал капралом, что дала тебе эта история? — спросила Кэтрин Спэн.

Рик Скарлетт улыбнулся:

— Мне больше всего понравилось, когда наш премьер объявил палате общин, что Деклерк отстранен от расследования, а через пятнадцать минут вернулся и сказал, что суперинтендант поймал Охотника. У него был такой дурацкий вид!

Оба капрала рассмеялись.

Они поехали в Сиэтл отметить успех. Звали и Типпла, но тот — теперь уже сержант, — отказался, сославшись на крупное дело, которое расследует их отдел. «Когда вернетесь, — загадочно пообещал он, — я буду уже инспектором».

Ресторан на Оружейной площади, где они сидели, славился французской кухней. За дополнительную плату метрдотель (конечно же, парижанин) усадил их у окна, откуда открывался вид на бухту Элиота. Днем из этого окна можно было видеть все до самых гор, но сейчас они видели только огни пароходов в бесконечной бархатной черноте моря и неба. Они только что доели десерт и прикончили третью бутылку вина.

— Интересно, что он с ними сделал? — спросил Скарлетт. Язык у него слегка заплетался. Он выпил большую часть алкоголя.

— С кем?

— С головами.

— Не знаю. И думаю, никто уже не узнает.

— Да, — они оба замолчали.

Он подозвал официанта и заказал два курвуазье. Повернувшись, он еще раз — далеко не первый, — оглядел свою спутницу с ног до головы. Спэн была в черном платье с глубоким вырезом, в котором матово блестела нитка жемчуга. Ее волосы были уложены и заколоты сзади. Пока принесли коньяк, в горле у Рика совсем пересохло.

— Знаешь, — сказал он, отпив глоток золотистой жидкости, — в Штатах мне больше всего нравится, что люди такие открытые. Конечно, тут тоже много всякого дерьма, но американцы не боятся говорить об этом. По-моему, они честнее нас.

— Может быть, — согласилась Спэн, глядя куда-то мимо него.

Через пятнадцать минут принесли счет. Скарлетт пытался оплатить его, но Кэтрин отказалась.

— Не мой стиль, — сказала она.

Поэтому они расплатились поровну и вышли. Их тут же окружили запахи Оружейной площади: мясной, рыбный, чесночный. Над всем этим плыл могучий запах морской соли. Сразу же Рик Скарлетт споткнулся и упал.

— Ты слишком много выпил, — заметила Спэн, помогая ему подняться.

— Ничего, — отозвался он, шатаясь из стороны в сторону.

— Пошли быстрее. Возьмем такси, а то опоздаем на самолет.

Он не двинулся и вместо этого схватил ее за руку. Они стояли наверху деревянной лестницы, ведущей на улицу вниз. Под ними расстилалась чернота бухты.

— Может, придумаем что-нибудь получше?

— Что это значит? — спросила Спэн. — Ты что, всегда говоришь загадками?

— Слушай, а как ты себя чувствуешь? Я имею в виду, что ты женщина и получила звание капрала одной из первых, между прочим.

Спэн покачала головой.

— Рик, мне столько же лет, сколько тебе. Я работаю в полиции так же долго. При чем тут мой пол?

— Не понимаешь?

— Нет.

— Мой отец служил в Конных в прерии. Я мечтал стать полицейским, сколько себя помню. Поэтому я здесь.

— А я здесь из-за...

— Ага, из-за феминизма, освобождения женщин и всего такого.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Таким, как ты, нравится бить мужчин на их территории. Делать их дело. И у тебя это здорово получается. Я восхищаюсь тобой.

— Значит, ты так считаешь?

— Да. И это правда. Ты можешь скрывать это или сама не знать, но это правда.

— И кто это говорит? Рик Скарлетт или пара бутылок «Шатонеф»?

— Я не пьян.

— Ты пьян.

— Кэти, будь честной хоть раз. Признай, что ты такая же, как все. Ты любишь власть и любишь быть первой. В этом нет ничего плохого...

— Рик, кончай нести...

— И ты любишь трахаться.

Спэн, нахмурившись, сделала шаг назад.

— Не обижайся. В этом нет ничего незаконного.

Женщина снова покачала головой.

— Давай покончим с этим.

— Давай не будем, Кэти. Давай останемся здесь и немного повеселимся. Поверь мне, так будет лучше для нас обоих.

— Поехали домой, Ромео.

Скарлетт еще крепче сжал ее руку.

— Не веди себя со мной, как с маленьким ребенком.

— Не веди себя так. И отпусти меня.

Скарлетт отпустил ее руку, но глаза его зажглись гневом:

— Выходит, я тебе не пара? Тебя ждет парень получше, так ведь?

— Рик, мы хорошо провели время. Давай не портить это.

— Отвечай мне? Дело в этом?

— Рик, — сказала она медленно, с расстановкой, — я работаю с тобой. Ты вполне устраиваешь меня, как партнер. Но больше никаких дел у нас быть не может. Тебе понятно?

— Кэти, а тебе непонятно, что я только о тебе и думаю? С тех самых пор, как впервые увидел тебя у доски объявлений.

— Рик, я же сказала: хватит. Закроем эту тему. Ты идешь или нет?

— Послушай же меня! — Скарлетт почти кричал. — Не отворачивайся! Я два месяца работал с тобой. Теперь все кончено, отряд распускается, и мы больше не будем вместе. Но я этого не хочу! Я хочу тебя, Кэти!

— Я уйду, Рик, — она повернулась, чтобы уйти.

— Черт! — крикнул он. — Да не зажимай ты так свою дыру! — Здоровой рукой, той, на которой не было швов, он схватил ее за грудь.

Кэтрин Спэн вырвалась и отскочила.

— Еще раз так сделаешь, и я тебя ударю, — предупредила она, сжав зубы. — Уходи. Я не трахаюсь с полицейскими. Это все равно, что кровосмешение.

Лицо Рика Скарлетта залилось краской.

— Сучка! — крикнул он. — Ты игралась со мной все зря! Заводила меня, показывая сиськи в бане! А посмотри на себя сейчас с этим вырезом! Конечно, это товарищеские отношения! Лицемерка ты, и больше никто.

— Бедный, — сказала Спэн и, повернувшись, ушла в ночь.

Ей пришлось прыгать через ступеньки, чтобы успеть вовремя. По счастью, внизу ей сразу попало такси, и через двадцать минут она была уже в аэропорту. За ней закрылась дверь самолета на Ванкувер.

Только когда ДС-9 набрал высоту и внизу заплескалась вода, она наконец расслабилась.

«О Боже, — думала она, закрыв глаза. — Ну зачем все портить именно тогда, когда дела наконец налаживаются?!»

Теперь за Скарлеттом нужен был глаз да глаз.

Часть третья

Что со мной, доктор?

«Нет, это было не смешно и даже патетично; он как бы представлял в своем лице всех прошлых жертв великой Шутки. Ведь безумство движет мир, и, значит, оно серьезно. А кроме того, он был все-таки добрым человеком».

Джозеф Конрад

Внутри сознания

ВАНКУВЕР, БРИТАНСКАЯ КОЛУМБИЯ

Октябрь

Дождь. Дождь. Дождь.
Боль. Боль. Боль.

Как будто призрак вернулся
Чтобы снова мучить меня.

Медленные дни. Никаких перемен.

Я больше этого не выдержу!

Я провел ночь в ее старом кресле возле занавешенного окна.

Теперь, когда мать в земле, я должен продать ее дом.
Октябрьский ветер жалобно воет в ветвях деревьев.

Я сидел всю ночь и смотрел на фотографии.
И они смотрели на меня.

Навязчивые идеи. Невротики часто сосредоточивают все свое внимание на какой-либо одной опасности или проблеме. Если это внимание становится очень напряжен-

ным, оно переходит в навязчивую идею. Например, такой человек каждую ночь встает, чтобы проверить газовый кран. Или он так боится заразиться, что поминутно моет руки или запирается в стерильном помещении. Часто навязчивые идеи локализуются в областях секса или насилия, но в большинстве случаев это выражается в символических действиях.

Что я знаю о смерти? Сейчас посмотрим.

Я знаю, что единственное определение прекращения жизни — это переход к состоянию, в котором время не существует. Время требует активности, поэтому без активности нет жизни.

Я знаю, что навязчивая идея относительно смерти называется танатофилией. А человек, боящийся смерти до ненормальности, называется танатофобом.

Что ж, примерю это к себе.

Отец. Брат.

Мать. Сын.

Начнем сначала: сколько раз?

Разве не воля является сердцевиной характера?

Она. Всегда. Везде.

Течение жизни покоряется искусству рулевого. Итак, поплыли!

Нужно забрать белье из прачечной.

Еще мне нужны новые лезвия «Жиллетт».

Кажется мне, или они действительно кладут по сторонам самые острые лезвия, а в середине помещают тупые?

Этой ночью ты снилась мне, Кэти, и я проснулся, крепко сжимая подушку в руках.

Я снова видел кладбище, но не мог подойти к могиле. Шел дождь, и все пришедшие на похороны были под зонтиками. Твоя мать плакала, и я хотел подойти и

успокоить ее, но почему-то не мог. Я стоял на краю кладбища, весь мокрый — по какой-то причине у меня не было зонтика.

Иногда мне очень одиноко.

Прошлым вечером я чувствовал себя именно так, поэтому долго глядел в небо. Ты бы видела Юпитер, такой великолепный! С помощью камеры в телескопе я заснял Сатурн в хорошем ракурсе. Может быть, когда проявлю пленку, повешу этот снимок над кроватью. У меня будет общество.

Сегодня Хэллуин.

Я положил фото — их уже три, — на свой стол рядом с увеличителем. Я только что закончил печатать то, что увидел в небе. Руки тряслись, но я заставил себя сделать это. Я опять загнал моего монстра в клетку.

В следующий раз это может не получиться.

И тогда храни меня Бог!

Ноябрь

Сегодня я видел доктора Джорджа Рурика, и вот что он мне сказал.

Сначала спроси себя: откуда идут мои мысли?

Мы все слышали о комплексах. «Перестань третировать ребенка, ты разовьешь у него комплекс». «У этого человека комплекс неполноценности». «Странный тип, похоже, у него эдипов комплекс».

Так что же это такое?

Комплекс — группа идей, владеющих вашими мыслями и влияющих на вашу жизнь. Вы видите все в преломлении этих идей. Например, если вы влюблены, любая мелочь вроде самого легкого запаха духов сразу же направит ваши мысли и чувства к тому, что можно назвать «комплексом любви».

Комплекс в психологии то же, что сила в физике.

Но в этом-то и вся проблема!

Что если комплекс совершенно противоречит всей натуре человека? Если, к примеру, он сексуального свойства и влияет на человека строгих правил?

Что если возникнет конфликт комплекса с сознанием?

Может быть, сознание изменит комплекс и приспособит его к себе.

Может быть, они придут к равновесию.

А быть может, это невозможно, и тогда начнется борьба до победного конца.

В такой борьбе победитель будет контролировать сознание. Обычно здравый смысл побеждает и заключает комплекс в тюрьму.

Но здесь, сказал доктор Рурик, скрывается вторая проблема.

Комплекс, хоть и погребенный в глубине, продолжает существовать. Его бдительно стерегут, но он находит способы подняться на поверхность — как весенние всходы из-под асфальта.

Комплекс влияет на сознание непрямым путем. Чем уродливее монстр, тем извилистее его путь.

Так, сказал доктор, бывает и с той навязчивой идеей смерти, о которой я спросил.

Допустим, случилось что-то, вызвавшее у человека сильную душевную боль. Вы знаете таких людей?

(Знаю, по меньшей мере, одного)

Во время такой боли структуры сознания расшатываются, и комплекс именно тогда может вырваться наружу. Часто это происходит в символической форме. Например, человек начинает считать, что он Наполеон. А иногда происходит то, что психологи называют «проецированием».

Комплекс как бы вытесняется, проецируясь на другого человека. Если это реальный человек, то пациенту может показаться, что он представляет для него опасность. Он может даже убить этого человека.

Если это воображаемая личность или тот, кто давно умер, проецирование приобретает характер галлюцина-

ций. Пациент видит призраков или слышит голоса, приказывающие ему. Иногда это голоса из ада.

Фрейд говорил, что большинство случаев подавления комплексов связаны с сексом.

Возможно, он прав.

В любом случае, дефекты сознания не рождаются в мозгу. Они происходят из материала, данного жизнью.

Прежде чем отвечать на вопрос, здоровы ли вы, спросите себя: *не прячутся ли в моем сознании монстры?*

Но здесь кроется последняя проблема!

Вы можете сами не знать, что они там есть.

Вот что сказал мне доктор Рурик.

Он предложил мне походить на семинар одной из своих бывших студенток. Ее зовут Женестьева.

Нужно попробовать.

Конечно, я не сказал ему о моих проблемах с головами.

Комплекс в психологии то же, что сила в физике.

Что ж, посмотрим, с чего все это началось.

1954

Год был еще тот.

Я помню, как отец стоял у прилавка аптеки, держа в руке сдачу, и разговаривал с мистером Торсоном. Я в это время пошел к тому прилавку, где лежали комиксы. Это был первый вторник месяца, когда вышел новый «Черный Ястреб».

Путь к прилавку пролегал мимо длинного ряда журналов для взрослых. «Лайф», «Лук», «Сэтердей Ивнинг пост» и все такое. Там меня и поджидала голова. Она глядела на меня с обложки бульварного журнала под названием «Приключения настоящего мужчины».

Эти слова были напечатаны ярко-красным, тем же цветом, что и кровь, текущая из шеи, из глаз, из носа головы, надетой на палку. Среди лохмотьев кожи на шее

можно было увидеть оголенные позвонки. Но особенно меня поразили ее глаза: выкаченные, с налившимися кровью белками, они глядели прямо на меня. Мне было семь лет.

В тот момент произошла очень странная вещь. Какая-то сила будто подхватила меня и перенесла из аптеки на обложку этого журнала. Я помню, что оказался на борту каноэ, лицом к лицу с Великим Белым Охотником. Его куртка цвета хаки взмокла от пота и прилипла к мускулистой груди. Я помню медальон святого Христофора у него на шее и шляпу сафари с лентой из леопардовой шкуры. Он держал указательный палец на спусковом крючке «ремingtona».

Я знал, что мы окружены.

Вокруг нас было кольцо челноков, на каждом из которых стоял столб с отрубленной головой. В челноках сидели индейцы хиваро (теперь я это знаю) с бронзовой кожей и длинными черными волосами. Все они были вооружены — копьями с пучками человеческих волос на древке, длинными духовыми трубками, трехфутовыми мачете, на лезвиях которых блестело солнце. Потом что-то ударилось о наш челнок, и на плечо мне легла рука.

Не знаю, как я не умер со страха.

Ведь в следующую минуту сверкающее лезвие должно было снести мне голову.

— Эй, сын! Повернись и посмотри на меня.

Но я не мог — картинка меня не отпускала.

Потом другая рука взяла «Приключения настоящего мужчины» и повернула их обложкой вниз.

— Вот, — сказал отец, опускаясь на корточки. — С глаз долой, из сердца вон. Эта картинка тебя напугала?

— Нет — сказал я, отчаянно встряхивая головой.

— А меня напугала. Слишком уж она *реальная*. Но не бойся, сынок. Иди выбирай комикс, да побыстрее, а то мама нас зажала.

Я послушался, и скоро мы вышли из магазина. На обычном пути я успел бросить взгляд на заднюю обложку

журнала. Там Чарльз Атлас демонстрировал бицепсы и спрашивал: «Хочешь быть похожим на меня?»

Самолет пропал в декабре, когда отец летел в Торонто. Он как раз бросил пить, сумел найти работу и отправился на восток в командировку.

Два месяца я целыми днями сидел у окна и ждал, что он вернется.

Обломки самолета нашли только в конце февраля. Он разбился в Скалистых горах.

Вторая голова подстерегла меня в первый вторник марта.

Глаза увидели ее тут же, но какое-то время отказывались сообщать сигнал в мозг. Я помню, как глаза мне сразу залил пот, будто меня жгло солнце тропиков.

Эта голова была еще хуже первой.

Опять передо мной появился Великий Белый охотник в своей куртке хаки. Только на этот раз он стоял с «ремингтоном» наперевес в дверях тростниковой хижины. Я видел его из-за плеча индейца, сжимавшего в одной руке окровавленный мачете. В другой руке он держал кожаную веревку с заостренной костью, продетой через уши отрезанной головы. Сама голова занимала треть картинки. Глаза ее закатились так, что были видны только белки, пронизанные кровяными жилками. Из углов глаз стекали струйки крови.

Я пытался отвернуться и не мог. Хотел закрыть глаза и тоже не мог.

— Прошу тебя, папа, — прошептал я. — Убери от меня эту картинку.

— Что такое? Ты с кем говоришь?

— Папа, оно вернулось. Оно опять здесь.

Рука легла мне на плечо и слегка тряхнула.

— С тобой все в порядке, сынок? — голос аптекаря.

Только в этот момент я по-настоящему понял, что отец никогда уже не вернется.

На миг я снова взглянул на обложку, и мне почудилось, что на меня смотрят серые глаза отца. В следующую секунду я вырвался от аптекаря и побежал. Сзади послышался звон стекла — я выбежал прямо сквозь витрину.

Снаружи шел дождь, как часто бывает в этом городе.

Уже в квартале от аптеки я обнаружил, что порезался. Из обеих рук текла кровь. Я сел на асфальт и целых полчаса сидел, думая об отце и глядя, как дождь смывает кровь с моих пальцев.

Через четыре дня я понял, что что-то не так.

В поликлинике доктор наложил мне на руки сорок семь швов. Мать была очень расстроена и напугана. За разбитую витрину с нее взяли пятьдесят баксов, а на счету у нас из-за пьянства отца ничего не было. Но гораздо больше ее беспокоила мысль, что у меня не в порядке нервы. Прошло совсем немного времени после гибели отца, а ей нужно было поднимать нас с братом.

Я не сказал ей про головы. Мне было восемь лет, и я уже начал ощущать себя главой семьи.

Единственным наказанием было то, что четыре дня подряд она посылала меня в аптеку за бинтами для моей руки. Как все матери, она говорила при этом что-то вроде: «Надеюсь, ты запомнишь этот урок. Подумай только, ты ведь мог себя убить!»

Но я не пошел в ту аптеку — с тех пор я ни разу там не был. Я прошел шесть кварталов и отыскал другую. Через стекло я видел полки с лекарствами, бинтами, игрушками и лысого аптекаря, который показывал что-то покрасневшей девушке. Похоже, это ее ждал на улице такого же возраста парень. Тут и началась фантастика. Я не мог заставить себя войти.

Не мог поднять руки и толкнуть металлическую перекладину на двери.

— Что, не можешь открыть дверь? — спросил парень.

— Да, — я беспомощно поглядел на него. Теперь уже не только мои руки, но и ноги налились тяжестью и как будто вросли в бетон.

— Я купила! Эти со смазкой — вылетевшая из аптеки девица задела меня дверью.

— Осторожнее, Джин, — укоризненно заметил парень. — Ты ушибла его.

— О, прости, мальчик, — тут она заметила мое бледное лицо. — Тебе чем-нибудь помочь?

— Да. Купите мне, пожалуйста, бинт, а я постою здесь.

Она сделала, как я просил, но, уходя, сказала парню:

— Знаешь, Тим, с ним что-то не в порядке.

И она была права.

Об этом быстро узнали мои друзья. Когда мальчик не может зайти в аптеку, чтобы купить жвачку или комиксы, и просит сделать это других, это не могут не заметить.

Так и случилась история с Джимбо.

Однажды мы — Кори, Джимбо и я, — пошли в магазин «Деловая пчела» купить попкорна. А я хотел еще взять бутылочку крем-сода — не обычную розовую, а белую, она мне очень нравилась. Хозяйка магазина была знакомой матери и специально оставляла мне бутылку белой.

Я знал, что надо быть осторожней — это ведь было первого апреля, — но ярко светило солнце, с меня только что сняли бинты, и, вопреки страхам матери, мои пальцы не были парализованы.

Мы вошли в магазин, и я дал Джимбо мой десятицентовик.

— Тебе белую? — спросил он.

— Да, — я ничего не заподозрил. Краем глаза я видел полки внутри магазина, куда не мог, просто не мог войти.

— Первое апреля! — выкрикнул вдруг Джимбо и изо всех сил толкнул меня в дверь.

Никогда я не испытывал такой паники. Сердце у меня в буквальном смысле ушло в пятки. Я рванулся обратно, но они загородили мне дорогу. Джимбо хохотал, а Кори хлопал себя по бокам.

Тогда я и разбил Джимбо нос. Я ударил его кулаком прямо по лицу и услышал, как хрустнула какая-то косточка. Он так и повалился, как мешок с картошкой. Кори перестал смеяться, но все еще загораживал дверь, и я оттолкнул его. Помню свой крик: «Пусти! Пусти меня!»

Кори завизжал.

Когда я пришел домой вечером, дверь мне открыл брат.

Он только взглянул на меня и сразу заплакал. Мой брат был совсем другим, не таким, как я. Почему он умер?

Позже я обнаружил, что боюсь крови.

Помню, как мать в кухне резала овощи, а я за столом читал комикс. Комикс про «Мясничиху» — героиню, вооруженную громадным сверкающим ножом.

Плип... плип... плип...

Я слышал, как разрезанные овощи ложатся на доску. Должно быть, именно с таким звуком гильотина отрубает человеку голову.

Тут мать вскрикнула и бросилась в ванную, прижав к груди руку. На доске остался нож, запачканный кровью.

Я побежал в ванную за ней и увидел, что весь пол забрызган кровью. Вода лилась из крана с оглушительным шумом, как водопад. Комната начала кружиться вокруг меня. «Ты не подашь мне марлю?» — попросила мать, но я ее почти не слышал. Пол с удивительной скоростью поднялся и ударил меня по голове.

Очнулся я на кровати, на руках у матери.

Она плакала (мы все много плакали той весной) и все еще пыталась остановить текущую из пальца кровь.

Я люблю тебя, мама.

Ночью я проснулся от какого-то шепота.

Оглядевшись я не увидел ничего, кроме темноты.

Потом в углу под потолком показалась полоска света. Это оттуда доносился шепот, такой тихий, что я не разбирал слов. Свет кружился и постепенно спускался ко мне.

Помню, что я закрылся простыней, оставив снаружи только глаза.

В центре светлого круга появилось лицо.

Это был Великий Белый Охотник, и он шептал: «Берегись! Берегись! Я заберу и ее!»

Я не спал ту ночь и еще несколько.

В конце концов решение придумал Джимбо — мы с ним остались друзьями, несмотря на разбитый нос.

— Мы заведем тебя в аптеку, — сказал он, — и проведем мимо полки. Я закрою от тебя те журналы курткой, а Кори проследит, чтобы ты не подглядывал. Потом мы выйдем. Если не поможет, повторим еще раз.

Удивительно, но это помогло. Джимбо сделал так, что я больше не боялся магазинов, аптек, почт. Но он не мог ничего поделать с кровью.

О Боже, не могу в это поверить! Я влюблен!

Я пошел на семинар, то ли из-за Рурика, то ли потому, что сам хотел найти разгадку.

Господи, что за женщина! Вы бы видели ее!

Женевьева, Женевьева, ЖЕНЕВЬЕВА — где ты была всю мою жизнь?

Хорошо, что она замужем, и любовь не будет взаимной.

Женевьева Деклерк, я люблю тебя.

О, блаженный день!

* * *

Поговорим об отрубленных головах.

Без притока кислорода человеческий мозг может жить не больше минуты. Но это тоже немало.

Почему люди так боятся отрубленных голов?

Не потому ли, что они инстинктивно догадываются, что в них продолжает жить сознание?

Но почему у меня этот страх сильнее в тысячу раз?

Женевьева, Женевьева, Женевьева! Стань моим спасением!

Я вслушивался в каждое слово, что ты сказала вчера на семинаре.

Женевьева, ты будешь моим тайным психотерапевтом.

Даже если ты об этом никогда не узнаешь.

После семинара я некоторое время смотрел в телескоп на каналы Марса. Сделал еще несколько снимков Юпитера. Фото отрезанных голов — их уже четыре, — все еще лежат на столе.

Женевьева, я стараюсь бороться со своим монстром.

Завтра после работы я увеличу эти фотографии. Надеюсь, это поможет.

По-моему, все определило убийство брата. Его тело так и не нашли, но я видел следы укусов на его предплечье и знаю, почему убивают таких людей.

Мать после этого так и не оправилась. Она сидела в отцовском кресле — том же, где теперь сижу я, — и смотрела в занавешенное окно.

Я знал человека, смертельно боявшегося укусов. Он излечил свой страх, когда стал врачом.

Я решил излечиться, став полицейским.

Господи, зачем я снял эти головы?

* * *

Это невероятно! Она пригласила меня на ланч! В 10.45, сказала она по телефону.

Какой счастливый день!

Сегодня пришла еще одна фотография, вместе с новостью, что его поймали.

На этот раз Охотник использовал не «Полароид», как будто знал, что мы отслеживаем всех, кто покупает эту пленку.

Женевьева так рада, что ее кошмар закончился. Я не стану ее расстраивать.

«Берегись! Берегись! Я заберу и ее!»

Вспомнил про тебя, Кэти Дженкинс, моя школьная любовь. Я знаю, это была случайность — что на выпускном балу ты танцевала именно со мной. Но я любил до сих пор только тебя и не успел сказать тебе это до катастрофы. Может быть, поэтому на твоих похоронах я был без зонтика?

Вся моя жизнь — потерянные шансы.

Происходит странное: я не верю, что Охотник пойман.

Меня беспокоит вот что. Все жертвы, кроме последней — там Охотнику помешали, — были изнасилованы им. Но следы эякуляции обнаружены только на теле Джоанны Портмэн.

Допустим, Охотник не может кончить и винит в этом женщин. Поэтому он убивает их.

Так что отсюда следует? В тот вечер, когда убили Харди, я пропустил семинар и несколько часов после смены думал над этим делом. Тогда я и нашел записку Деклерка, касающуюся заявления Энид Портмэн:

«Джек, проверьте, был ли у Джоанны Портмэн мужчина. Сперма сохраняется в вагине тридцать шесть часов. Если она имела сношение в этот период,

это объясняет следы эякуляции. Немедленно доложить мне».

К записке был приложен рапорт. Парня нашли, это оказался женатый врач из той же больницы. Он снимал квартиру через улицу, где они с Джоанной занимались любовью во время обеденного перерыва. Да, они делали это и в последний день ее жизни.

Что-то в облике Харди не вязалось с тем, что мы знали об Охотнике. Копы не любят неувязок в деле, даже когда оно закрыто. Это продолжало беспокоить меня, пока сегодня я не нашел ответ.

Найти ее было нелегко.

Сперва я два вечера бродил по улицам Вест-Энда. Я сравнивал каждое встречное лицо с ее фотографией из картотеки. Те, что помоложе, при виде меня выпячивали груди и виляли задом; те, на ком годы и наркотики уже оставили отпечаток, наоборот, прятались в тень. На Бут-стрит проститутки просто кишели, а на Никола они уступили место молодым парням, ищущим клиентов. Там я ее не нашел.

Потом я обыскал Угол и его стриптиз-бары и забега-ловки, но и там ее не было.

Наконец, я нашел ее в пабе на Гренвилл-стрит.

Парень за стойкой весил фунтов триста, а по лицу его кто-то прошелся в свое время очень острым лезвием. Посмотрев на фото, он кивнул в угол.

Я подошел и сел напротив нее.

Шарлотта Кларк сидела над кружкой пива, подперев голову рукой. На локтевом сгибе я увидел свежие следы от иглы с засохшей кровью. Я взял ее за плечо и тряхнул. Через несколько минут она очнулась от оцепенения.

— Какого черта?

— Полиция, — тихо сказал я. — Мне нужно кое-что у вас узнать.

Человек за соседним столом услышал мои слова и быстро вышел, оставив полный бокал пива.

— Отсоси, — прошептала она. — Я не стукачка, так что чеши отсюда, — она попыталась снова уронить голову на руку, но я остановил ее, взяв за подбородок.

— Ты была подружкой Харди. Я хочу поговорить о нем.

— Покажи ксиву.

Увидев мою карточку, она сморщила нос.

— Повторяю: я хочу поговорить о...

— Вы его убили! — внезапно она ударила меня по щеке. Я ударил ее в ответ. Человек за другим столом тоже поспешил к выходу. Как и первый, он оставил пиво и сдачу.

— Я никого не убивал. И не повторяй этого.

Слезы брызнули у нее из глаз.

— Ты коп, а его убили копы, вот что я знаю.

— Скажи мне, это он убил тех женщин?

— Говорю, отвяжись от меня! Моего мужика убили, это ты понимаешь? Конечно, для вас он только кусок дерьма, но для меня он был всем.

— Скажи мне. Я заплачу стоимость дозы.

— Отвяжись!

Я достал семьдесят долларов и положил на стол. Она сердито их смахнула, но потом задумалась. Я знал, что выиграю в этой игре.

— Две дозы, — сказала она наконец.

— Извини. Я плачу их из своего кармана. Я хочу это знать не по службе, а для себя.

— Знать что?

— Ты трахалась с ним? С Харди?

Она широко раскрыла глаза:

— Что?

— Ты с ним трахалась?

— Шутишь? Он мой мужик, я же сказала.

— На улице говорят другое. Что ты надрывалась для него, а он тебя поколачивал. Ты же знаешь, шлюха не обязана спать со своим сутенером. Поэтому повторяю вопрос: ты с ним трахалась?

— Каждую ночь.

— Он кончал?

Она пожала плечами:

— Со мной все кончают, — она нагнулась и собрала деньги с пола, засунув их в карман джинсов. Потом пошла к выходу, но чуть погода обернулась.

— А теперь послушай, коп. Джонни был хорошим человеком и классным любовником. Да, он посадил меня на иглу, но он был единственным мужиком, которого я хотела. Понимаешь, что это значит? Ты думаешь, я обычная шлюха, которую оседлал черный «кот»? — она опять плюхнулась на стул. — Что ж, может, и так. Я вот что скажу: он и правда здорово побил меня, когда я продала одну его вещь. Старую маску. Но я не обижалась. Он по этой маске прямо с ума сходил.

— А почему ты продала маску, а не его «Полароид»?

— Не смейся меня. У Джонни никогда не было таких вещей. Он и фотографировать не умел.

Она встала и вышла. Я не задерживал ее, она сказала все, что я хотел.

Она пошла колоться, и я немного завидовал ей.

Пусть на несколько минут, но она будет счастлива.

Я нашел их в кафе на Мейн и подсел за столик. Они вели обычный полицейский разговор.

— Она утверждает, что украла зажигалку потому, что нервничала, когда крада другие товары, и ей захотелось курить, — сказал Рик Скарлетт.

Все рассмеялись, и Уильям Типпл вставил:

— Неплохо, но я думаю, приз получит Бешеный Пес. Все согласны? Эд, получи шесть четвертаков.

— Что это? — спросил я. — Воссоединение?

— Нет, просто совпадение, Скарлетт, Спэн и я выступаем свидетелями в деле Ракстроу. Сообщничество и контрабанда наркотиков. Макдональд и Льюис встречаются с американцами по поводу Мэттью Пола Питта. А у Рабидовски здесь вор под судом.

— Такая скука, — пожаловался Рабидовски, — с тех пор, как распустили отряд. Лучше бы мы до сих пор ловили его.

— Может, мы его и не поймали, — сказал я.

В этот момент я понял, что чувствовал полковник Тиббетс, когда сбросил атомную бомбу на Хиросиму.

Я сказал им все. Почему человек с нормальной потенцией шел убивать женщин и при этом ни разу не имел оргазма? Может быть, это сделал тот, кто как раз не был способен на нормальную половую связь? Может, он заразился сифилисом и ненавидел всех женщин?

Мою теорию встретили без восторга.

Скарлетт как-то странно поглядел на меня, встал и ушел.

Остальные под разными предлогами тоже разошлись. Я остался один над остывшей чашкой кофе.

Каждый человек одинок.

Не от этого ли отец начал пить?

Если так, я его понимаю.

Когда я вновь просматривал дело Охотника, из одной папки выпал негатив.

К тому времени я уже решил, что дело закончено и незачем ворошить прошлое. К тому же у меня были другие дела.

Странно, что я совсем забыл про эту фотографию. Может, это было подавление, о котором говорил доктор Рурик. Но обнаружив ее сейчас, я понял, что заберу ее домой.

И вот она вставлена в мой увеличитель.

Отец, смотри на нее вместе со мной.

Помнишь, ты наказал меня, когда я швырялся камнями в соседскую кошку? Я тогда очень сердился на тебя. Я сказал, что ты плохой и поэтому не можешь найти работу.

Сколько раз я потом пожалел об этом!

Ведь ты погиб из-за меня. Из-за меня ты нашел эту работу и сел в самолет, уносящий тебя к смерти.

Прости меня, отец.

Господи, насколько негатив четче снимка «Полароида». Как на нем видны ее спутанные волосы, ее ссохшийся язык в раскрытом для последнего крика рту. Как раздулись ее ноздри, пытаясь поймать хоть немного воздуха. Как полоски кожи обвиваются вокруг шеста, подобно мертвым змеям.

Минутку. Это что-то новое. На других фотографиях был виден только шест. Здесь он стоит в ведре с песком.

Теперь понятно, как действовал Охотник.

Вернувшись с трофеем, он насыпает в ведро песок, надевает голову на шест, втыкает его в ведро и ставит на фоне белой простыни.

Потом делает снимок.

Возможно, он хотел купить пленку для «Полароида», почувствовал неладное и воспользовался простой пленкой.

И что это в ведре, среди песка?

Листья. Опавшие листья.

Я нашел ботаника, работающего в саду Ван-дзена, и показал ему увеличенное фото ведра с песком — конечно, без головы.

— Как вы думаете, это листья клена?

Он вооружился парой очков и сказал:

— Да, это они.

А сколько в городе кленов?

— Тысяч сто, — усмехнулся он. Потом еще раз посмотрел на фото. — Вот это *Acer macrophyllum*, клен большелистный. Самое типичное дерево для этой области.

— Спасибо, — сказал я и уже собирался уходить, когда он добавил:

— А вот другой вид здесь вряд ли можно встретить. Это сикомор или *Acer pseudoplatanus*. Они растут в Европе и Западной Азии.

— Простите?

— Вот эти, маленькие. Видите, они здесь смешаны с большими? Здесь они не растут, если только высажены искусственно. А где сделан этот снимок?

Я постучал и стал ждать.

Довольно нескоро послышалось какое-то шуршание, потом дверь приоткрылась. В щелочке показался глаз.

— Что вам угодно?

— Доброе утро, мэм. Я хотел бы поговорить с миссис Эльвирой Франклен.

— *Мисс Франклен*, молодой человек. Кто вы?

— Меня зовут Эл Флад, мэм, — я сунул в щель удостоверение.

Глаз открылся еще шире:

— Вы что, за книгами из библиотеки? Я же их вернула! К тому же, и задержка была не такая уж большая.

— Нет, мэм. Мне сказали, что здесь я могу найти миссис...

— *Мисс!*

— Мисс Франклен. Я детектив из Отдела расследования убийств городской полиции.

— Детектив! — воскликнула женщина, распахивая дверь. — Входите, детектив Флад! Входите!

Эльвира Франклен напомнила мне инопланетное создание из фильма «Звездные войны». В ней было не больше пяти футов роста. На морщинистом личике под шапкой белых волос выделялись большие голубые глаза. Я подумал, что ей по меньшей мере лет семьдесят пять.

— Можно еще взглянуть на ваше удостоверение?

— Конечно, мэм.

— Здесь написано, что ваше полное имя Элмор. Люди должны звать друг друга полным именем.

— Да, мэм. Но меня все время сокращают.

Она неожиданно рассмеялась:

— Вы говорите, как Джек Уэбб, — понизив голос на несколько октав, она прорычала, «только фа-акты, мэ-эм».

На этот раз рассмеялся я.

— Хотите чаю, детектив?

— Благодарю вас.

— Вам «Дарджилинг» или «Пунаканди»? Королева Елизавета пьет «Пунаканди». Думаю, это хорошая реклама.

— Да, мэм, — согласился я.

Она провела меня по длинному темному коридору в комнату, больше похожую на музей. На полках и на столах теснились фарфор, бронза, медь. Среди них стояли фотографии членов королевской семьи — я узнал принца Чарльза и принцессу Диану. Мебель в комнате казалась такой старой и хрупкой, что я не решался к ней приближаться. Но лучше всего были фотографии на стенах. Я насчитал их сорок две. Это были мастера детектива — каждое фото с автографом и в серебряной рамочке.

Услышав звяканье фарфора, я повернулся и увидел, что мисс Франклен катит чайный столик. Там стояли две миниатюрные чашки, серебряный чайник, сливки, сахар, два ножа, две ложки и тарелки с печеньем, вафлями и пастилой, которых хватило бы на весь Фолклендский экспедиционный корпус.

— Вижу, вам понравились фото.

— Да, мэм. Блестящая компания.

Она улыбнулась, отчего ее личико распалось на сотню морщинистых кусочков.

— Моя любимая — сэр Артур Конан-Дойл. Он подписал мне ее незадолго до смерти. Вам один кусочек сахара или два?

— Один, пожалуйста.

Она налила мне чаю, и я отхлебнул ароматный напиток под пристальным взглядом Агаты Кристи с противоположной стены.

— А теперь скажите, детектив, что вас ко мне привело.

— Я надеюсь, мэм, что вы поможете мне найти убийцу.

Если бы в комнате появился дух Эдгара По, она вряд ли удивилась бы больше.

— Я? — она поставила свою чашку на столик.

— Мисс Франклен, — я понизил голос в лучших детективных традициях, мы нашли тело в пластиковом

мешке, покрытое грязью и листьями. Это листья двух видов кленов. Большелистный...

— Асег macrohyllum, — прошептала она, подавшись вперед.

— Да, распространенный в Британской Колумбии. Но второй здесь не встречается. Это сикомор или Асег pseudoplatanus, растущий в Европе. Если вы можете...

— ...найти место, где растут *оба* этих вида, — закончила мисс Франклен, — то можно найти, где тело было зарыто вначале.

— Именно так.

— Что ж, тогда начнем, — она с неожиданной резвостью вскочила и повлекла меня в холл. Вскоре мы оказались в галерее, из окон которой открывался вид на роскошный даже в это осеннее время сад. На деревьях то там, то сям оставались красные, оранжевые, бурые листья, а внизу их мазки сливались с широким пастельным фоном палой листвы. Пройдя галерею, мы вошли в комнату, где меня поразило количество книг. Их было, должно быть, больше, чем в библиотеке Конгресса, и все в твердой обложке.

— Я сейчас, — сказала мисс Франклен и скрылась за другой дверь. Заглянув туда, я увидел на столах и на полу пачки пожелтевших газет и брошюр. На полках громоздились рукописи и размноженные на мимеографе отчеты вперемешку с гербариями, проложенными прозрачной бумагой. Все свободное место на стенах занимали многочисленные грамоты в рамках.

— Я была президентом восемнадцати растениеводческих обществ, — сказала мисс Франклен. — Садитесь за стол у окна, а я займу этот.

— Но на это уйдут *годы!*

— Стыдно! — мисс Франклен погрозила мне пальцем. — Вы же детектив!

И мы взялись за работу.

Декабрь

Я питался холодной индейкой и должен был забыть про курение. Таковы были правила этого дома.

Но больше всего меня поражала работоспособность хозяйки. В первый же день мы провели шесть часов, разбрав вырезки.

Когда я пришел на следующий день, она уже приготовила больше семисот публикаций, начиная с 1923 года.

Мы работали десять дней подряд.

В один из вечеров Эльвира предложила мне остаться.

— Мы сможем начать работу с утра, — сказала она.

— А что скажут соседи? — пошутил я.

— О, это не в первый раз.

И я остался.

После вечернего чая я нашел в комнате для гостей книгу — «Десять плюс один» Эда Макбейна. Никогда не любил детективы, но этот прочел. Как ни странно, мне понравилось.

Мама, она бы тебе понравилась, я даже немножко ощущал себя ее сыном.

Один раз я работал в ночную смену, и утром она предложила мне отдохнуть. Сказала, что все сделает сама. Но я отказался.

В тот день я сидел в нашем святилище и читал про Конвенцию об охране деревьев, заключенную в Стэнлипарке в 1917 году, когда внезапно Эльвира Франклен буквально подпрыгнула в кресле.

— О Боже! — воскликнула она. — Я нашла!

Я смотрел на мою милую старушку, размахивающую листком бумаги, и не верил своим глазам.

Вот что мы прочли в выпуске «Тихоокеанского садовода» за июль 1955 года:

ГОТОВЬСЯ К ВОЙНЕ, НО НАДЕЙСЯ НА МИР.

Сегодня над бомбоубежищем мистера Альберта Стоуна зацвели клены. Мистер Стоун приобрел этот участок на аукционе собственности, конфискованной в годы войны у японцев. Раньше здесь был гараж, но это никак не отразилось на плодородии почвы.

Мы стояли с ним в его саду на южном берегу реки Фрээр. Ваш репортер спросил, почему он посадил клены над бомбоубежищем. Не странная ли это идея?

«Вовсе нет, — ответил мистер Стоун. — Если коммунисты пошлют сюда ракеты, я буду готов. Но до тех пор этот сад будет памятью моей жене».

Вот что привело нас сюда: в саду мистера Стоуна среди обычных кленов растет, быть может, единственный в этой области сикомор или *Acer pseudoplatanus*.

«Моя жена с Украины, — объяснил хозяин. — Она привезла с собой на Запад семена этого клена. Это было ее Дерево Свободы. И вот, когда она умерла...»

Я прервал чтение и нашел точный адрес сада. Потом повернулся к мисс Франклен и поцеловал ее в щеку.

Клены за оградой давно росли без ухода.

Зато о самой ограде явно заботились. Быть может, это начал сам мистер Стоун, когда толпы читателей «Тихоокеанского садовода» сходились поглазеть на его сикомор. Во всяком случае, теперь к ограде прибавился барьер из колючей проволоки, идущий до самой реки. Непонятно, кто и зачем захотел бы штурмовать эту преграду — на территории сада виднелся только сарай из ржавого железа, крыша которого еще хранила следы оранжевой краски.

Я решил попробовать подобраться со стороны реки — там не было никаких заграждений.

Сад находился в Стивстоне — тихом поселке, безмятежно процветающем на берегу Фрэзера, там, где в море безмятежно дремал болотистый островок Лулу.

В местном магазинчике я нашел объявление: «Сдается лодка. Оплата вперед». Магазин был полон канатов, якорей, блоков и рыбацких шляп. Над прилавком висела

надпись: «Те, кто не верит в воскресение мертвых, потеряют здесь время».

— Нужна помощь? — спросил хозяин.

— Хочу нанять вашу лодку.

Через десять минут я уже плыл на запад к морю. По берегам тянулись болота и редкие хижины. На полу-сгнившем пирсе рыбачил старик, помахавший мне рукой.

В 14.53 я подплыл к сараю. Собственно, это был целый дом с несколькими хозяйственными пристройками, но все это давно пришло в упадок, и, похоже, никто здесь постоянно не жил.

В 15.09 я высадился на берег. Почва была болотистой, и вода на каждом шагу хлюпала под ногами. Сарай напоминал шляпу, надетую на бетонный бункер, видимый только вблизи. От основания бункера вверх вела шаткая деревянная лестница, такая же гнилая, как и все здесь.

Теперь оставалась вероятность, что, если песок был отсюда, его перевезли в другое место. Или что в округе есть и другие сикоморы.

Но когда работаешь копом так же долго, как я, учишься доверять инстинкту. А инстинкт говорил мне, что Охотник обосновался здесь.

Я провел целую жизнь в страхе, боясь наступления этого момента. Я пошел в полицию, чтобы преодолеть боязнь крови. Но после того случая, когда старик в одном из предместий убил своего лучшего друга, отрезал у него голову и подложил ее на блюде под дверь своей квартирной хозяйке, я попросил шефа посадить меня за руль. Конечно, я увеличивал эти фотографии. Но пленка — это одно, а искромсанная человеческая плоть — совсем другое.

Мне хотелось бежать.

«Не бойся, сынок. Мы с этим справимся».

Конечно, мой отец был прав.

Я влез наверх по лестнице, на ходу доставая из кобуры свой 38-й.

С близкого расстояния сарай был таким же, как и с дальнего. Окон в нем не было — только дверь, закрытая на новый кодовый замок. Я постучал и отошел на случай, если в дверь будут стрелять. Никакой реакции. Я постучал еще и решил, что хозяина нет дома.

Осмотревшись, я увидел с другой стороны что-то вроде щели между полом сарая и бетонной крышкой бункера. Чтобы добраться до этого отверстия нужно было обогнуть бункер. Я прыгнул в холодную воду — глубина была всего лишь по колено, — и подобрался к отверстию. Это оказалась деревянная дверь, закрывающая прорубленный в бетоне проход. Чтобы справиться с замком, мне хватило десяти минут. В нашем деле инструменты всегда носишь с собой.

Скрипнули петли, и передо мной открылся темный коридор шириной фута три. Я достал фонарик и двинулся вперед. Проход становился все теснее, и наконец я застрял.

Знаете ли вы, что такое клаустрофобия? Мне показалось, что я сойду с ума, если немедленно, сейчас же не двину рукой или ногой. Что будет, если я не смогу отсюда выбраться?

Несмотря на панику, я начал различать детали. Запах — в туннеле пахло горелым человеческим мясом. Под моими ногами блеснули глазки водяной крысы. Потолок лаза был покрыт зеленым мхом, черневшим там, куда не доставал луч фонарика. Тут мне в голову пришла идея.

Я начал вертеться, отталкиваясь руками и ботинками, в надежде, что сумею проскользнуть вперед по слою мха и крысиного помета.

Это сработало.

Понемногу туннель становился шире, и я свободно вздохнул, только для того, чтобы столкнуться вскоре с очередным препятствием — перекрестьем железных прутьев с замком на той стороне.

На этот раз я трудился двадцать пять минут. Мне пришлось орудовать отмычкой, прижимая фонарик под-

бородком, но в конце концов я справился. Решетка распахнулась, и я свалился вниз с высоты шести футов.

Слава Богу, фонарик при падении уцелел. Подобрал его, я осмотрелся.

В бомбоубежище мистера Альберта Стоуна было на что посмотреть. Толстенные бетонные стены окружали комнату размером десять футов на двенадцать. Пол и потолок тоже были из бетона, и еще одна бетонная плита могла в любой момент подняться, чтобы обеспечить дополнительную защиту от радиации. Справа был ход, оканчивающийся лестницей.

Поднимаясь, я наткнулся на новое препятствие — стальную дверь с кодовым замком. Я не сомневался, что этот путь ведет в сарай.

Я стал спускаться и, услышав под ногами хруст, осветил фонариком. Ступеньки были усеяны тысячами крысиных косточек. В бомбоубежище меня ждало еще одно открытие. При прочно запертой двери я мог выйти отсюда только через то отверстие, в которое влез. Но к этому я был еще не готов.

Я начал осматриваться. Постепенно я пришел к выводу, что вполне могу прожить здесь пару лет. Одна стена целиком была заставлена батареями консервных банок и бутылок. Здесь были керосиновые лампы, заржавевшие аптечки и даже полки с книгами — в основном фантастика. Здесь были...

Здесь была водяная крыса, злобно смотревшая на меня из отверстия в стене. Я его сначала не заметил.

Это была бетонная ниша. Я осветил ее фонариком и в ужасе отпрянул: хоть я и готовился к этому зрелищу, но не мог спокойно видеть то, что предстало моим глазам.

У левой стены стояло большое старинное зеркало. Посередине лежала бетонная плита, напоминающая алтарь, на вершине которой находились две свечи в подсвечниках и большая серебряная коробка. Поверхность плиты была покрыта потеками засохшей крови. Ручейки ее стекали по краям на пол. Вокруг алтаря полукругом

расположились семь кольев, с каждого из которых скалился человеческий череп.

Именно в этот момент крыса укусила меня за лодыжку (бешенство!), и я выронил фонарь.

На этот раз он разбился, и комната погрузилась во мрак.

Черт! Я проклинал себя. Почему я бросил курить?

Все же я нашел в карманах коробку спичек, зажег одну из них и потянулся к коробке.

Мои пальцы так дрожали, что я еле смог ее открыть.

Я был уверен, что внутри найду отрубленную голову.

Но все оказалось еще хуже.

Их было восемь плюс еще один предмет.

И вот тут-то я и понял все.

Тсантса

Среда, 23 декабря, 19.10

Женевьева Деклерк закрыла записную книжку и откинулась в кресле. На ней было деловое платье, зауженное в талии, из зеленого бархата цвета весенней поляны. Ее волосы, зачесанные назад, поддерживались двумя жемчужными клипсами. Как раз в этот момент она рассеянно теребила локон, поглощенная одной только мыслью: *«Верю ли я ему?»*

Она боялась ответа на этот вопрос.

Эл Флад стоял у окна и смотрел вниз на Стэнли-парк с высоты четырех этажей. За отражением Женевьевы в стекле он видел поток уличного движения на эстакаде, уносящийся в ночь. «Все спешат, — подумал он, — по делам, не стоящим никакой спешки».

Он повернулся.

— Можно мне еще бренди?

— Конечно, — тихо сказал Женевьева.

Флад подошел к маленькому бару у окна, взял бутылку «Реми Мартин» и налил себе и ей на два пальца напитка. Женевьева выпила свой бокал одним глотком. Видя, как она поморщилась, Флад подумал: *«Я люблю ее еще больше»*.

— Что вы думаете о моих записках?

— Мне страшно, — призналась она.

— Надеюсь, вы боитесь не меня?

— Я боюсь за вас, если вы придумали все то, о чем пишете.

— Вы мне не верите?

Женевьева поглядела на него в упор:

— Сначала ответьте вы на несколько вопросов.

— Пожалуйста.

— Что вы сделали после того, как открыли коробку?

— Снял куртку и завернул в нее содержимое. Добавил один подсвечник, потом пошел к отверстию, освещающую дорогу второй свечой. Я взобрался наверх, поставив несколько ящиков друг на друга. Потом пробрался по проходу наружу вместе со свертком. В этот раз было легче, потому что я снял куртку.

— А зачем подсвечник?

— Отпечатки пальцев. Потом я вернул лодку в магазин, — он улыбнулся. — Видели бы вы лицо хозяина, когда он увидел меня в крысином дерьме. Потом проверился на бешенство, помылся и позвонил вам.

— Но почему?

Флад на миг замешкался, потом сказал:

— Вы жена Роберта Деклерка. Кроме того, вспомните, что вы сказали, когда мы с вами обедали?

Она нахмурилась:

— Я сказала, что у моего мужа проблемы и мне нужно их как-то решить. Я попросила вашей помощи. Я всю ночь читала дела и ничего не поняла. Потом наткнулась на вашу фамилию и вспомнила, что вы ходили на мой семинар.

— И что дальше?

— И я знала, что вы влюблены в меня и сделаете все, о чем я попрошу. Вот я и воспользовалась вами.

— Неважно.

— Конечно, я не могла пойти в КККП и сказать, что у Роберта... нервный срыв. Его бы сразу сняли с расследования, особенно при таком давлении. Поэтому я пошла к вам, чтобы вместе с вами организовать прикрытие. Я знала, что ваши чувства ко мне заставят вас помочь мне и сохранить тайну. Бог мой, это, должно быть, звучит ужасно!

— Вовсе нет. Сейчас я собираюсь использовать вас. Мне нужен доступ к Деклерку.

— А зачем вы начали этот дневник? — Женевьева явно пыталась сменить тему.

— Охотник и его преступления обострили мой невроз. Мне нужно было как-то восстановить причинную связь событий.

— Так выходит, что Харди подставили?

— Да.

— И те вещи в горном домике были подброшены?

— Кроме масок и кокаина.

— Но зачем?

— Можно только догадываться. Может быть, Охотник почуял, что запахло жареным. А может, его психоз — я уверен, что речь идет о психозе, после того, как нашел эту коробку, — вошел в стадию рецессии. Кто знает? Вы лучше меня разбираетесь в душевных болезнях.

Наступила тишина, потом Флад спросил:

— Почему вы приехали ко мне?

— Потому что вам требовалась помощь. Потому что вы не отказали в помощи мне, когда это понадобилось. И потому что вы мне нравитесь.

Потом она удивила его. Привстав, она легко притянула его к себе и поцеловала в губы.

— Разве того, что вы меня любите, недостаточно, чтобы я пришла? — прошептала она. — Правда, я старомодна. Я могу любить только одного мужчину. И это Роберт.

— Настолько ли я вам нравлюсь, чтобы вы поверили тому, что я написал?

— Что вы нашли в коробке?

— Тсантсы, — сказал Флад.

Он протянул Женеьеве руку и помог ей встать из кресла. Потом провел ее в спальню и включил свет. Женеьева вскрикнула.

У всех голов, кроме монахини, были длинные черные волосы. Глаза их и губы были зашиты, кожа высохла, потрескалась и стала белой. Каждая голова усохла до размеров большого апельсина.

— Матерь Божья! — тихо проговорила Женеьева.

Но шок у нее вызвали не восемь высушенных голов.

Это был тускло блестящий предмет, лежащий рядом с ними на кровати.

Часть четвертая

Предсмертный хрип

*Вчера, возвращаясь домой, у крыльца
я вдруг увидел Человека без лица.
Сегодня я встретил его опять,
сегодня я не приду ночевать.*

Хьюгс Мернс

Засада

18.15

— Они пропали! О Господи, они пропали!

Тише, Спарки. Тише.

— Кто-то знает! Ты что, не видишь, что меня раскрыли?

Я говорю: тише. От паники толку не будет.

— Все пропало, мама! Мне конец!

Хватит, Спарки. Сядь и хорошенько все обдумай.

— Папа, где ты? Помоги мне!

Спарки метался по комнате в свете единственной оставшейся свечи. Зеркало бесстрастно отражало его искаженные черты. Фигура, появляющаяся и исчезающая в зеркальном стекле, была одета в изодранный красный мундир капрала КККП.

Под ногой треснул пластик.

Что это?

— Откуда я знаю?

Так посмотри!

Спарки взял свечу и нагнулся. Под ногами валялись какие-то обломки. Поднеся свечу поближе, он увидел, что это разбитый электрический фонарик.

И что же это?

— Фонарик. Должно быть, я на него наступил.

Но мы не пользовались фонариком. Ты расчесываешь мои волосы при свечах. Так было всегда.

— Я знаю.

Это потерял тот, кто унес мои головы.

— Знаю.

Так думай же! Кто это?

— Я не могу думать, мама. Я уже знаю!

Мысль пришла внезапно. Спарки, не веря своим глазам, перечитывал слова на ручке фонарика:

«Ванкуверское отделение полиции».

— О Боже, я пропал! Теперь все узнают!

Так кто наш вор? Тот тип, что задавал вопросы? Из городской полиции?

— Да! — Спарки отчаянно кивнул. — Я пропал!

Заткнись. Может быть, что-то еще можно сделать.

— Что, мама? Все, их нет! Их унесли!

Что значит «все»? Мои головы украли, они в чьих-то грязных руках. Моих прекрасных волос касается кто-то чужой. Я хочу получить их обратно. Сегодня же.

— Но как?

У тебя есть список всех членов отряда с адресами. Этот парень тоже там, как ответственный за связь с городской полицией. Так что снимай эту рвань и надевай собственный мундир. Зачем ты вообще таскаешь мундир отца? Он мертв.

— Нет, мама. Он жив. Он здесь, внутри.

Он мертв. Мы убили его. Ты видел, как он умирал в снегу.

Я не убивал его! Это все ты. Мне было всего два года.

Ты был там, Спарки. Ты свидетель и соучастник. Ты видел, как он выблевывал кишки, когда яд добрался до него. Ты видел все и не остановил меня, значит, ты тоже виновен.

— Но мне было всего два...

Заткнись, дрожащий кусок дерьма! Ты все больше становишься похож на своего папашу. Ты этого хотел? Стать похожим на него?

Спарки заплакал, сотрясаясь в рыданиях.

— Не смей так говорить! Мой папа жив!

Посмотри на себя. Ты точь-в-точь он. Он также тащился от своего отца. Хотел быть похожим, «под-

держивать традицию». А тот плевать на него хотел. Даже отказался дать ему свое имя. Разве твоя фамилия Блейк? То-то. Твой папаша был ублюдком в истинном значении слова.

— Мама, почему ты так меня ненавидела? Мне же было всего два года!

Посмотри в зеркало, Спарки. Ты не понимаешь? Ты же вылитый он! Я не хотела тебя, это была его идея. Знаешь, что он заставлял меня делать там, в Арктике? Одевал, как шлюху, и заставлял танцевать. Я дрожала от холода, а он оглядывал меня, как кусок говядины. «Мне нравится, когда тебе холодно, — говорил он. — Тогда у тебя соски твердеют. Теперь повернись, Сюзанна, и спусти трусы. Чем больше он станет, тем приятнее тебе будет». Господи, как я ненавидела его! Он был как отец. «Сюзанна, милая, иди сюда. Ничего не говори маме. Ну-ка, сними штанишки и покажи папочке, что у тебя есть».

— Мама, уходи! Оставь меня!

Ты никогда не избавишься от меня, Спарки. Я в твоей голове. Думаешь, эта рваная форма защитит тебя? Хочешь служить своему папаше? Ну и черт с тобой. Я все равно выиграю. Ты сгниешь в тюрьме в Нью-Орлеане. Понятно тебе?

Зубы Спарки сжались в приступе агонии. Боль пронзила его голову тысячей осколков стекла. Падая на пол, он успел запустить свечой в зеркало, и оно рассыпалось стеклянным дождем.

Темноту и боль разогнал голос Сюзанны:

Спарки, вставай. Ты сделаешь, что я сказала?

— Да.

Я убила твоего отца, но ты все эти годы скрывал убийцу в своем мозгу.

— Да.

Значит, ты так же виновен, как я?

— Да.

И ты будешь слушаться меня, как и раньше?

— Да.

Найди этого копа, Спарки.

— Да.

И убей его. Убей!

19.19

С каждым шагом все было легче, проще.

Спарки поднялся наверх и отпер дверь, ведущую в сарай. Потом снял изодранный, в пятнах крови, мундир пятидесятилетней давности и переоделся в новый. Он пропах рыбой и падалью, но ветер с реки скоро прогонит этот запах. Теперь нужно найти Флада.

Не забыть кокаин.

На верхней полке в сарае стояло два мешка по полфунта, надежно укрытые под пакетами с сухой краской. Спарки вынес их из домика, где был убит Джон Линкольн Харди, через полчаса после отбытия летучего патруля.

Сперва он хотел придержать их на черный день. В Ванкувере колеса «подземной железной дороги» лучше всего смазываются наркотиками. Если у вас есть кокаин, вы можете попасть хоть в Тимбукту без лишних вопросов. Но сегодня мешки могли послужить ему иначе.

Он взял один мешок и вышел из сарая, заперев его на ключ.

Снаружи завывал холодный ветер. Зима вступала в свои права.

Патрульная машина ждала его в нескольких кварталах от реки, укрытая в старом заброшенном гараже. Конечно, было опасно разъезжать в этой машине и в парадном мундире, но мама хотела, чтобы он расчесал ей волосы, так что выхода не было.

В бардачке машины Спарки нашел список отряда. В нем были адрес и телефон Флада.

Через полчаса пошел снег. Ветер продувал улицы-ущелья Вест-Энда. Окна смотрели сквозь белую пелену невидящими глазами.

Спарки сверился с адресом. До дома Флада оставался один квартал.

— Как они это делают? — спросила Женестьева. — Засушивают головы?

Она посмотрела на тсантсу, которую держала в руке.

— Это секрет индейцев хиваро. Хотя это запрещено законом, практика сохраняется.

— В Ванкуверском музее человека есть такая голова, Я помню, что видела ее там.

— Разве вы не сталкиваетесь каждый день с «высушителями голов» у себя на работе? — Флад невесело улыбнулся и допил свой бокал.

— Мрачный у вас юмор.

— Что поделать? Так вот, отрезав голову, хиваро кладут ее в корзину и дают стечь крови. Потом наполняют водой большой глиняный горшок и ставят его на огонь. Когда голова побелеет из-за оттока крови, ее берут за волосы, опускают в кипящую воду и держат там от пятнадцати до тридцати минут. Когда процедура завершается, кожа головы становится белой, как бумага. После этого на затылке делают разрез и осторожно снимают кожу и волосы. Потом зашивают разрез, а также глазницы. Через отверстие в шее засыпают горячий песок. Постепенно голова съеживается до размеров апельсина, только волосы остаются прежними.

Женестьева Деклерк повертела голову в руках.

— Ужасно вообразить, кем была эта женщина. Ведь она просто жила в этом городе, шла по своим делам, ничего не подозревая — и так закончила.

Эл Флад подошел к ней.

— Если хотите освободить ее дух, нужно разрезать ей губы, — он провел пальцем по губам тсантсы. — Зашивание губ означает конец процесса. Индейцы используют костяные иглы и обезьяньи жилы вместо ниток. Они верят, что если рот остается открытым, то душа может улететь и начнет тогда мстить своему убийце.

Женестьева взглянула на губы головы. Охотник сшил их золотыми колечками, стянутыми кожаной ниткой.

- Почему он просто не зашил ей губы?
- Хороший вопрос. Кто же его знает?

19.24

Подобравшись к зданию вплотную, Спарки подошел к дверям дома. А Флад значился в списке жильцов у входа, как проживающий в квартире 404.

Спарки обошел дом кругом. В нем было четыре этажа, на каждом по две квартиры. Все окна выходили на Лагун-драйв и Стэнли-парк за ней. В ясный день отсюда должны были быть видны горы. Сейчас, сквозь снежную пелену, не было видно даже парка.

Здание было старше, чем большинство соседних.

На крышу вела ржавая пожарная лестница. Рядом с домом была подземная стоянка. На месте под номером 404 стоял синий «Вольво-седан» 1971 года.

Спарки записал номер машины и вернулся в свой автомобиль, стоявший за квартал от дома. В каждой полицейской машине был выход на компьютерный терминал, хранящий данные о 2500 транспортных средствах полиции. В ожидании ответа Спарки проверил оружие — стандартный полицейский «смит-энд-вессон» 38-го калибра. Шесть патронов, все на месте. Он пользовался пистолетом очень редко. Свои жертвы он убивал без стрельбы.

На экране высветилось: «Элмор Флад, 307 Лагун-драйв, Ванкувер. Детектив ВОП, отдел по расследованию убийств».

Удовлетворенно хмыкнув, Спарки взял мешок кокаина и вышел из машины.

19.31

- Куда мы поедem теперь?
- Думаю, нужно позвонить вашему мужу, — сказал Флад. — Пусть он приедет сюда.
- Вы говорили кому-нибудь еще?

— Нет, только вам. Ситуация щекотливая — городской полицейский не имеет права арестовать сотрудника КККП, особенно по делу, которое уже закрыто. Кроме того, ваш муж должен узнать об этом в первую очередь.

— Господи, ну и шуму будет! Мало того, что маньяк-убийца служит в Конных, так они еще и застрелили невинного.

— Ну, Харди был не такой уж овечкой. Но насчет первого вы совершенно правы.

— Бедный Роберт! — вздохнула Женестьева.

Эл Флад взял ее за руку:

— Нужно сделать все как можно лучше. Убийца должен быть сегодня на празднике в честь поимки Охотника, если я не ошибаюсь.

— Да. Там будут генерал-губернатор и комиссионер. Роберт получил личную благодарность генерал-губернатора — высшее отличие для члена КККП.

— Тогда мы с вами отправимся туда, захватив с собой доказательства. Там я отзову вашего мужа в сторону и все ему расскажу. А потом мы втроем придумаем, как вывести его из-под удара. Может быть, ему следует лично арестовать убийцу. Звоните ему сейчас. Телефон на кухне.

Они все еще находились в спальне. Поглядев в окно, Женестьева впервые заметила, что идет снег. Она отвернулась от окна и от голов, лежащих на кровати, и пошла на кухню звонить.

Трубку взяли только с шестого звонка.

— Алло. Это Женестьева Деклерк, жена суперинтенданта. Мне нужно поговорить с мужем.

— Простите, мэм, я тут случайно и никого не знаю. Сейчас позову кого-нибудь из Конных.

В промежутке Женестьева услышала в трубке гул множества голосов. Но музыки не было.

— Миссис Деклерк, это Джим Родейл.

— Сержант, мне нужно срочно поговорить с мужем.

— Его еще нет. Он на приеме у генерал-губернатора вместе с Шартраном.

— А что там у вас случилось?

— Знаете Билла Типпла?

— Да, слышала о нем.

— Его, похоже, убили. Несколько минут назад взорвалась машина в его гараже, и мы думаем, что он был в ней.

— О Боже!

— Я только что послал Рабидовски туда. Джек Макдугалл тоже поехал. Я жду Роберта, чтобы сказать ему, но его еще нет.

— Но почему, Джим? В чем причина?

— Билл расследовал одно крупное дело и мог узнать что-то важное. Похоже, он собирался ехать на праздник, сел в машину, и бомба сработала, когда он включил зажигание. Скоро мы это выясним.

— Господи, — тихо сказала Женестьева. — Когда же кончится этот ужас?

— Это наша работа.

— Джим, прошу вас, когда Роберт приедет, передайте ему, чтобы он обязательно дождался меня. Скажите, что это очень важно. Речь идет о жизни и смерти.

— Хорошо. Я обязательно передам.

— Я выезжаю.

Она повесила трубку.

Эл Флад уже собрался. Он положил в спортивную сумку «Адидас» головы, завернув каждую из них в папиросную бумагу, а сверху поместил свой дневник и предмет из черного дерева.

— По новой теории, — сказала Женестьева, — сексуальные преступления имеют биологическую, а не психическую природу.

— Как это? — Эл Флад закрыл сумку и, подойдя к шкафу, достал оттуда пистолет.

— В Балтиморском медицинском институте провели исследования мозговой структуры нескольких насильников. Оказалось, что у всех них имеются хромосомные нарушения, известные как синдром Клайнфелтера.

— Ну, я думаю, здесь как раз дело в психологии, — Флад взял сумку и пошел к двери. — Моя машина внизу. Поговорим по дороге.

Он потянулся к выключателю. Последним, что Женева увидела в комнате, были фотографии планет, звезд и туманностей на стенах.

Она не посмотрела в окно и не увидела, что там продолжает падать снег.

Не увидела она и пару глаз, внимательно глядящую на них.

19.42

«Никто не знает, — думал Спарки, быстро спускаясь с пожарной лестницы. — Они никому не успели сказать».

На стоянке было пусто и темно.

Тускло горела одна лампочка, закрытая проволочной сеткой. Бетонные столбы отбрасывали на пол тени. Где-то успокаивающе гудел бойлер. Людей не было.

Спарки подошел к «вольво» и, сняв с помощью отвертки левую фару, затолкал туда мешок с кокаином. Потом забил крышку обратно, пользуясь отверткой, как молотком.

Спарки нырнул за машину, выхватывая одновременно пистолет.

— Спорим, не сделаешь! — мальчишеский голос.

К стоянке подбежали два мальчугана лет семи-восьми. Один из них катился на скейте, другой бежал сзади.

Снег продолжал идти. За стоянкой в железном баке горел мусор, рассыпая красные искры.

Спарки стиснул зубы.

Остается только ждать.

Потом он убьет и этих мальчишек.

19.46

— Я полжизни провел в этом лифте. По-моему, он самый медленный в городе, — Эл Флад надавил на кнопку в третий раз, и лифт, наконец, тронулся.

— Донни! Кевин! — позвал чей-то голос из темноты.

Мальчишки подняли головы вверх. На краю площадки над гаражом появилась толстая женщина в меховом пальто и в папильотках.

— Я что вам сказала? Следить за мусором, пока он не сгорит! Весь дом мог сгореть, пока вы тут бегаете. Был бы жив ваш отец, вы бы так себя не вели.

— Мы и отсюда все видим, — сказал один из мальчишек.

— Пошли домой. Все уже сгорело, — приказала женщина, заглянув в ящик. Мальчишки скрылись, прихватив с собой скейт.

Через пару минут раздался новый звук. Шум открываемого лифта и голоса. Держа пистолет, Спарки перешел от машины в тень одной из колонн.

— Снег замедлит наш путь, — сказала Женестьева Деклерк, выходя из лифта.

19.48

Пассажирская дверца «вольво» отстояла от бетонной колонны всего дюймов на восемь.

— Тесновато, — заметила Женестьева.

— Можете подождать, пока я развернусь, или садитесь вперед.

— Я сяду вперед.

Флад заметил царапины на фаре, когда обходил машину.

«Хулиганы?» — подумал он.

— Что такое? — спросила Женестьева. — Это не...

В пятнадцати футах от них грохнул выстрел. Его эхо заметалось среди колонн. Пуля ударила Флада в грудь, отбросив его на машину. Кровь брызнула на стекла «вольво».

Но, даже раненый, он реагировал быстро. Женестьеву вниз. Раздался второй выстрел, еще более громкий. Скрикошетив от бока машины, пуля попала в глаз женщины. Превратив ее мозг в кровавое месиво, кусок свинца пробил череп и вылетел наружу.

Женевьева Деклерк умерла, не успев упасть на пол.

Когда раздался третий выстрел, Флад уже залег за машиной с пистолетом в руке. Он видел, как пуля попала в Женевьеву, и знал, что она мертва.

С бешено бьющимся сердцем он оглядывал площадку в поисках убийцы. Он был почти беспомощен — стоило Охотнику подойти ближе, и он окажется легкой мишенью.

С трудом поднявшись на ноги, он побежал. Пуля ударила в бетон в пяти дюймах от него. Когда его миновала пятая пуля, он ощутил приток адреналина в надежде на спасение.

Но шестая пуля попала ему в спину и бросила на пол. Боль, как молотом, оглушила его.

К нему спешили шаги. Щелкнул курок, но выстрела не было. Шаги затихли.

Где-то поблизости прогремыхал грузовик.

Эл Флад, шатаясь, поднялся на ноги и побрел прочь от дома, увязая в густом снегу.

За ним тянулся кровавый след.

19.51

«Черт!» — подумал Спарки, когда пистолет дал осечку. Грохот грузовика приближался. Нырнув за «вольво», он отыскал спортивную сумку.

Он не выходил, пока шум машины не стих.

Избавься от улик. Уничтожь головы, а потом догнишь этого ублюдка.

Он вставил в 38-й новую обойму.

Вот. Все правильно. Не дрожи. Тверже пальцы.

Должно быть, в этот момент жители Вест-Энда уже звонили в полицию; отраженный от бетона звук выстрелов разбудил даже глухих. Скоро здесь будут патрульные машины.

Хорошо, что все головы были в сумке. Там лежал и дневник Флада. Спарки заглянул в него.

«Почему люди так боятся отрубленных голов? И почему у меня этот страх сильнее в тысячу раз?»

Закрыв дневник, Спарки сунул его в сумку и, захватив оставленную кем-то промасленную тряпку, направился к железному баку.

Флада нигде не было видно.

Спарки кинул в бак, где еще тлели угли, тряпку, которая тут же вспыхнула. Потом побросал туда же головы. Их кожа горела, как бумага, волосы трещали, золотые колечки в губах вспыхивали красным. Следом полетел дневник, страницы которого тянулись из огня, как обугленные пальцы, пока не распались в прах.

«Черт с тобой, мама. Гори, ведьма, гори!»

С чувством освобождения Спарки открыл ближайший мусорный ящик и сунул туда сумку. Потом, все еще сжимая пистолет, пошел по кровавому следу.

«Ну, мистер Флад, теперь побеседуем с вами».

Выстрелы

19.56

Эл Флад никогда не был ранен, но он не один раз слышал рассказ людей, с которыми это случалось. Все они говорили, что главной их мыслью при этом было: «и зачем я здесь оказался?»

Флад оказался здесь по своей воле. И он умирал.

«Так умри! — подумал он. — Что тут такого? По крайней мере, с тобой умрет и твой страх».

Странно, но сейчас он не боялся.

Такие вещи, как одиночество и непонятость, стали для него далекими и чужими. Смерть казалась избавлением. Жаль только, что она сопровождалась такой болью.

Флад понял, что зря пошел в этом направлении. Он оказался на складе, между тремя громадными контейнерами, и со стороны улицы был абсолютно открыт. А патронов оставалось всего три.

Тошнота накатывала на него волнами. Один раз ему показалось, что в вое ветра он слышит полицейскую сирену. «Глупо. Они никогда здесь не ездят. К тому же ночью у них полно дел в этом зачумленном городе».

Он сел на снег и закрыл глаза.

Из мрака, застилавшего его сознание, выплыл старик в очках в проволочной оправе, с седыми волосами, курящий тонкую сигарету. Он сидел в санях и читал пожелтевшую газету, покрытую снегом. Эл Флад узнал старика; когда-то он читал одну из его книг.

Старик повернулся и шелестящим голосом сказал: «Этот снег засыплет всю провинцию. Он идет над темным океаном. Он идет над вершинами Скалистых гор. Он идет даже над тем маленьким кладбищем... маленьким-маленьким кладбищем...»

Старик исчез, растворившись в снежном вихре, и вместо него Флад увидел занесенный снегом склон горы и разбросанные на нем куски фюзеляжа. Он понял, что видит могилу отца.

Издалека слышался грохот прибоя. Черные волны били о берег, на котором стояли покосившиеся кресты и надгробия.

«Это старое индейское кладбище, — сказал голос, — на западе Ванкувера. В одной из его могил зарыт твой брат».

Он снова увидел сани, но теперь в них, кроме старика, сидел плечистый мужчина с колючей бородой. Он положил руку на плечо соседу.

«Странно, что они дружат. Такие разные...»

«Снег падает над всей Вселенной, сын мой, — сказал старик, — над живыми и над мертвыми».

«Она умерла, — добавил другой, — но ты жив. Если не можешь ничего сделать для себя, сделай для нее. Ты ведь ее любил. Смотри!»

Эл Флад увидел себя, засыпанного снегом, и тот же снег на стоянке, на котором красным пятном растеклась кровь Женеьевы.

«Умри за дело, — сказал Хемингуэй. — Не трать жизнь напрасно».

«Умри со смыслом, — поддержал его Джойс. — Поборись за свою смерть».

Тут они исчезли, и остался только снег. Эл Флад услышал собственный захлебывающийся кашель.

«Предсмертный хрип, — подумал он. — Уже скоро».

Он медленно поднялся и, держась руками за контейнер, повернулся.

«Сейчас он будет здесь. Приготовься, Эл».

Внезапно он увидел окно.

Окно в стене справа от него, недалеко от земли. Оно, похоже, не открывалось годами и было покрыто слоем грязи.

Флад разбил стекло рукояткой 38-го и втиснулся внутрь.

И упал с высоты восьми футов в подвал.

20.00

Спарки услышал звон стекла.

Осторожно. Не показывайся раньше времени.

Он вошел в пространство между стеной и контейнерами и успел увидеть, как ноги Флада исчезают в окне.

Убийца кинулся в ту сторону, подняв пистолет.

20.01

Место было таким странным, что сперва Фладу показалось, что он опять бредит. Потом он решил, что вернулся в детство и попал на карнавал.

Вокруг него столпились Микки-Маус и Граф Монте-Кристо, Янки из Коннектикута и Последний из могикан, русский казак и римский центурион. Куклы стояли, прислонившись к стенам, лежали на столах, свисали с крючьев.

На него уставились французский «пуалю» из окопов Вердена и шотландский горец в берете со страусовыми перьями, с волынкой на животе.

Тут были красноносые клоуны, леди Макбет, Панч и Джуди, Просперо из шекспировской «Бури». И повсюду на стенах висели маски монстров. В своем падении Флад сбил две из них, и теперь они смотрели на него с пола. Он опять начал терять сознание.

«Он идет», — прошипело чудовище Франкенштейна с лицом Бориса Карлоффа.

«С глаз долой, из сердца вон!» — взвизгнул Призрак Оперы.

Мумия промолчала.

«Уже поздно, — подумал Флад, чувствуя, как по щекам его стекают слезы. — Прости, Дженни. Мне нужно было остаться там, возле дома. Я...»

Подумай о ней.

«Не могу».

Борись за нее.

«Не могу».

Умри за нее.

«Да, это я могу».

Что-то свалилось на пол слева от него и повернулось к нему. Раздался щелчок затвора.

20.03

Спарки огляделся, вслушиваясь в каждый звук. За разбитым окном завывал ветер. Где-то далеко гудели машины. Хрипели легкие Эла Флада.

Медленно, как кот, готовый к прыжку, он двинулся вперед, лавируя между фигурами.

Не спеши. Подойди к нему с тыла.

Он прошел мимо оранжевого орангутанга, миновал группу ведьм и приблизился к мумии Хариса со сгнившими бинтами и морщинистой коричневой кожей.

Внезапно глаза мумии открылись.

Спарки невольно вскрикнул.

«Ты думал, что можешь убить меня?»

— Мама! — прошептал он.

«Да, сынок. Я вернулась к тебе».

20.04

Мумия свисала с крюка, вбитого в потолок. Вернее, человек был похож на мумию — все его тело закрывали бинты и гипс. Свободными оставались только лицо, гениталии и задний проход. У его ног стояла палитра с красками: красной, белой, желтой и коричневой.

Мумия в ужасе закричала:

— Не надо! Я боюсь иго-о-о-олок!

Вопль перешел в бессвязное хныканье и оборвался, когда он прикусил язык.

— Сейчас, сейчас, — сказала Сюзанна. — Еще немного, — она всадила в головку его члена еще одну серебряную иглу. Потом повернулась к Спарки:

— Хотела бы я проделать это с твоим отцом.

Рядом стояла Кристал, всхлипывая от боли. На ее спине и ягодицах набухали рубцы.

— Еще раз, — Сюзанна ввела иглу в мошонку мумии между яичек.

— НЕ-Е-Е-Е-Е-ЕТ! — заорал мужчина.

В комнате горели факелы, укрепленные в гнездах на каменных стенах. Кристал и Спарки стояли перед стойкой, оба голые. Тела их от страха были покрыты потом — они боялись этого мужчины. Топор, который он принес с собой, стоял у стены.

Мумия начала содрогаться, и из ее напряженного члена хлынула белая жидкость. Потом гипс начал отваливаться от ее тела большими кусками. Белая пыль заполнила воздух. Мужчина свалился на пол, поднялся и потянулся к топору. Кристал начала кричать.

— Ты убила мою мать! — завопил мужчина, поднимая топор.

Спарки в ужасе метнулся к стойке и спрятался за ней. Из укрытия он видел только мечущиеся по комнате тени.

Крик Кристал оборвался, и на пол упала отрубленная рука. Она еще некоторое время дергалась, потом застыла. На камни хлынул поток яркой артериальной крови.

Внезапно Сюзанна звонко рассмеялась.

— Ты убила мою мать, сучка! — взвизгнул мужчина, опять занося топор.

После этого удары следовали непрерывно. Скоро по всему полу валялись в лужах крови искромсанные куски тела девушки. Мужчина упал на колени, продолжая в ярости рубить то, что от нее осталось.

— Сучка! — кричал он. — Сучка! Сучка! Сучка!

Спарки съехался за стойкой, содрогаясь от ужаса. Тут к нему подошли высокие черные сапожки, рядом с которыми валялась по полу окровавленная плоть.

— Ты идешь, милый? Или мама должна тебя дожидаться?

Спарки давно знал цену непослушания и быстро вылез из-за стойки.

Черный кожаный корсет Сюзанны и ее нейлоновые чулки были теперь запачканы кровью. Пах женщины был оголен, и золотые колечки в нем блестели в свете факелов.

— Спарки, ты мой сын? Или ты принадлежишь своему отцу? — спросила она хриплым шепотом.

От девушки, которую звали Кристал, остались только маленькие кусочки плоти на полу.

Мужчина отбросил топор и начал запихивать первый кусок в рот.

— Покажи, что ты мой. Поцелуй свою мамочку в губы. Внезапно Спарки начал кричать.

— Папа, где ты? Спаси меня, папа!

(Я здесь сынок. Я это ты.)

20.05

Эл Флад услышал вскрик и слово «Мама?» — но не мог определить, откуда они доносятся. Он с трудом дотащился на локтях до стола, но дальше продвинуться не мог.

В окне блеснул красный мигающий свет, и он понял, что приехала полиция. Это не вызвало у него никакой радости. Он все равно умирал.

Он с усилием приподнял голову, но увидел только пустые глаза кукол.

«Прощай, дружище горец! Оревуар, пуалю!»

Вдруг он понял, что фигура в красном — вовсе не горец.

Человек в красном мундире стоял, расставив ноги, шатаясь. Руки его были вытянуты, глаза слепо глядели вперед.

Флад услышал шепот.

— Папа, где ты? Спаси меня, папа!

Чудовищным усилием Эл Флад собрал остаток сил. Он поднял пистолет.

— За нее, — прохрипел он.

Раздалось три выстрела.

Рикошет

24 декабря, Рождество, 19.00

Он стоял у окна и смотрел, как падает снег. Внизу по Баррард-стрит сновали машины. На обочине работал снегоочиститель, прорезая своим лязгом монотонное гудение машин. Где-то вдалеке звонили колокола, призывая к молитве, но человек, стоящий у окна, не был верующим.

За спиной только что назначенный старший суперинтендант слышал скрип тележки на гладком больничном линолеуме и звяканье хирургических инструментов. Голоса медсестер эхом отдавались в его голове.

В самой палате единственным звуком было мерное «плип... плип... плип» сердечного стимулятора.

Деклерк отвернулся от окна и сел на стул возле кровати. Лежащий там человек, казалось, уснул.

— Ты меня слышишь. Я хочу, чтобы ты выжил. Странно, но мне кажется, что ты — моя единственная надежда.

Ему не ответили, и некоторое время он молчал. Потом заговорил снова.

— Выстрел, убивший Женевьеву, был рикошетом. Я чувствую, что должен сказать это тебе... чтобы ты себя не винил. Я... я знаю, что ты не виноват в ее смерти. Я восхищаюсь тобой. Слышишь, что я говорю?

Из коридора раздался голоса, потом звук шагов. Закрылись двери.

— Я... я чуть не убил себя. Вот что я хочу тебе сказать. Двое друзей спасли меня, и одним из них была Женевьева. Тогда она взяла с меня слово, что я никогда, что бы ни

случилось, не стану покушаться на свою жизнь. Знаешь, когда я узнал, я едва не нарушил свое обещание. Мне до сих пор хочется это сделать, но я не могу... из-за нее. Я так ее любил.

За окном завывала сирена «скорой». Где-то хлопнула дверь.

— Этот Флад не должен был работать в полиции. Ты знал о нем что-нибудь? Мы понемногу восстанавливаем картину. У него предрасположенность к наркотикам. Он из неблагополучной семьи. Отец — алкоголик, брат — наркоман. Его с трудом приняли в полицейскую академию — как мне жаль, что это случилось! Последние месяцы Флад встречался с доктором Джорджем Руриком, моим знакомым психиатром. Тот сказал, что у него была серьезная депрессия. Он сомневался в себе как в мужчине и как в полицейском. Думаю, это усугублялось кокаином. Он, должно быть, отобрал его у какого-нибудь торговца, попробовал и пристрастился.

По коридору прогремела тележка.

— Рурик направил его на семинар Женеьевы, и он в нее влюбился. Авакумович видел их вместе в кафе. Бедная Дженни, она искренне хотела ему помочь. В тот вечер он упросил ее приехать, просил о помощи. Возможно, он рассказал ей о наркотиках, о деньгах, которые можно за них выручить, и уговаривал бежать с ним. Во всяком случае, она позвонила мне вечером и сказала, что у нее ко мне важное дело. Мне передали это, когда она была уже мертва. Когда ты попытался его задержать, и он открыл огонь. Я не знаю, что было бы, если... Может, он взял бы ее в заложники? Или она уговорила бы его сдаться? Теперь я никогда этого не узнаю. Но я рад, что ты убил его. Этот человек позорил полицию.

За окном затормозил автомобиль. В нем играло радио; «Лед Зеппелин» пели про вечную любовь.

Деклерк придвинулся ближе:

— У меня когда-то была дочь. Я очень ее любил, но ее похитили и убили. Я никогда не увидел ее взрослой. Я хочу, чтобы ты понял: то же испытал твой отец. Если бы он увидел тебя сейчас, он бы гордился тобой.

Он сглотнул слезы.

— Он был моим учителем. Он был тогда старше, чем я сейчас, но относился ко мне, как к равному. Твою мать я видел только раз, как раз перед тем, как вы уехали на север. Она была очень красивой женщиной. Я удивился, когда узнал, что ты служишь в полиции. Я нашел твоё имя в списках, когда подбирал людей для отряда. Тогда, в Монреале, я видел и тебя и хорошо помню, как гордился тобой твой отец, когда ты делал первые шаги. Когда он пропал в том буране, тебе было всего два года. До этого он один только раз приезжал ко мне в Квебек и попросил о двух вещах. Он попросил меня, если с ним что-нибудь случится, проследить за тобой и, когда ты вырастешь, передать тебе вот это.

Он достал из кармана пальто пакет.

— Скоро ты выздоровеешь, и я надеюсь, что мы станем друзьями. Хотя и поздно, но я хочу сдержать слово, которое дал твоему отцу. Я хочу, чтобы ты хотя бы отчасти заменил мне дочь.

Он медленно развернул пакет, достал оттуда «энфилд» и положил на столик у кровати.

— Он принадлежал твоему деду. Инспектору Уилфреду Блейку. Твой отец оставил мне его, когда приезжал в Квебек. Я хочу, чтобы ты взял его. И еще: когда мы виделись с твоим отцом в Монреале, он сказал: «Роберт, ты видел когда-нибудь у детей такие глаза? Они же просто сияют!» Потом он повернулся к тебе и позвал: «Спарки, иди к папе», — и ты пополз. Уже тогда меня поразило выражение твоих глаз.

Человек на кровати дернулся, и, уловив это движение, Роберт Деклерк придвинулся к нему еще ближе.

— Я знаю, ты можешь это сделать. Можешь превзойти своего отца и даже самого Уилфреда Блейка.

Глаза человека на кровати медленно, с усилием открылись. На губах Кэтрин Спэн появилась улыбка¹.

¹ Просим прощения у читателей за недозволенный прием. Автор везде говорит о Спарки так, что невозможно понять, мужчина это или женщина. Но в русском тексте такая неопределенность затруднительна, поэтому нам пришлось везде писать о ней в мужском роде, чтобы не разрушать сюжет (Прим. пер.)

Эпилог

«Я обнял ее, но, едва я запечатлел на ее губах первый поцелуй, как их тронул могильный холод, и оказалось, что я сжимаю в объятиях труп моей матери. Тело ее облегал саван, в складках которого копошились черви. Я очнулся от сна в холодном поту, со стучащими от страха зубами, и в бледном призрачном свете луны передо мной предстало зло-счастное чудовище, которое я создал».

Мэри Шелли
«Франкенштейн»

Маска

Вторник, 28 декабря, 10.15

Это могло происходить в 1944-м в Арденнах.

В то хмурое декабрьское утро, когда «Джи-ай» Омара Брэдли, проснувшись, оказались лицом к лицу с Шестой танковой армией СС. Ровно в 5.30 две тысячи немецких орудий обрушили шквал огня на позиции американцев по всему Выступу. Повсюду громыхали «тигры» и «пантеры», а над головой проносились «фокке-вульфы», поливая позиции огнем.

В сорока футах в тумане показался танк.

Он ясно слышал гудение его мотора и лязг гусениц. Он поднял гранатомет и нацелился сквозь туман в громаду металла перед ним. Палец его был уже готов нажать на спуск, когда из тумана раздался голос:

— Эй, парень, хватит мечтать! Пора выпить кофе.

Да, это могло произойти в 44-м.

Но не произошло.

Со вздохом юноша поднял мусорный бак и, подтащив его к мусоровозу, вывалил содержимое в открытый кузов машины. Он включил гидравлический рычаг, и тот с гудением принялся равномерно разгонять мусор по кузову. Юноша снял перчатки и подошел к кабине, где его ждали двое других.

— Рановато ловить мух на работе, парень.

Это сказал высокий худой мужчина лет пятидесяти, отзывающийся на прозвище Ловкач. Он налил юноше

кофе и ободряюще улыбнулся ему щербатой улыбкой. Юноша улыбнулся в ответ.

Другой был маленького роста, с большим животом и красным носом пьяницы. Он был немного моложе Ловкача, и руки его были украшены морской татуировкой. В отделе очистки его звали Перфессор, и если у него и было другое имя, его давно забыли все, включая его самого. Он сидел на краю кабины и прихлебывал кофе из крышки термоса.

— Вот проработаешь двадцать лет, — продолжал Ловкач, — тогда можешь скучать.

Юноша только кивнул.

— А как это ты попал на такую работу, парень?

Мог бы найти что-нибудь лучше.

— Так, случайно.

— По-моему, это не очень счастливый случай. — Это сказал Перфессор, и юноша повернулся к нему:

— Я окончил первый семестр в университете. У них есть программа устройства студентов на работу, но моя очередь подошла как раз на Рождество. Ничего другого не было. Кроме того, мне нужны деньги.

— О, так среди нас ученый! И скажи, Джефф, в какой области ты ведешь изыскания?

— В истории.

— А-а, Шерлок Холмс прошлого!

— Вообще-то, я хочу потом специализироваться на археологии.

— Ох ты, — Перфессор укоризненно поглядел на Ловкача. — И ты говоришь, что ему скучно! Да эта работа — для него настоящее золотое дно.

Ловкач недоверчиво покачал головой и достал из кармана своих грязных штанов пачку дешевых сигарет.

— Скажи, неужели тебе скучно? Или ты думаешь, что эта работа слишком плоха для тебя?

— Конечно, нет, — сказал Джефф.

— Еще бы! Я не люблю тех, кто смотрит свысока на нашу работу. Любая работа может чему-то научить, а эта особенно.

— Перфессор говорит, что тот человек, который не хочет убирать мусор вокруг себя, — настоящее дерьмо, — пояснил Ловкач. — Ты его слушай. Он повидал мир и знает все — во всяком случае, насчет выпивки и баб.

«Они говорят, как в английском водевиле», — подумал Джефф, но придержал эту мысль при себе.

— Значит, археолог? Это тот, кто копается в древнем мусоре, чтобы узнать, как люди жили раньше? Что-то вроде мусорщика по призванию, правильно?

— Правильно.

Ловкач выпустил струю вонючего дыма:

— Перфессор говорит, что мусор — самое верное отражение жизни.

— Ах, мусор! — Перфессор отхлебнул еще кофе. — Когда от меня ушла жена, у меня оказалось много свободного времени. И вот как-то я поставил опыт. Я надел белую рубашку и галстук и прошелся по тем же улицам, где мы ездим на этой развалюхе. Только на этот раз я шел по тротуару и видел людей в масках, которые они натягивают на себя. А потом я шел на работу и видел их без маски. Понимаешь? Сейчас я кое-что тебе покажу, чтобы ты понял.

Он залез в стоящий рядом мусорный бак и достал оттуда черный пластиковый пакет.

— Скажи мне, что ты тут видишь.

Джефф заглянул в пакет и начал перечислять:

— Коробка из-под мороженных цыплят. Две пачки от готовых завтраков. Номер «Сплетника». Номер «Бюллетень женской сексуальности». Два туристических буклета про Гавайи. Два корешка билетов на самолет. Пачка от презервативов. Несколько пустых упаковок «Клинекса» со следами губной помады. И еще какие-то листки.

— Отлично. Добавим, что листки — это бумаги воскресной школы. А теперь прими к сведению, что в доме живут баптистский проповедник, его жена — которая не пользуется помадой, — и их благочестивый пятнадцатилетний сын. Какие из всего этого следуют выводы?

— Вот ублюдок! — воскликнул Джефф, и все трое рассмеялись. Ловкач выплюнул окурок в снег.

— Теперь попробуй ты, мистер Холмс.

Джефф оглянулся. Футах в двадцати, у четырехэтажного дома — обычного дома Вест-Энда, — стояли два мусорных бака.

— Сейчас, — сказал он и направился к ним. Ловкач и Перфессор смотрели, как он достает из одного бака спортивную сумку «Адидас», расстегивает ее и заглядывает внутрь. Потом он пожал плечами:

— Перфессор, посмотри сам. Ничего не понимаю. Двое рабочих подошли к нему, и все втроем они стали изучать странный предмет.

Он был сделан из черного дерева, тускло отсвечивающего в тумане, и состоял из двух направленных в разные стороны лиц с большими круглыми носами, каждое длиной два дюйма. Один нос был гладким, другой обломан. У обоих лиц был раскрыт рот, и оттуда высовывался длинный восьмидюймовый язык.

— Ну? — Джефф посмотрел на коллег. — Что это?

— Это, сынок, то, что называют Венериным Рогом. Можешь назвать его и Языком Дьявола. Этот довольно тонкой работы, но дешевый аналог можно купить в любом секс-шопе.

Джефф уставился на двойной искусственный член.

— В Карибском море есть местечко под названием «У Ника». Туристы стекаются туда толпами. За пачку зеленых там можно увидеть любое шоу. Я однажды был там, когда плавал на сухогрузе.

Так вот, в одном из этих шоу две женщины делают зверя с двумя спинами, как сказал старик Шекспир, пользуясь вот такой вот игрушкой. Причем треть публики в зале тоже составляли женщины. А во второй серии то же самое делали мужчины.

Все трое молча поглядели друг на друга.

Наконец Джефф сказал:

— Хотел бы я посмотреть на женщину, пользующуюся такой штукой.

— Чудовище Франкенштейна было составлено из частей тел *разных* людей, — ухмыльнулся Ловкач.

Они отвернулись и пошли к машине. По пути они заглянули в железный бак, но там не было ничего, кроме пепла.

Джефф уже хотел залезть в машину, но Ловкач положил руку ему на плечо.

— Я говорил тебе, что мир держится на трех вещах — деньгах, бабах и выпивке?

— Говорил, — сказал Джефф. Сумку со странным предметом он засунул за сиденье машины.

— Но еще не говорил про Главный жизненный урок мусорщика?

— Нет. А что это?

— Перфессор говорит, что в этом городе — в любом городе, — настоящий мусор не в этих баках. Он в тех людях, что его выбрасывают.

С о д е р ж а н и е

ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ	5
Перевод В.Вадимова	

Литературно-художественное издание

Майкл Слэйд

ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ

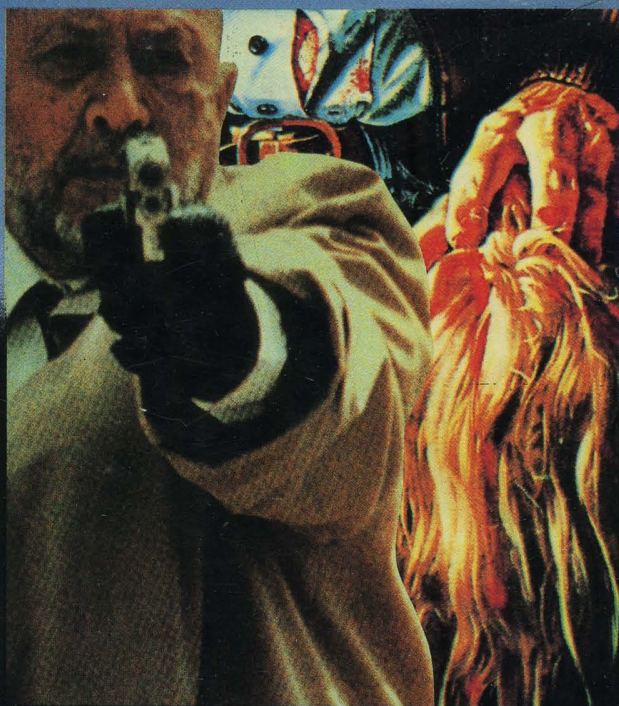
Выпуск 44

Сдано в набор 21.04.96. Подписано в печать 22.05.96 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 24 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20

МАЙКЛ СЛЭЙД

**Охотник за головами
бродит по ночному Ванкуверу.
Его жертв, обезглавленных, находят
повсюду: женщин плавающих в реке,
привезенных к индейским тотемным
столбам, закопанных в земле. Канадской
конной полиции предстоит найти
таинственного убийцу. О его единоборстве с
инспектором Деклерком
читайте в новом остросюжетном романе
Майкла Слейда.**